МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 4 (23) / 2021

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2021

№ 4 (23) / 2021 / ДЕКАБРЬ. Выходит 4 раза в год.
Научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г.
Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Серия: Исторические и филологические науки

Группы специальностей: 07.00.00 История и археология;
10.01.00 Литературоведение;
10.02.00 Языкознание

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13 июня 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Главный редактор
В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ

Заместитель главного редактора
Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Секретарь
С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ

Члены редколлегии:
С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,
О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,
Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, директор Вологодского научного центра Российской академии образования, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,
Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,
В.А. Квашнин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и мировой политики ВоГУ,
И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,
Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского,
Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель автономной некоммерческой организации «Общеобразовательная школа Центра педагогического мастерства»,
С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»,
О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,
Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,
Я.В. Сарычев, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии по научной работе, профессор кафедры русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ,
В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета

Переводчик – О.А. Бурсина

Редакторы – О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: e-mail: vestnik@vogu35.ru; http://vestnik.vogu35.ru

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 4 (23) / 2021

Series: History and Philology

VOLOGDA
2021

No. 4 (23) / 2021 / December. 4 issues a year

Science Journal «Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology» has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016.

Full-size versions of the issues can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Series: History and Philology

Academic areas: 07.00.00 History and Archaeology
10.01.00 Literature Studies
10.02.00 Linguistics

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University»

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019

Editor-in-Chief

Vasily A. Sablin, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Deputy Chief Editor

Ludmila V. Egorova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University

Executive Secretary

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Editorial Board

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Head of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Education, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Vologda State University

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Lecturer, Autonomous Non-Profit Organization «Comprehensive School at the Center for Pedagogical Excellence»

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional University

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University

Yaroslav V. Sarychev, Doctor of Philology, Assistant Professor, Deputy Director for Research at the Philological Institute, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shanskiy,

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University

Editor of English Texts – O.A. Bursina

Editors, proofreaders – O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova

Making up and technical editing – S.V. Kudryavtsev

Address of Editorial Office: e-mail: vestnik@vogu35.ru

Bulletin website: http://vestnik.vogu35.ru

ISSN 2658-7254

© Vologda State University, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Саблин В.А. ВИЗИТЫ ПЕТРА ПЕРВОГО В ВОЛОГДУ. НАВСТРЕЧУ 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО 7

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Головизнин М.В. ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ЛЕВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС 1960-Х ГОДОВ 9

Пудов Г.А. ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ СУНДУЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА РУССКОГО СЕВЕРА 21

Саблин В.А. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ АГРАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ 25

Славнитский Н.Р. «ВОЕННОПЛЕННЫЕ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ ЛЕТОМ 1914 Г. И ИХ ОТПРАВЛЕНИЕ В ВОЛОГДУ 31

Столетова А.С. СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ НА ФРОНТЕ: ВОЕННАЯ ДОРОГА А.Я. ЯШИНА 35

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Головкина С.Х. ОБРАЗНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» 40

Зелезинская Н.С. НЕ ГЕРОЙ МОЛОДЕЖНОГО РОМАНА И ПРЕКРАСНАЯ ДАННОСТЬ МИРА 45

Красильникова Е.А. ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ В. КАМИНЕРА «RUSSENDISKO» 49

Марков А.В. ЭСТЕТИКА ПИРАНЕЗИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРОТОКУРАТОРСТВО ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА 53

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Баженов Н.Ю. ТРАДИЦИОННАЯ ЭТИКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ОБРАЗНОЙ СЕМАНТИКЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ РЕЧИ) 58

Бубнова Н.В. ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В УЧЕБНЫХ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОГО МАТЕРИАЛА) 62

Ильина Ю.Н. СПОСОБЫ ТОЛКОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ В АВТОРСКОМ СЛОВАРЕ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ 65

Коренева Ю.В. СЛОВА С КОРНЕМ -СВЯЩ- В СЛОВАРЕ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ 68

Недоступова Л.В. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКИХ ПРОЗВИЩНЫХ ИМЕНОВАНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НАРОДНОЙ РЕЧИ 71

Орлова Е.О. НОМИНАТОР И ИНТЕРПРЕТАТОР: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ 77

Петров А.В. ПРОЕКТ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТИЗМОВ «ЖИВОЕ СЕВЕРНОЕ СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ» 81

Филиппов А.К., Филиппов К.А. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ДУБЛЕТНЫЕ СЛОВА В РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ XVIII ВЕКА 85

Флянтикова Е.В. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ЛЕКСЕМЫ «ПИРОГ» (НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА) 90

Шарихин Е.Ю. О РЕДКИХ ЭМОТИВНЫХ НАРЕЧИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX В. (НА МАТЕРИАЛЕ КАЧЕСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ С ФОРМАНТОМ -ТЕЛЬНО) 93

Шевченко Н.В. ЩУКА, ЩУРЁНОК И ИХ НАЗВАНИЯ В ДИАЛЕКТАХ РАЗНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ 98

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Головкина С.Х., Федорова А.В. ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕМИНАР «ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА “ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО” В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ» 101

Егорова Л.В. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА: АНТОЛОГИЯ. Т. 1: СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДА / под общ. ред. И.О. Шайтанова. М.: РГГУ, 2021. 443 с. 105

Цветкова А.Н. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ШАЛАМОВ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ: сборник трудов Международной молодежной научной конференции «Я различаю – где добро, где зло», посвященной творчеству В.Т. Шаламова (Вологда, 18 июня 2021 г.) / сост. и ред. В.В. Есипов. Вологда: Сад-огород, 2021. 190 с. 109

Югай Е.Ф. ВОЛОГОДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОРТРЕТАХ И ДИАЛОГАХ 112

Якушева Л.А., Новосёлов А.М. РУССКИЙ СЕВЕР: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ – 2021: КОНФЕРЕНЦИЯ, СБОРНИК, ТРАДИЦИЯ 114

Якушева Л.А. ПУСТЬ ВНАЧАЛЕ БУДЕТ ДЕЛО: ОЗНАКОМИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СТУДЕНТОВ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ РЕСУРС 117

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 120

CONTENTS

Sablin V.A. PETER THE GREAT IN VOLOGDA. LOOKING FORWARD TO THE 350TH ANNIVERSARY OF PETER THE GREAT'S BIRTH 7

HISTORY

Goloviznin M.V. VARLAM SHALAMOV AND THE LEFT-WING POLITICAL DISCOURSE OF THE 1960S 9

Pudov G.A. THE CHEST OF THE RUSSIAN NORTH. ISSUES OF HISTORIOGRARHY 21

Sablin V.A. STATE POLICY IN THE SPHERE OF AGRARIAN COLONIZATION OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN 1920–1930S 25

Slavnitsky N.R. «PRISONERS OF WAR» IN THE ST. PETERSBURG FORTRESS IN SUMMER 1914 AND THEIR EXILE TO VOLOGDA 31

Stoletova A.S. SOVIET WRITER AT THE FRONT: MILITARY PATH OF A. YA. YASHIN 35

LITERATURE STUDY

Golovkina S.H. IMAGINARY IMPLEMENTATION OF THE THEME OF CHILDHOOD IN THE STORY BY V.I. BELOV «AN ORDINARY AFFAIR» 40

Zelezinskaya N.S. NOT THE HERO OF A YOUNG ADULT NOVEL AND THE BEAUTIFUL ENTITY OF THE WORLD 45

Krasilnikova E.A. PROBLEMS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN V. KAMINER'S NOVEL RUSSENDISKO» 49

Markov A.V. PIRANESI'S AESTHETICS IN RUSSIAN LITERATURE: PROTOCURATION OF PUBLIC SPACE 53

LINGUISTICS

Bazhenov N.Yu. TRADITIONAL ETHICS AND ITS REFLECTION IN THE FIGURATIVE SEMANTICS OF A DIALECT WORD (ON THE MATERIAL OF SPEECH-ACT VERBS) 58

Bubnova N.V. PECULIARITIES OF THE DESCRIPTION OF ANTHROPONYMIC VOCABULARY IN EDUCATIONAL LINGUISTIC REGIONAL AND CULTURAL DICTIONARIES (ON THE SMOLENSK MATERIAL) 62

IlyinaYu.N. INTERPRETATION OF MEANINGS IN THE AUTHOR'S DICTIONARY OF A DIALECT SPEAKER 65

Koreneva Yu.V. WORDS WITH THE ROOT -СВЯЩ- IN I. SREZNEVSKY'S DICTIONARY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN HISTORICAL SEMANTICS AND LEXICOLOGY 68

Nedostupova L.V. CHARACTERISTIC FEATURES AND USE OF RURAL NICKNAMES IN FOLK SPEECH 71

Orlova E.O. NAMING AND INTERPRETING: POSSIBILITIES AND LIMITS OF UNDERSTANDING 77

Petrov A.V. DIALECT DICTIONARY PROJECT «*LIVE NORTHERN WORD IN FICTION*» 81

Filippov A.K., Filippov K.A. FOREIGN DOUBLET WORDS IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TRANSLATED SPECIALIZED TEXTS 85

Fliantikova E.V. LEXICAL-SEMANTIC VARIANTS OF THE LEXEME 'ПИРОГ' ('PIE') (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS) 90

Sharikhin E.Yu. RARE EMOTIVE ADVERBS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 19TH CENTURY (ON THE MATERIAL OF QUALITATIVE ADVERBS ENDING IN -*ТЕЛЬНО (-TELNO))* 93

Shevchenko N.V. PIKE, PICKEREL AND THEIR NAMES IN THE DIALECTS OF RUSSIAN REGIONS 98

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

Golovkina S.H., Fedorova A.V. ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC LITERARY SEMINAR «THE STORY "AN ORDINARY AFFAIR" BY VASILY BELOV IN MODERN PERUSAL» 101

Egorova L.V. LITERARY COMPARATIVE STUDIES: ANTHOLOGY. VOL. 1: FORMATION OF THE METHOD / Edited by I. O. Shaitanov. M., 2021. 443 p. 105

Tsvetkova A.N. BOOKREVIEW: V. SHALAMOV IN THE EYES OF THE YOUTH: Proceedings of the International Scientific Conference «I CAN SEE WHERE THE GOOD AND THE EVEL IS», based on V. Shalamov's oeuvre study (Vologda, 2021, 18 June) / ed. by V.V. Esipov. Vologda, Sad-Ogorod, 2021. – 190 p. 109

Yugai E.F. VOLOGDA LITERATURE IN PORTRAITS AND DIALOGUES 112

Yakusheva L.A., Novosyolov N.M. RUSSIAN NORTH: PROBLEMS OF STUDYING AND PRESERVING HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE-2021: CONFERENCE, PROCEEDINGS, TRADITION 114

Yakusheva L.A. IN THE BEGINNING LET IT BE THE ACTION: THE INTRODUCTORY STUDENT PRACTICE AS AN INNOVATIVE RESOURCE 117

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 122

В.А. Саблин
главный редактор научного журнала
«Вестник Вологодского государственного университета.
Серия: Исторические и филологические науки»,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета

ВИЗИТЫ ПЕТРА ПЕРВОГО В ВОЛОГДУ. НАВСТРЕЧУ 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В 1692 году Петр Первый оказался в Вологде в первый раз, с практической надобностью, – «шествие имел через Вологду на Кубенское озеро и оное осматривал». Как известно, Петр отыскивал удобное место для учебных плаваний на кораблях. Озеро царю не понравилось, устраивать там маневры «потешного» флота не представлялось возможным из-за непредсказуемого нрава озера и прибрежного мелководья. Не сохранились и детали его пребывания в Вологде.

Второй раз Петр прибыл в Вологду на следующий год (6 июля 1693 года) в сопровождении ста человек свиты и охраны. В Вологде царь находился проездом к Белому морю, точнее к Архангельскому порту. Царь пробыл в Вологде три дня. Но обстоятельства его пребывания здесь также неизвестны.

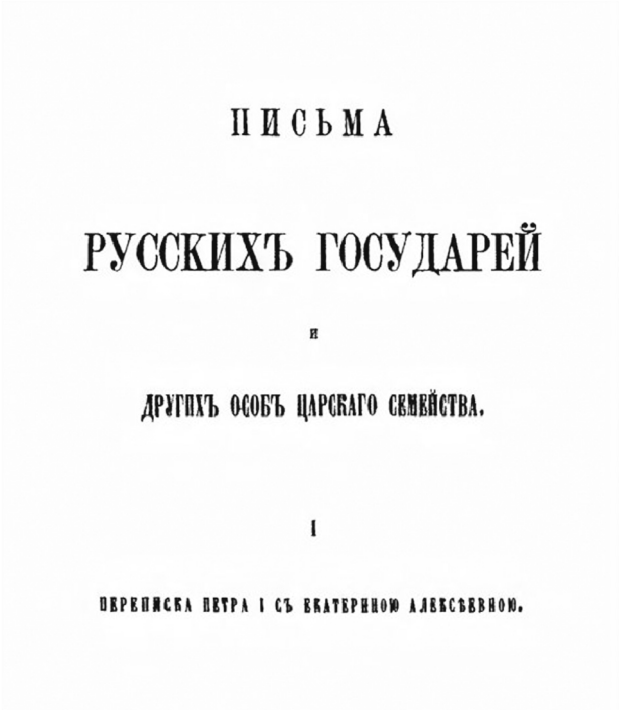
Третий визит царя в Вологду начался 4 мая 1694 года, когда он на подводах со свитой из трехсот человек прибыл в Вологду из Москвы. И вновь пробыл здесь трое суток. Известно, что он посетил Козленскую слободу, славящуюся канатным производством. Там он внимательно наблюдал за витьем канатов и работой вологодских мастеров остался очень доволен.

Четвертый приезд в Вологду состоялся в середине мая 1702 года, в начале Северной войны: Петр вновь стремится в Архангельск. Он обеспокоен появившейся информацией о возможном нападении шведов на Архангельск со стороны Белого моря. К его приезду велено было построить более трех сотен судов, грузоподъемностью до 4000 пудов каждое, для «сплавления в Архангельск воинских снарядов и ратных людей». В Вологде было собрано свыше четырех тысяч солдат Преображенского полка.

В пятый и шестой раз уже будучи императором Петр Первый оказался в Вологде в 1722 и 1724 годах по возвращении с олонецких лечебных (марциальных) вод. Известно, что Петр останавливался в Вологде на дворе, принадлежащем голландским купцам Гутманам. Одно из строений двора – «палата каменная о трех житиях» – позднее стала первым вологодским музеем, получившим название «Домик Петра».

Остались весьма любопытные свидетельства о пребывании царя на водах, когда, «прогуливаясь при питии марциальных вод», он сказал своему лейб-медику: «Врачую тело свое водами, а подданных примерами, и в том и в другом исцеление вижу медленное, все решит время, на Бога полагаю надежду».

В 1872 году, к 200-летию первого российского императора, вологодское земство выкупило дом у купца Витушечникова, а через тринадцать лет, после серьезной реставрации, музей встретил первых посетителей.



ПИСЬМА

РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ

и

ДРУГИХЪ ОСОБЪ ЦАРСКАГО СЕМЕЙСТВА.

I

ПЕРЕПИСКА ПЕТРА I СЪ ЕКАТЕРИНОЮ АЛЕКСѢЕВНОЮ.

№ 173.—1722 февраля 10. Письмо Петра I къ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ***объ отъѣздѣ своемъ изъ Вологды.***

Катеринушка, другъ мой сердешниньской, здравъствуй!

Писмо твое я получилъ вчерась чрезъ Салавова, і хотя обнадеживаете, что вамъ лехче, однакожъ понеже лишней день перемешкали, такъже при доносителе писма вашего еще не поѣхали,—не безъ сумнѣнья мнѣ. Дай, Боже, васъ въ радости видеть! Я сего дня поѣду отсель ввечеру въ путь свой.

Петръ.

Съ Вологды, въ 10 день февраля 1722.

Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; хранится въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д.

В начале XX века искусствовед Г. К. Лукомский так описывал это здание: «К числу старейших светских зданий Вологды надо отнести, когда-то принадлежавший вдове Гоутман и служивший местом для остановок Петра Великого – домик в две комнаты близ церкви Феодора Стратилата, ныне музей “исторический уголок гор. Вологды”, находящийся в ведении Губернской Земской Управы. Долгое время этот

исторический домик оставался в полном забвении (между прочим служил складом льна и кудели); в 70-х же годах по случаю двухсотлетия со дня рождения Петра I, он был приобретен дворянством, городом и земством, понемногу “реставрирован”, и, наконец, летом 1875 г., в присутствии Вел. Кн. Владимира Александровича освящен и открыт. Переписная книга города Вологды того времени следующими словами описывает наружность и положение дома: “Двор Голландской земли торгового иноземца Ивана Алферьева сына Гоутман в длину 64, поперек по лицу 70 саж. с аршином; на дворе палата каменная о трех жильях, под нею погреб; среди двора четыре светлицы в одной связи, низменные, у них двои сени, под сеньми погреб; по правую сторону от ворот три светлицы, у них двои сени низменные-ж, по левую сторону у ворот изба с сеньми; среди двора погреб каменный кладовой. На том-же дворе позади хором, шесть амбаров кладовых, пивоварня; на левой стороне восемь стойл конских с сенницами-ж; два сарая на передней улице, подле переулка лавка; подле двора Ивана Гоутман переулок проезжий к реке Вологде”. По счастливой случайности на переднем фасаде каменного домика сохранилась до сего дня большая каменная доска, вделанная в стену, с изображением герба, на котором представлена рука, держащая секиру, на верху литеры H. R. S., а внизу под гербом на ленте год 1704. Весьма вероятно, что если не сам Иван Гоутман или кто-либо из его рода, то жильцы этого дома принадлежали к официальным лицам Голландии; быть может, сам Гоутман был торговым агентом, Голландским консулом, жившим в Вологде для промышленных целей.

Из приведенного отрывка писцовой книги нельзя не заметить, что двор голландца Гоутмана принадлежал к лучшим посадским местам города, рекомендуя владельца, как человека весьма зажиточного, у которого была и каменная палата о трех жильях и на небольшой сравнительно дворовой площади расположено было до девяти жилых помещений, а сверх того и торговая лавка. Домик не представляет, правда, почти никакого художественно-архитектурного интереса, тем более что не так давно отделкой (новые наличники окон и покраска в шашку крыши) сметен налет той старины, которая чувствовалась сильнее лет 25 тому назад, хотя уже и тогда были внесены в первоначальную архитектуру дома некоторые изменения.

Но и для этой поры строительства – если считать его построенным в начале XVIII столетия – домик не типичен. Судя (на старом снимке) по сохранившимся наличникам с треугольными фронтонами и очевидно несколько измененному карнизу – это было сооружение еще в русском стиле. Для эпохи Петровского барокко (напр. домик в Петергофе) этот образец не типичен, но вместе с тем это сооружение весьма старое и интересное особенно внутри (обширный купольный свод большой комнаты, перекрещивающиеся полосы железных связей)».

Церковь Федора Стратилата и домик Петра Первого. XIX век.

О пятом визите Петра Первого в Вологду сохранились краткие сведения в его письме, адресованном супруге Екатерине Алексеевне и датированном 10 февраля 1722 года. Письма царя были опубликованы в сборнике «Письма русских государей и других особ царского семейства / Изд. Комис. печатания гос. грамот и договоров, сост. при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел. 1 Переписка императора Петра I с государынею Екатериною Алексеевною. Москва, 1861».

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О праздновании 350-летия со дня рождения Петра I

Учитывая большое значение реформ Петра I для истории России и в связи с исполняющимся в 2022 году 350-летием со дня его рождения, постановляю:

1. Принять предложение Правительства Российской Федерации о праздновании в 2022 году 350-летия со дня рождения Петра I.

2. Правительству Российской Федерации:

в месячный срок образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования 350-летия со дня рождения Петра I и утвердить его состав;

в 3-месячный срок обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 350-летия со дня рождения Петра I.

3. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления принять участие в подготовке и проведении мероприятий, посвященных празднованию 350-летия со дня рождения Петра I.

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации В.Путин

КАНЦЕЛЯРИЯ

Москва, Кремль
25 октября 2018 года
№ 609

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).084

М.В. Головизнин
Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ЛЕВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС 1960-Х ГОДОВ

В статье представлен анализ материалов, касающихся проблемы «В.Т. Шаламов и левый политический дискурс Запада», в частности издания первого перевода «Колымских рассказов» на французский язык, выпущенного в 1969 году бывшим членом IV Интернационала Морисом Надо (1911–2013). В работе впервые публикуются некоторые документы из архива переводчика книги Жан-Жака Мари: письмо издателя, из которого следует, что Шаламов знал о подготовке перевода и дал согласие на его издание во Франции. Помимо документов, материалом для анализа послужил шаламовский текст «Письмо старому другу», записные книжки Шаламова начала 1970-х годов, в которых он дает оценки западным левым и ряд других материалов. Интерес писателя к западным левым радикалам и их идеям перекликается с его пиететом к Эрнесто Че Геваре и имеет, на наш взгляд, глубокие корни, идущие от участия Шаламова в Левой оппозиции конца 1920-х годов. Этот интерес позволяет допустить возможность прямых или опосредованных контактов Шаламова с западными левыми, а мысли писателя о гласности как лучшем врачевателе «социальных язв» России объясняют возможность передачи автором «Колымских рассказов» за рубеж. С другой стороны, упадок левых сил в мире в 1970-е годы, поворот советских диссидентов вправо вызвал негативную реакцию у Шаламова, которая отразилась в письме в «Литературную газету» от 16 февраля 1972 года.

В.Т. Шаламов, Жан-Жак Мари, Морис Надо, Колымские рассказы, новые левые, диссидентское движение в СССР.

Поводом для настоящей работы послужила дискуссия на вечере памяти писателя Варлама Тихоновича Шаламова в Вологде 16.01.2021 когда Шаламовскому дому-музею была передана книга «Récits de Kolyma» – первое издание «Колымских рассказов» во Франции, выпущенное в 1969 году издателем Морисом Надо (1911–2013), левым политическим активистом, участником Сопротивления в годы войны, членом французской секции IV Интернационала, основанного Л.Д. Троцким. Вместе с книгой в музей также были переданы письма издателя и воспоминания первого переводчика «Колымских рассказов» на французский язык, историка и левого публициста Жан-Жака Мари (род. в 1937 г.), касающиеся истории выхода книги. Хотя документы, дополняющие историю шаламовского «тамиздата», интересны сами по себе, мы посчитали необходимым показать предысторию и тот фон, на котором публикация шаламовских текстов во Франции была сделана. Это обусловило формулировку темы.

«Троцкизм» Варлама Шаламова

Как следует из биографической справки о Шаламове, опубликованной во французском издании, и из свидетельств переводчика, парижские издатели знали о том, что его первый арест в 1929 году был связан с распространением листовок Левой оппозиции в ВКП(б), лидерами которой были Л.Д. Троцкий и Г.Е. Зиновьев. Сразу стоит определиться с терминами. Сторонники Левой оппозиции называли себя «большевиками-ленинцами», выступая за восстановление ленинских норм в партии, о чем свидетельствовал их главный лозунг: «Повернем огонь направо – против нэпмана и бюрократа». Название «троцкисты», которое в виде политического ярлыка использовали их противники для создания образа врага, самими левыми оппозиционерами воспринималась как инвектива. В современном политическом лексиконе термин «троцкисты» используется для обозначения левых течений, разделяющих идеи Л.Д. Троцкого, и далеко не всегда воспринимается как негатив. Более подробный анализ этого этапа биографии писателя был произведен нами ранее[1]. Здесь мы считаем нужным коснуться данной темы, чтобы лучше представить исторический контекст проблемы «Шаламов – западные левые», а во-вторых, в связи с тем, что чрезвычайно живучее в умах представление о «троцкизме» как «абсолютном зле» русской истории не обошло и Шаламова, создав немало спекуляций.

Пальма первенства в этом отношении принадлежит, пожалуй, писателю-«государственнику» Ю. Полякову, неоднократно выступавшему в печати с тези-

[1] Подробнее об этом см.: Головизнин Марк. Варлам Шаламов и внутрипартийная борьба 20-х годов // Шаламовский сборник. Вып. 3. Вологда: Грифон, 2002. С. 160–168. URL: https://shalamov.ru/research/28/ (дата обращения: 10.06.2021).

сом, что Шаламов – «троцкист», следовательно, получил лагерный срок «за дело»[2]. Вынужденный-таки цитировать реальные свидетельства участия Шаламова в Левой оппозиции, из которых никак нельзя сделать выводы о государственных или партийных преступлениях ее участников, Ю. Поляков, как «герой оговорочки», декларирует: [Шаламову] «хотелось всего-навсего мировой революции, к которой звал великий Ленин и которой пренебрег кремлевский горец Сталин. *Правда, неизвестно еще, что стало бы со страной, победи тогда* "*перманентники*"»[3] (курсив наш. – *М. Г.*) [14].

С другой стороны, показательным является недавнее интервью литературоведа и шаламововеда Е. Михайлик ресурсу gorky.media: «[Вопрос]: …И поэтому сейчас некоторые неавторитарные левые любят записывать его [Шаламова] в троцкисты? [Ответ Е. М.] – Это, простите, анекдот. Троцкистом Шаламов не был. Его отношение к революционному насилию известно. Против индивидуального террора он, кажется, ничего не имел. А против системного классового насилия имел и неоднократно эту позицию выражал. Присоединился к троцкистской оппозиции он просто по той причине, что это была единственная доступная оппозиция…» [12].

Комментируя вышесказанное, добавим, что «неавторитарные левые» (современные антисталинские группы, в том числе и «троцкисты») не часто обращаются к Шаламову по двум причинам: он не был идеологом или теоретиком оппозиции, а также потому, что жанр художественной литературы в силу допустимости вымысла не кажется для «неавторитарных левых» весомым аргументом в политическом споре, который они ведут со своими оппонентами. Увы, чаще тема «троцкизма» применительно к Шаламову педалируется именно с позиций «абсолютного зла», во-первых, теми, кто склонен оправдывать репрессии 30-х годов как борьбу Сталина с «троцкистами» – «реальными врагами народа». В их писаниях Шаламов представлен именно как «озлобленный троцкист-антисоветчик», «получивший по заслугам». Во-вторых, как это видно из интервью с Е. Михайлик, проблема «Шаламов – "троцкизм"» рассматривается и со знаком «минус»: дескать, будущий писатель никогда и ни при каких обстоятельствах не мог быть близок к «троцкизму», а его участие в Левой оппозиции было обусловлено случаем, «юношеским максимализмом», «подсознательным протестом» против отцовской авторитарности, чем угодно, но только не идеологией. Так считают люди, находящиеся в плену запущенного еще в сталинские времена пропагандистского мифа, что именно Троцкий является основоположником государственного насилия в СССР, именно он несет главную ответственность за все эксцессы гражданской войны по отношению к казачеству, к крестьянским восстаниям или к оппозиционным большевикам течениям, включая эсеров или кронштадтских инсургентов.

Если вернуться к Шаламову, то факты свидетельствуют – да, он не только распространял листовки, но был достаточно знаком с идеями и программными установками Левой оппозиции, а также являлся активным участником внутренних дискуссий, которые велись между ее различными фракциями в 1928 году, в том числе и по нелегальным каналам. Об этом говорят опубликованные материалы его первого следственного дела [23, с. 948–960]. Столь же очевидно, что позже, находясь в Вишерских лагерях, Шаламов, вероятно под влиянием волны капитуляций ряда руководящих оппозиционеров[4], отошел от оппозиции и больше никогда организационно к ней не возвращался. Т.е. период шаламовского реального участия в Левой оппозиции укладывается примерно в полтора года или чуть больше.

Отсылая читателя к уже опубликованным работам по этой теме, мы подчеркнем, что очень точную характеристику значения Левой оппозиции для Шаламова дал его главный оппонент – А.И. Солженицын, бросивший на страницах «Нового мира» упрек: «Ведь, несмотря на весь колымский опыт, на душе Варлама остается налет сочувственника революции и 20-х годов. *Та политическая страсть,* (курсив наш. – *М. Г.*) с которой он когда-то в молодости поддержал оппозицию Троцкого – видимо, не забыта и с 18-ю годами лагерей…» [18, с. 166–168]. Действительно, несмотря на все лагерные и послелагерные перипетии, Шаламов остался верен усвоенным в молодости идеалам Октябрьской революции. И материалы дела 1929 года, и шаламовская мемуарная эссеистика свидетельствуют, что будущему писателю был близок именно главный политический лозунг Левой оппозиции «Повернем огонь направо против нэпмана и бюрократа», в котором выражался протест партийных низов (и не только их) против поглощения и партии, и советов государственным аппаратом в рамках выстроенной «вертикали власти» партийных секретарей, против роста материальных привилегий и неизбежного при этом расслоения и партии, и народа на «плебс» и привилегированные группы. В автобиографической прозе Шаламов четко отделял советские реалии 20-х годов, где «еще раз поднималась та самая волна свободы, которой дышал 17-й год» от реалий 30-х годов, вспоминая «бесконечные очереди в магазинах, талоны и карточки» и «закрытые распределители для при-

[2] Таким «делом» Полякову представляется борьба оппозиционеров за выполнение ленинского «Письма к съезду» о Сталине, которую он описывает в категориях «мочилова на выборах» заимствованных из современной политической кухни: «Добавлю от себя: с помощью этого завещания (есть версия, что поддельного) оппозиционеры хотели выбить из политической жизни Сталина. Не получилось. Выбивать начали их».

[3] Хотя реальные факты участия в оппозиции уже a priori кажутся Полякову преступлением без срока давности, рассуждая о реабилитации Шаламова по делу 1929 года, он видимо, исчерпав список рациональных аргументов, ставит на одну доску «троцкизм» и … валютные спекуляции: «Просто принадлежность к троцкизму в 2000 году уже не считалась преступлением, как и валютные спекуляции, а ведь еще при Хрущёве валютчикам "вышку" давали!» [14]

[4] В мае 1929 года трое ведущих деятелей – Е. Преображенский, К. Радек и И. Смилга – подали заявление в ЦК об отходе от оппозиции с осуждением Троцкого. Позже таким же образом поступили М. Богуславский, И. Смирнов и многие другие. О настроениях Шаламова в тот период времени можно частично судить из строк его «антиромана» «Вишера». «Мне очень хотелось встреч… с вождями движения, …и по ряду предметов хотел бы скрестить с ними шпагу, поспорить, прояснить кое-что, что было мне не совсем ясно во всем этом троцкистском движении» [25, с. 153].

вилегированных и надежных». Писатель, на наш взгляд, отдавал отчет, что это социальное расслоение времен «сталинского неонэпа»[5] обострило противоречия и в партии и в советском обществе, которые вырвались наружу в годы «большого террора».

Шаламовские плюсы и минусы. Че-Гевара, «новые левые», Маркузе, Роже Гароди и… Юкио Мисима

Наследием Левой оппозиции можно объяснить и то, что Шаламов, писавший в 1929 году: «партия не представляет собой замкнутой касты», был сам лишен партийного фетишизма. Писатель с уважением пишет об эсерах – преемниках «Народной воли», столь же уважительно он пишет об анархистах, о большевистских лидерах Ленине, Троцком, Раскольникове. Главным качеством революционера Шаламов считал неразрывность слова и дела – воплощение революционных лозунгов и теорий в практику переустройства общества и слома старого государства. В очерке, посвященном Федору Раскольникову, таким воплощением писатель назвал «ленинскую прямую» – линию перехода от февральских митингов к октябрьскому вооруженному восстанию [26, с. 87].

Очерк о Ф. Раскольникове писался в конце 1960-х годов, когда по всему миру только закончились социальные потрясения. Среди них были и левая герилья в ряде стран Латинской Америки, и «Красный май» – социальный кризис 1968 года во Франции, когда студенческие демонстрации и всеобщая забастовка профсоюзов привели к отставке президента Шарля де Голля, а также антивоенное и антирасистское движение в США, вобравшее в себя 750 тысяч «новых левых», уличные бои в Токио, которые в марте 1969 года вели с полицией леворадикальные студенты, протестовавшие против японо-американского военного альянса и многие аналогичные события.

Ирина Павловна Сиротинская, друг Шаламова, рассказала, что в начале 1970-х годов она часто приносила ему различные не издававшиеся в СССР книги, как например труды А. Шопенгауэра, которые Варлам Тихонович брал из деликатности и вскоре откладывал в сторону. Неожиданно он попросил ее достать вышедшую в серии ЖЗЛ биографию Эрнесто Че Гевары, члена правительства революционной Кубы, который решил продолжить борьбу и уехал командовать партизанским отрядом в Боливию, где погиб в результате спецоперации, организованной ЦРУ[6]. Че Геваре Шаламов посвятил стихотворение со строками:

Он мировую славу
Сумел преодолеть,
По собственному праву
Ушел на смерть. <...>

Пример единства дела
И высших слов
Он был душой и телом
Явить готов.<...>
[27, с. 225–226].

В дневниковых записях Шаламова имеется несколько очень уважительных упоминаний о Че Геваре, написанных в аналогичном ключе. И.П. Сиротинская в своих воспоминаниях пишет: «часами рассказывал он [В.Т. Шаламов] мне о Че Геваре так, что и сейчас я ощущаю сырость сельвы и вижу человека, фанатично продирающегося через нее» [17, с. 26]. Как мы покажем дальше – максиму неразрывности слова и дела Шаламов применял и революционерам – современникам Че Гевары.

В записных книжках Шаламова есть две заметки, сделанные в 1971 году, текстологический анализ которых вызвал определенные недоумения в шаламововедческих кругах. Первая заметка сообщает: «У меня формула очень простая: то, чему ты учишь, делай сначала сам <…> Но моя формула в своем существе иная – антивоенная, чуждая и даже противопоставленная духу подчинения и приказа. Поэтому “новые левые” +, Мисима +, а Гароди и Сахаров – минус» [22, с. 49]. Анализ текста позволил установить, что Шаламовым упомянут именно японский писатель Ю. Мисима, а не советский литератор В. Максимов, как считалось ранее. Это подтверждается текстом второй заметки, помещенной в той же самой тетради: «Мисиму можно уважать. Это – аргумент, характер. Но Бжезинский и прочие хитрожопые подстрекают. Им надо обязательно крови… далее неразборчиво» (чтение предложено В.В. Есиповым, 2015 г.) [8].

Если имена А.Д. Сахарова, «новых левых», включая французского философа «гошиста» Роже Гароди, согласуются с записями Шаламова о Че Геваре и Маркузе, отражающими интерес к революционному движению, то упоминание со знаком плюс Юкио Мисимы, писателя-традиционалиста, поклонника Муссолини, совершившего харакири при неудачной попытке захвата японской военной базы, сильно запутало дело, позволив некоторым исследователям говорить об аморфности политического мировоззрения позднего Шаламова.

Неясным до сего времени был и вопрос источников. Понятно, что по цензурным соображениям тексты Гароди, «новых левых» и тем более Мисимы в СССР не публиковались. Большая статья о Мисиме «Конец самурая», с рассказом о его последних часах вкупе с характеристикой его как «организатора фашистского переворота» была напечатана 9 декабря 1970 г. в «Литературной газете» [15], которую Шаламов регулярно читал[7]. Как оказалось, изучение статей «Литгазеты» за 1969–1970 годы не только позволило выявить всех фигурантов упомянутых записок писателя, но и предложить объяснение шаламовских «плюсов и минусов» именно с учетом его идейности.

«Литературная газета» в те годы, будучи ориентированной и на «друзей СССР» в разных странах, помещала материалы, призванные создать впечатление журналистской объективности в освещении массовых студенческих протестов и антивоенного движения, в которых участвовали не только подкон-

[5] Термин предложен социологом, д-ром филол. наук Вадимом Роговиным. См.: Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1994.
[6] Сообщение И.П. Сиротинской автору. 2007 г.

[7] В архиве Шаламова в РГАЛИ имеются его многочисленные выписки и вырезки из статей, печатавшихся в «Литературной газете» начиная с 1959 года. Автор благодарен архивисту А.П. Гавриловой за возможность ознакомиться с ними.

трольные СССР компартии. Конфликт КПСС и компартии Китая, имевший огромный резонанс в мире, также требовал от идеологов СССР гибкости. В связи с этим в советской прессе тех лет появлялись квалифицированные обзоры, в том числе – по спорным вопросам международной политики. В «Литературной газете» были опубликованы статьи на целую полосу, посвященные критике идей Г. Маркузе, взглядов и тактики «новых левых», где наряду с грубыми передержками было немало правильной информации. Шаламов, как внимательный читатель, не мог не уловить, что и Маркузе, и другие «новые левые» критиковали не только империализм и западное «общество потребления», но также сталинизм, партийную бюрократию и рост социального неравенства в СССР. В статьях прорывалась информация, что протестующие левые «явочным порядком» организовали массы снизу на борьбу против эксплуататорского государства[8]. Вероятно, это позволило Шаламову сказать: «Маркузе. Великой пробы анархизм. XIX век был веком победы коммунизма – призраком коммунизма» [23, с. 325].

С другой стороны, в «Литературной газете» было немало написано и о «реформистах» из числа западных левых, к которым причислялся упомянутый Р. Гароди, дескать, разделявший «буржуазную теорию конвергенции»[9], согласно которой капитализм с развитием техники и производительных сил якобы превратится в бесклассовое общество и «абсорбирует» СССР. Главным идеологом этой теории на страницах газеты был представлен …Збигнев Бжезинский – тогда 42-летний политолог, лишь через 7 лет занявший место на американском политическом Олимпе[10]. С учетом негативного высказывания Шаламова о конвергенции: «Запад поторопился отгородиться от нас барьером из атомных бомб, обрекая нас на неравную борьбу в плоскости всевозможной конвергенции <…> говорить, что конвергенции сработались, могут только авантюристы…» [22, с. 42], мы можем констатировать, что Шаламов ставил плюсы именно радикалам, стремившимся уничтожить социальное неравенство и ниспровергнуть капиталистическое государство, мобилизуя людей на борьбу, в том числе – вооруженную (как мы показали ранее, такой «плюс» получил и Э. Че Гевара). «Реформисты», разделявшие, по мнению Шаламова, «теорию конвергенции»: Роже Гароди[11] и советский диссидент, академик А. Д. Сахаров[12], получили «минус».

Как оказалось, загадка Шаламов – Мисима также имеет решение в политическом ключе. Так как в завершении записки № 2, с упоминанием Мисимы, отчетливо читаются слова «… *а не после других*» (рис. 1),

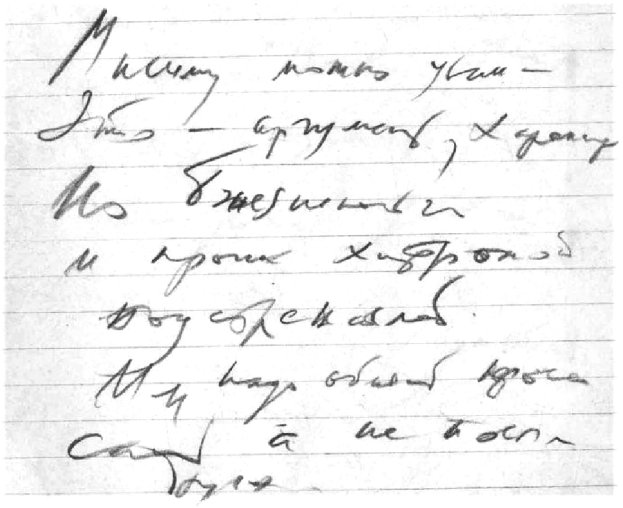


Рис. 1. Записка В.Т. Шаламова с упоминанием Ю. Мисимы. Фотоархив сайта www.shalamov.ru

мы, сравнив ее с другими рукописями писателя, предлагаем несколько иной вариант прочтения, чем был опубликован ранее: «Мисиму можно уваж[ать]. Это – аргумент, характер. Но [у] Бжезинского и прочих хитрожопость подстрекателей. Им надо [дать] ответ (отворот) короткий самый, а не после других». Отнюдь не претендуя на текстологические «прорывы», мы хотим проанализировать те части текста, чтение

[8] Так, в статье Т. Емельянова «Лоскутные знамена “новых левых”», помимо фактов о многотысячных студенческих бунтах в университетах США, Франции, Германии и Японии и столкновениях с полицией, сообщалось, что всякое государство рассматривается «новыми левыми» как орудие подавления личности, которая по своей природе «обречена на борьбу против авторитарности» [6].

[9] На самом деле попытки обвинить Р. Гароди в приверженности теории «конвергенции», являлись фальсификацией брежневской пропаганды. Как показывает сборник трудов Р. Гароди «Крутой поворот социализма», изданный на русском языке в начале 1970-х годов, он, в отличие от А.Д. Сахарова, не питал иллюзий по поводу «трансформаций» капитализма в бесклассовое общество, и не снимал с повестки дня необходимость социальной революции, т.к. основой капитализма, по его мнению, была и оставалась прибыль монополий и эксплуатация «третьего мира» [4, с. 69]. По-видимому, Шаламов не был знаком с оригинальными идеями Гароди.

[10] Там же приводится цитата З. Бжезинского, что «Красный флаг на Сорбонне или Колумбийском университете – это молчаливое свидетельство психологической сложности перехода из индустриального века в век технотроники». В ЛГ в марте 1969 года была помещена огромная статья А. Кривицкого «Плоды просвещения г-на Бжезинского. По поводу антикоммунистической теории эволюции», где замечалось, что, по Бжезинскому, «теория эволюции, как и ранее теория конвергенции… это надежда на поглощение Советского Союза Соединенными Штатами в едином индустриальном обществе…». Автор статьи, на наш взгляд, прозорливо замечал, что декларируемый Бжезинским «демократический плюрализм» актуален постольку, поскольку служит геополитическим целям США, а «допущение марксизма, при условии его всяческого размягчения, принято теорией эволюции только в качестве временной рабочей гипотезы и только на экспорт в социалистические страны» [10].

[11] Следует отметить, что советская пресса тех лет, включая «Литературную газету», вела настоящую кампанию по дискредитации Р. Гароди, который в 1970 году был исключен из Политбюро ФКП и из партии за резкую критику брежневской политики в коммунистическом движении и военного вмешательства в дела ЧССР. В этих статьях Гароди назывался «примкнувшим к крайней антикоммунистической реакции» ренегатом. По-видимому, это оказало влияние на Шаламова.

[12] Как свидетельствует сборник речей и писем А.Д. Сахарова, опубликованный в Нью-Йорке в 1978 году, и в частности статья «Тревога и надежда», написанная для Нобелевского института в Осло, Сахаров в те годы разделял теорию эволюции западного общества «в направлении сближения с социалистическим миром» на основе «социалистических идей в их плюралистической антитоталитарной модификации» и, по-видимому, искренне считал, что давление западных лидеров на СССР побудит советское руководство к встречному движению. При этом академик, порицая левых «экстремистов» как «нетерпеливых лекарей», предлагающих лекарства опаснее самой болезни, одобрительно отзывался об эволюции ряда компартий Запада, которые «не только не являются ни в каком смысле экстремистскими, но все больше отходят от просоветского догматизма в сторону классической социал-демократической идеологии» [16, с. 7–21].

которых бесспорно. На наш взгляд, эта запись с упоминанием Мисимы вкупе с подстрекателем Бжезинским имеет внутреннюю логику, обусловленную реакцией Шаламова на политические реалии Дальнего Востока в 1970 году, освещавшиеся в советской печати. Для Японии этот год стал кульминацией десятилетнего кризиса, связанного с американскими военными базами на ее территории. Массовые выступления против японско-американского военного альянса настолько накалили атмосферу, что японский правящие круги были вынуждены отменить визит президента США, не имея возможности полностью гарантировать его безопасность. Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР с грифом «для служебного пользования» констатировал: в Японии «вопрос о возможности революции в 1970 году не выдуман, он дискутируется самими японцами…» [11, с. 7]. При этом против американских баз в Японии с разных позиций протестовали и левые, и правонационалистические силы. Последние, ностальгируя по военной мощи империи, видели в этих базах прямое унижение их страны. Правящие круги США, в свою очередь, пугали японское правительство как внешней, советской и китайской угрозой, так и внутренним бунтом в том случае, если договор о японско-американском сотрудничестве не будет пролонгирован. Все это давало основания для обвинения США в подстрекательстве милитаристских настроений для укрепления старых и строительства новых баз.

Ожидая расторжения военного договора между США и Японией, советская пресса писала о резком обострении японо-американских противоречий. В «Литгазете» за 1969–1971 гг. был опубликован ряд пространных статей, где ставился под сомнения тезис, что быстро развивающаяся Япония будет «таскать каштаны из огня» для США и мириться с военными базами США на ее территории[13]. Дистанцируясь от японских ультралевых, советская пропаганда пыталась играть на национальном унижении Японии со стороны США, апеллируя к японским традициям, в том числе боевым. В первый день 1969 года в «Литгазете» без указания авторства вышел материал «Три интервью в храме Яскуруни». Интервью были сделаны с оставшимися в живых летчиками-камикадзе, чьи товарищи «гибли за родину», топя во время Второй мировой войны американские линкоры, и чей командир адмирал Ониси сделал себе харакири в день капитуляции Японии [19]. Неделю спустя спецкорр «Литгазеты» Т. Чеботаревская рассказывала, «что в Японии как нигде в мире берегут традицию» и как японская традиционная культура сопротивляется «заокеанским образцам модернизации литературы и искусства» [21]. 17.06.1970 года там же в статье «Японские диалоги» целая колонка была посвящена Мисиме, где говорилось, что Мисима «очень талантлив, кумир молодежи… бросается в пекло студенческих дискуссий… даже те, кто не разделяет его идей, признают его искусство полемиста». Популярность Мисимы настолько велика, что ему «молва готова приписать едва ли не все, написанное по-японски за последние годы». В статье повествовалось про создание Мисимой «личной гвардии» (которая в день его гибели участвовала в захвате военной базы), так как он «начинал с утверждения культа красоты и довольно быстро пришел к утверждению культа императора, в чем проявляются самые красивые черты японского национального духа…». Деньги на обмундирование волонтеров Мисима потратил из гонорара за книгу «Как нам защитить японскую культуру» [20]. Мы далеки от мысли, что Шаламов считал Мисиму левым, но, прочитав эти тексты, он мог истолковать «заслуживающую уважения» акцию Мисимы как протест против унижения Японии со стороны США на фоне роста антиамериканских и антивоенных волнений в этой стране. Что же касается обвинения Мисимы в фашизме, звучавшего из статьи «Конец самурая», то писатель, знавший цену подобным вердиктам на собственном опыте и не имевший альтернативных источников информации, по-видимому, не спешил верить этим обвинениям. Так можно объяснить, почему Мисима оказался у Шаламова в одной связке с радикальными и умеренными левыми.

Процесс Синявского и Даниеля. «Письмо старому другу» и петиции в адрес Брежнева

Если в странах Европы и Азии в 1960-х годах волна противостояния общества и государства шла по нарастающей, то в СССР ситуация менялась в другую сторону. Устранение Хрущева «новобранцами 1937 года» во главе с Брежневым и Сусловым затормозило социальную активность, пробужденную XX съездом. «Колымские рассказы» были завершены автором к концу 60-х годов, как раз когда «лагерная тема» вновь оказалась под запретом. Неявный, но последовательный отход от линии XX и XXII съездов в конце 1960-х годов проявился рецидивом политических процессов. Суд над А. Синявским и Ю. Даниэлем, литераторами, чья «вина» была в том, что они шли значительно дальше официально разрешенной критики сталинской и постсталинской системы, всколыхнул общественное мнение, породив многочисленные письма протеста. В.Т. Шаламов также не остался в стороне. В сборнике «Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля», изданном в 1967 году на Западе, был анонимно опубликован шаламовский текст «Письмо старому другу». Этот документ был не просто письмом протеста, а развернутым анализом социально-политической ситуации в постсталинском СССР, ставившим во главу угла непоследовательность критики «культа личности Сталина», при недопустимости критики системы. Одним из главных пунктов «Письма» были размышления автора о необходимости распространения правды о сталинизме там, где она востребована, как внутри страны, так и за рубежом. Для иллюстрации этой мысли Шаламов использовал цитату вольнодумца XIX века П.В. Долгорукова: «Многие из соотечественников наших говорят: “Не нужно рассказывать иностранцу истину о России, следует скрывать от них язвы отечества”. Эти слова, по нашему мнению, совершенно противны и

[13] См., в частности: Петров Д. Партнеры или соперники // Литературная газета. 1969. 01 октября (№ 49); его же. Технология японского чуда // Литературная газета. 1970. № 38–40; его же. Доллар против иены // Литературная газета. 1971. 29 сентября.

здравой логике, и личному достоинству, и отчизнолюбию, истинно просвещенному <...> Люди, желающие скрывать и утаивать язвы, похожи на опасных больных, которые предпочли бы страдать и умирать скорее, чем призвать на помощь искусного врача, который бы их исцелил и возвратил бы им обновленные свежие силы. Для России этот врач – гласность!» [24, с. 514–522].

В отношении «Письма старому другу», существует мнение, что оно было написано Шаламовым в качестве своеобразного «социального заказа» под нажимом его тогдашних друзей Л. Пинского и Н. Мандельштам, с которыми позже он порвал отношения, как и с другими «диссидентами»[14]. На наш взгляд, «Письмо старому другу» – аутентичный шаламовский документ. Главные его мысли – отмежевание партийно-государственной верхушки СССР от наиболее одиозных стигм сталинизма, неполнота и непоследовательность «десталинизации», равно как и убежденность Шаламова в использовании на московских процессах 30-х годов психофармпрепаратов для подавления воли подсудимых – перекликаются с дневниковыми записями и с прозой писателя. Глубоко шаламовскими являлись мысли, что дело Синявского и Даниэля – «первый советский открытый процесс, политический, когда обвиняемые по 58-й статье не признавались в своей вине, …требуя уважения к свободе творчества, к свободе совести». Шаламов отмечает, что «следствие по этому процессу вызвало не только протест глухой, но и явный – в виде небывалого с 1927 года события – демонстрации у памятника Пушкину 5 декабря 1965 года, в которой участвовали студенты и преподаватели университета». Воспоминания академика Вяч. Вс. Иванова свидетельствуют, что во время упомянутой демонстрации Шаламов находился неподалеку и наблюдал за ходом событий [9]. А статья соавтора «Белой книги» А.И. Гинзбурга «Двадцать лет тому назад» сообщает, что Шаламов присутствовал на нелегальных московских собраниях, где обсуждался ход процесса Синявского – Даниеля и знал о составлении «Белой книги» [5].

На наш взгляд, для написания «Письма старому другу» Шаламову не было необходимости вступать в какие-либо «диссидентские кружки». Недавно опубликованные воспоминания и переписка колымских друзей писателя показывают, что мысли, аналогичные изложенным в «Письме», о том, что критика «культа личности» маскирует табу на критику сталинизма как системы, присутствовали у А.С. Яроцкого, И.С. Исаева, А.З. Добровольского и др., бывших узников-колымчан, с которыми Шаламов никогда не разрывал отношения [28, с. 38–41]. Более того, факты свидетельствуют, что протесты против подспудного возврата к сталинизму в 1960-е годы никак не ограничивались только диссидентской средой. Сразу по окончании процесса Синявского и Даниэля в Москве широко распространялись в копиях письма в адрес Первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, где выражалась озабоченность предполагаемой реабилитацией Сталина. Письма были подписаны рядом видных деятелей науки и культуры СССР, в большинстве своем лояльных власти.

15 марта 1966 г. Председатель КГБ В.Е. Семичастный не без чувства тревоги сообщал в Центральный комитет партии: «Комитет государственной безопасности докладывает, что в Москве получило широкое распространение письмо, адресованное первому секретарю ЦК КПСС, подписанное 25-ю известными представителями советской интеллигенции, в том числе – академиками Таммом И.Е., Капицей П.Л., Майским И.М., Арцимовичем Л.А., писателями Паустовским К.Г., Катаевым В.П., Чуковским К.И., Тендряковым В.Ф., актерами и режиссерами Плисецкой М.М., Роммом М.И., Товстоноговым Г.А., Смоктуновским И.М., художниками Кориным П.Д., Пименовым Ю.И. и другими[15]. В основе письма лежит мне-

[14] Выразитель этой точки зрения, биограф Шаламова В.В. Есипов, в частности, указывает: «Обстоятельства, сопутствовавшие написанию этого письма, исследованы пока не до конца. Разумеется, суд над писателями… не мог не вызвать у Шаламова негодования. Вероятно, свои чувства он высказывал в кругу Надежды Яковлевны Мандельштам и именно там, а не у самого Шаламова – по логике его литературного поведения – и созрела инициатива написания публицистического письма в жанре практиковавшихся еще до революции “Писем к…”» [7, с. 277]. Эта, основанная не столько на фактах, сколько на «авторской интуиции» версия вызвала справедливые, на наш взгляд, возражения, что проявилось, в частности, в полемике историка А.Ю. Даниэля (сына Ю.М. Даниэля) с В.В. Есиповым при обсуждении книги последнего «Шаламов», вышедшей в серии ЖЗЛ: «Кстати, тут мне совсем непонятно, – указывал А.Ю. Даниель, – в книге есть предположение, что это письмо было кем-то инспирировано, что Шаламов не был сам инициатором этого письма, что его попросили написать это письмо. Ссылка тут идет на кружок Надежды Мандельштам – что в этом кружке кто-то попросил написать это письмо, и Шаламов взялся за это, считая своим общественным долгом. Я заметил, что у автора [В.В. Есипова] очень фундированы его утверждения, но это утверждение почему-то не фундировано, оно остается предположением, читается как предположение, и меня это предположение не убедило. Может быть, есть какие-то свидетельства, хотя бы косвенные, того, что это так, но они здесь не приведены. Я понимаю, откуда могло взяться это предположение: Варлам Тихонович, как известно, очень резко впоследствии отзывался о людях, которые не удержали его тайны (письмо было анонимным). И тот факт, что Комитету госбезопасности стало известно, что автор этого письма – Шаламов, конечно, вызвал его крайнее недовольство. Но Шаламов вообще довольно резко отзывался о людях: и о том же кружке Надежды Яковлевны, и об отдельных людях, входящих в этот кружок, случались у него резкие отзывы. Но это все постфактум, задним числом, это никак не доказывает, что письмо было написано не по его инициативе: им написано, но инициатива была не его» [13].

[15] Выдержки из текста одного из писем, найденных нами в Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), приводим здесь: «Глубокоуважаемый Леонид Ильич! В последнее время в некоторых выступлениях и статьях в нашей печати проявляются тенденции, направленный по сути дела, на частичную или косвенную реабилитацию Сталина. Мы не знаем, насколько такие тенденции, учащающиеся по мере приближения XXIII съезда, имеют под собой твердую почву. Но, даже если речь идет только о частичном пересмотре решений XX и XXII съездов, это вызывает глубокое беспокойство. Мы считаем своим долгом довести до Вашего сведения наше мнение по этому вопросу. Нам до сего времени не стало известно ни одного факта, ни одного аргумента, позволяющего думать, что осуждение культа личности было в чем-то неправильным. Напротив, трудно сомневаться, что значительная часть разительных, поистине страшных фактов о преступлениях Сталина, подтверждающих абсолютную правильность решений обоих съездов, еще не предана гласности. Дело в другом. Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества. На Сталине лежит ответственность не только за гибель бесчисленных невинных людей, за нашу неподготовленность к войне, за отход от ленинских норм в партийной и государственной жизни. Своими преступлениями и неправыми делами он так извратил идею коммунизма, что народ этого никогда не простит. Наш народ не поймет и не примет отхода, – хотя бы частичного – от решений о

ние подписавшихся о том, что в последнее время якобы наметились тенденции, направленные на частичную или полную реабилитацию Сталина, на пересмотр в этой части решений XX и XXII съездов партии. В связи с этим авторы письма считают, что реабилитация Сталина приведет к расколу между КПСС и компартиями Запада, к серьезным расхождениям внутри советского общества, вызовет большое волнение среди интеллигенции, серьезно осложнит обстановку среди молодежи и поставит под удар все достижения в области международного сотрудничества, поэтому они выражают свой протест против какой-либо реабилитации Сталина. <…> Сбор подписей под названным документом в настоящее время намерены продолжить, причем инициаторы этого дела стремятся привлечь к нему новых деятелей советской культуры: дал согласие подписать письмо композитор Д. Шостакович, должна была состояться беседа с И. Эренбургом по этому поводу, обсуждается вопрос, стоит ли обращаться за поддержкой к М. Шолохову и К. Федину, предполагается, что письмо будет подписано также некоторыми крупными учеными-медиками. Причем каждому подписавшемуся оставляется копия документа. <…> Как видно, главной целью авторов указанного письма является не столько доведение до сведения ЦК партии своего мнения по вопросу о культе личности Сталина, сколько распространение этого документа среди интеллигенции и молодежи. Этим, по существу, усугубляются имеющие хождение слухи о намечающемся якобы повороте к “сталинизму” и усиливается неверное понимание отдельных выступлений и статей нашей печати, направленных на восстановление объективного, научного подхода к истории советского общества и государства, создается напряженное, нервозное настроение у интеллигенции перед съездом. Следует заметить, что об этом письме стало известно корреспонденту газеты “Унита” Панкальди, а также американскому корреспонденту Коренгольду, который передал его содержание в США»[16] [2]. Немногим позже, 18 марта, Семичастным в адрес ЦК КПСС было послано н второе официальное письмо, где он сообщает о новых подписантах и новых протестных письмах (см. рис. 2).

Данные документы, хранящиеся ныне в РГАСПИ[17], показывают, что с этими петициями были ознакомлены секретари ЦК. Хотя в указанных письмах нет никакого упоминания о процессе Синявского – Даниэля или других репрессиях, синхронность их появления со временем окончания процесса и кампанией протеста против приговора вряд ли случайна. В этом отношении «Письмо старому другу» Шаламова по его духу и букве можно рассматривать как своеобразный мост между двумя петиционными кампаниями.

Первая публикация «Колымских рассказов» во Франции

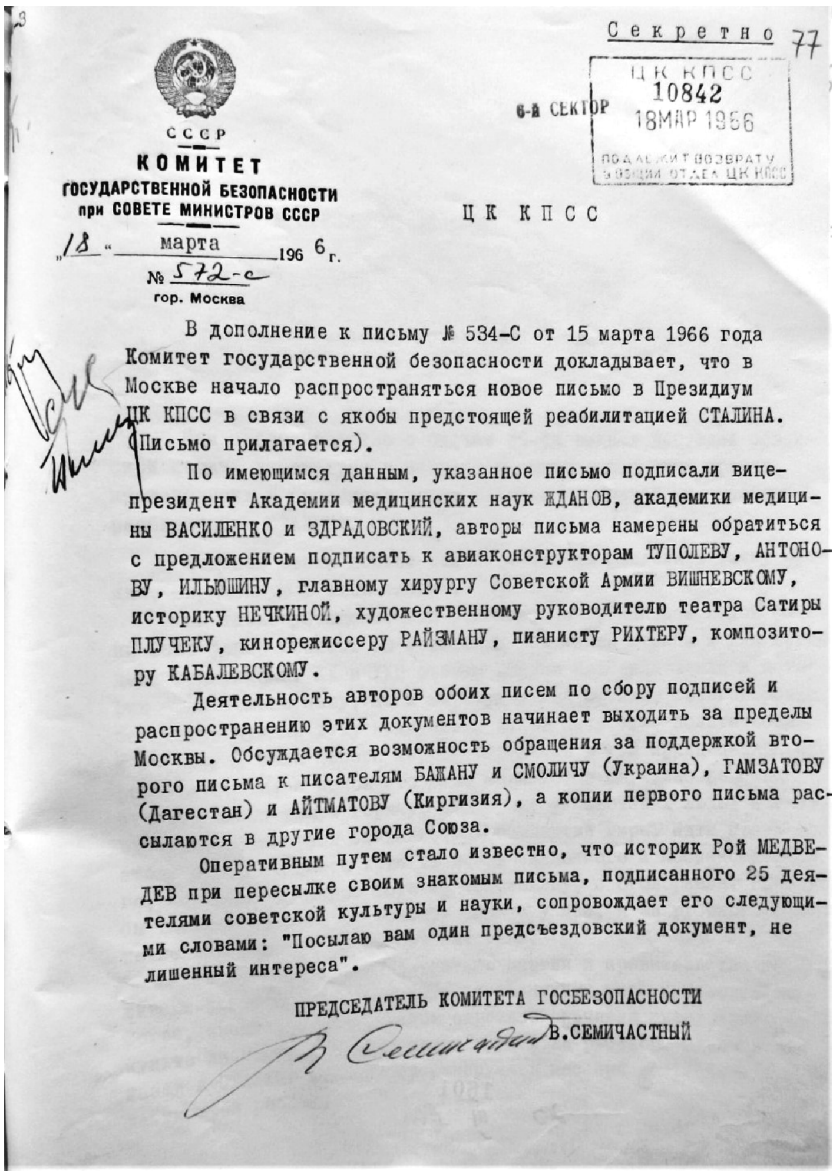
Таким образом, середина 1960-х годов была временем глобальной переоценки социально политических ценностей, когда распространение информации о сталинизме, как документов, так и произведений художественной литературы, было востребовано в мире. В воздухе витала идея социализма, альтернативного сталинской модели. Шаламов, как это видно из его комментариев в записных книжках, отслеживал информацию о западных левых. Из процитированных нами источников, включая «Письмо старому другу» Шаламова и петиции в адрес Брежнева, видно, что распространение правды о сталинизме рассматривалось их авторами как лекарство от его рецидивов. Брожение умов захватило также и компартии «Восточного блока», где в послевоенный период в той или иной мере была скопирована сталинская модель. Ввод войск СССР и союзников в Чехословакию, покончивший с альтернативными социалистическими экспериментами, прервал развитие этих тенденций.

В 1969 году во Франции, вскоре после антикапиталистических волнений, в сборнике «Les Lettres Nouvelles» вышла книга Шаламова «Récits de Kolyma» (Колымские рассказы). Издатель – Морис Надо (Maurice Nadeau), как мы писали ранее, до 1945 года был активистом троцкистского движения во Франции. После окончания Второй мировой войны он сосредоточился на литературной и издательской деятельности, придерживаясь до конца жизни левых политических взглядов. В 2008 году в телефонном разговоре М. Надо сообщил нам, что рукопись «Колымских рассказов» была получена им и опубликована с ведома и с согласия автора. Несколько позже он передал автору данной работы письмо следующего содержания: «Я опубликовал в “Les Lettres Nouvelles” в 1969 году “Колымские рассказы” Варлама Шаламова после того, как получил микрофильм, переданный мне моей подругой Жанной Леви. С ее слов, она получила пленку у сотрудника французского посольства, который скрыл ее в пакете с продуктами, чтобы провести через границу. Супруги Жанна и Рауль Леви были моими давними друзьями, которые поддерживали отношения с советскими диссидентами. Сам я поддерживал отношения с Борисом Пастернаком, опубликовал письмо, которое он мне направил, а также имел контакты с Солженицыным и некоторыми другими (Николаем Боковым), тексты которых я также

культе личности. Вычеркнуть эти решения из его сознания не может никто… Не менее серьезной представляется нам и другая опасность. Вопрос о реабилитации Сталина не только внутриполитический, но и международный вопрос. Какой-либо шаг в направлении к его реабилитации безусловно создал бы угрозу нового раскола в рядах мирового коммунистического движения, на этот раз между нами и компартиями Запада. С их стороны такой шаг был бы расценен прежде всего, как наша капитуляция перед китайцами, на что коммунисты Запада ни в коем случае не пойдут… Мы не говорим уже о том, что любой отход от решений XX съезда настолько осложнил бы международные контакты деятелей нашей культуры, в частности, в области борьбы за мир и международное сотрудничество, что под угрозой оказались бы все достигнутые результаты» [1].

[16] Факт распространения этих писем на Западе подтверждается ссылками на тексты писем в упомянутой нами ранее книге Р. Гароди «Крутой поворот социализма» [4, с. 138].

[17] Тексты этих документов под названиями «Письмо 25-ти» и «Письмо 13-ти», со ссылкой на Архив Президента РФ, где они находились, были частично опубликованы в российских СМИ еще более 10-ти лет назад (Электронный ресурс https://novayagazeta.ru/articles/2010/02/22/4620-pismo-25-ti). Нам удалось обнаружить оригиналы указанных записок В.Е. Семичастного в ЦК КПСС, сделанные на бланках КГБ СССР и приложенные к ним машинописные копии протестных писем с визами аппарата ЦК. Документы переданы в Российский Государственный архив социально-политической истории из Архива Президента РФ.



Секретно 77

ЦК КПСС 10842 18МАР 1966

6-й СЕКТОР

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

„18" марта 1966 г.
№ 572-с
гор. Москва

ЦК КПСС

В дополнение к письму № 534-С от 15 марта 1966 года Комитет государственной безопасности докладывает, что в Москве начало распространяться новое письмо в Президиум ЦК КПСС в связи с якобы предстоящей реабилитацией СТАЛИНА. (Письмо прилагается).

По имеющимся данным, указанное письмо подписали вице-президент Академии медицинских наук ЖДАНОВ, академики медицины ВАСИЛЕНКО и ЗДРАДОВСКИЙ, авторы письма намерены обратиться с предложением подписать к авиаконструкторам ТУПОЛЕВУ, АНТОНОВУ, ИЛЬЮШИНУ, главному хирургу Советской Армии ВИШНЕВСКОМУ, историку НЕЧКИНОЙ, художественному руководителю театра Сатиры ПЛУЧЕКУ, кинорежиссеру РАЙЗМАНУ, пианисту РИХТЕРУ, композитору КАБАЛЕВСКОМУ.

Деятельность авторов обоих писем по сбору подписей и распространению этих документов начинает выходить за пределы Москвы. Обсуждается возможность обращения за поддержкой второго письма к писателям БАЖАНУ и СМОЛИЧУ (Украина), ГАМЗАТОВУ (Дагестан) и АЙТМАТОВУ (Киргизия), а копии первого письма рассылаются в другие города Союза.

Оперативным путем стало известно, что историк Рой МЕДВЕДЕВ при пересылке своим знакомым письма, подписанного 25 деятелями советской культуры и науки, сопровождает его следующими словами: "Посылаю вам один предсъездовский документ, не лишенный интереса".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
В.СЕМИЧАСТНЫЙ

Рис. 2. Письмо В.Е. Семичастного в ЦК КПСС по поводу продолжающейся протестной кампании против реабилитации Сталина. Из фондов РГАСПИ

публиковал в “Les Lettres Nouvelles”. Что касается Шаламова, то я имел основания отнестись к материалу с недоверием, опасаясь провокаций ГПУ с учетом предыдущих попыток спецслужб скомпрометировать мою деятельность на посту главного редактора журнала. Я попросил Жанну Леви предоставить мне доказательства 1. существования Шаламова, 2. его желания быть опубликованным во Франции в левом издании. Несколькими месяцами позже эти доказательства были мне предоставлены в виде: 1. фотографии автора – человека с очень изможденным лицом, которая имела дарственную надпись, 2. его согласия быть опубликованным во Франции. Эти документы стали частью архива Lettres Nouvelles, принадлежащего редактору Рене Жиляру (René Juilliard). У меня не было ни желания, ни средств, чтобы опубликовать весь сфотографированный текст. Я проконсультировался с двумя друзьями, переводчиками-русистами, которые осуществили отбор текстов, опубликованных мной под названием “Колымские рассказы”. Хочу добавить, что сведения обо мне можно получить из “Советской энциклопедии”, где я фигурирую как “враг СССР”, “слуга капитала” и “опасный троцкист”»[18].

Данный текст, написанный через 40 лет после выхода книги, при всей его однозначности, не удовлетворил исследователей полностью. В 2020 году к нему добавились воспоминания переводчика «Колымских рассказов» Жан-Жака Мари, которые мы с небольшими сокращениями приводим ниже.

«…Трудно собрать воспоминания, которые относятся к событиям примерно 55-летней давности и основаны на очень небольшом количестве письменных

[18] Впервые опубликовано: Головизнин Марк. К вопросу о происхождении первых зарубежных изданий «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова // Шаламовский сборник. Вып. 4 / сост. и ред. В.В. Есипов, С.М. Соловьёв. М.: Литера, 2011. С. 197–214. URL: https://shalamov.ru/research/219/ (дата обращения: 10.06.2021). Текст письма хранится в фондах «Шаламовского дома».

документов. Если я не ошибаюсь, хотя последнее маловероятно, однажды в 1965 году мне позвонил Морис Надо и сказал: “Один из моих знакомых, который находится в Москве, несколько месяцев назад отправил мне письмо через дипломатическую почту, в котором находится микрофильм романа о сталинских концлагерях. Автора зовут Варлам Шаламов, он провел много лет в лагерях. Знаете ли вы его?”. В то время Морис Надо отвечал за издание альманаха в издательстве Denoél, и одноименного журнала “Les Lettres nouvelles” (Новая литература). В 1962 году он выпустил специальный выпуск этого журнала, озаглавленный “Современные советские писатели”, подготовленный переводчиком “Мастера и Маргариты” Булгакова, Клодом Линьи и мной (я в данном случае выступал под псевдонимом Пьер Форг). Эти детали объясняют, почему Морис Надо, также бывший троцкист, обратился ко мне в то время за советом.

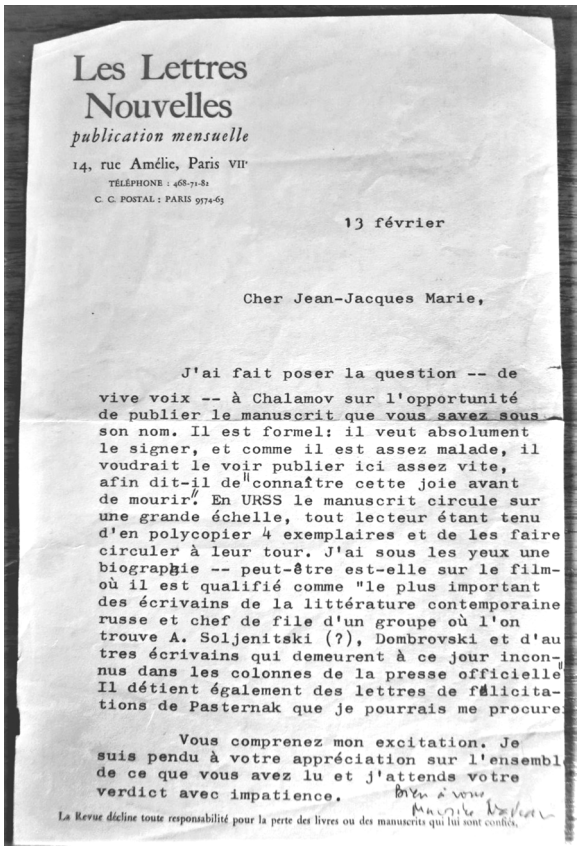
Les Lettres nouvelles – это литературный альманах, а также одноименное литературное обозрение, не имевшее политической окраски, как и подавляющее большинство подобных изданий во Франции. Вместе с тем, хотя альманах и обозрение не являлись “троцкистскими”, а издательство, которое их издавало, – тем более, во французских журналистских и литературных кругах было хорошо известно, что М. Надо был “троцкистом” и, перестав им быть (политически. – *М. Г.*), он не отрекался от своего прошлого. Политические интересы подталкивали М. Надо к публикации произведений, которые придают определенную ценность его коллекции. Среди них была опубликованная в 1962 году книга бывшего лидера французских “троцкистов” Пьера Навилля “Trotsky vivant”, работа самого Троцкого “Литература и революция”, а также книга Жерара Розенталя, бывшего адвоката Троцкого, о деле Кирова под названием “Mémoire pour la réhabilitation de Zinoviev”. Время от времени журнал Les Lettres Nouvelles публиковал тексты об Андре Бретоне и Троцком, и даже о некоторых советских диссидентах, которые я ему предоставлял. Именно эта ориентация, сознательная и постоянная, позволила мне сотрудничать с Надо вплоть до его смерти в 2013 году в возрасте 102 лет. Первое, что беспокоило Надо, когда он принимал решение о публикации текстов того или иного писателя, – это их литературное и художественное качество. Его не интересовал жанр пропаганды в стиле “соцреализма”. Как только он дал мне русский текст “Колымских рассказов”, его первым вопросом было: “Какова их литературная ценность”.

В 1965 году, если не ошибаюсь, журнал “Юность”, подписчиком которого я был, уже публиковал стихи Варлама Шаламова, но имя это для меня ничего не значило. Вот что я ответил Морису Надо, очевидно, рекомендуя ему прислать этот микрофильм, который прибудет через несколько недель с дипломатической почтой. Надо распечатывает текст на бумаге и отправляет его мне по почте. Я быстро читаю текст, и меня поразила эта урезанная, сухая, чистая проза, которая описывает совершенно трагический мир, без малейшего пафоса, без какой-либо сентиментальности, без какого-либо смягчения, и сам автор которой, кажется, поднимается над ситуациями, описываемыми им (переживая их интенсивно изнутри) на удивительное расстояние. Поэтому я пишу восторженный отзыв, к сожалению, я не сохранил дубликата. Надо был убежден этим и решает издать “Колымские рассказы”. Он поручает перевод мне и молодой переводчице Кате Керел. Я решил для себя, что лучше не ставить в неловкое положение автора, пережившего ГУЛАГ, ставя на книге мое имя “троцкиста” в качестве переводчика сочинений, циркулирующих в самиздате и не предназначенных для публикации в СССР. Ранее, в 1960–61 годах, я читал курс французского языка. У меня был двухлетний контракт, но власти, получив информацию о моих политических взглядах, сочли целесообразным не продлять контракт. Поэтому я беру псевдоним Оливье Симон. Через два года в том же альманахе “Les Lettres nouvelles” я опубликую перевод “Треугольной груши” Андрея Вознесенского, который подпишу своим именем, полагая, что перевод тома, изданного в СССР, официально не создаст автору проблем и рисков, которые возникли бы для автора самиздата. Поскольку СССР не подписывал Бернскую конвенцию об авторском праве, советские писатели могли публиковаться без разрешения и без авторских прав, особенно те, кого в СССР не печатали. В то же время мы знали, что в СССР существует уголовное преследование “за незаконный оборот иностранной валюты”, и получение денег из-за границы в качестве гонорара могло попасть под это преследование. Очевидно, если автор заявлял о своих правах, между ним и издателем шли переговоры на условиях, позволяющих избежать озлобления советских властей в отношении автора. Это, скажем так, моральное право не зависело от какого-либо законодательства. Таким образом я перевел и опубликовал в издательстве “Сёй” первый роман А. Битова “Трава и небо”, (который я прочитал, если не ошибаюсь в “Юности”) без его разрешения, и он поблагодарит меня за это позже – в 1966 году. Я также перевел и опубликовал циркулировавшие в самиздате стихи Бродского… Очевидно, что позже, по приезде во Францию, издатель подписал с Бродским контракт и заплатил ему в соответствии с французским законом.

Книга “Колымские рассказы” вышла в первом квартале 1969 года. На задней стороне обложки тома после краткой биографии Шаламова дается следующее суждение о его произведениях: “Сразу же напрашивается сравнение со свидетельствами Солженицына и Евгении Гинзбург, тем более что последняя отбывала срок в тех же местах, что и Шаламов. Точка зрения Шаламова на лагерь радикально пессимистична. В то время как у Солженицына и Евгении Гинзбург человек борется за то, чтобы защищать свое человеческое достоинство и чаще всего достигает успеха в этом, у Шаламова лагерь неуклонно разрушает человеческую сущность, низводит человека до уровня животного, убивает его достоинство. Тон рассказов – это просто констатация: ни прилагательных, ни взлетов, ни лиризма. Фраза как частое и неглубокое дыхание узника. Только бесконечное разнообразие жертв разбивает единообразие этого абсурдного и жестокого мира. Целое общество, дро-

бившееся в мире лагерей, проходит перед нашими глазами”»[19].

В процессе подготовки этих воспоминаний Жан-Жаком Мари в своем личном архиве был неожиданно обнаружен документ, относящийся непосредственно к изданию «Récits de Kolyma», где прямо сказано о переговорах французского издателя с Шаламовым Это письмо Мориса Надо Жан-Жаку Мари, написанное на бланке издательства «Les Lettres Nouvelles» и от 13 февраля 1966 года[20]. Ниже мы приводим оригинал письма с русским переводом (рис. 3).



Les Lettres Nouvelles
publication mensuelle
14, rue Amélie, Paris VII
TÉLÉPHONE : 468-71-81
C. C. POSTAL : PARIS 9174-63

13 février

Cher Jean-Jacques Marie,

J'ai fait poser la question -- de vive voix -- à Chalamov sur l'opportunité de publier le manuscrit que vous savez sous son nom. Il est formel: il veut absolument le signer, et comme il est assez malade, il voudrait le voir publier ici assez vite, afin dit-il de "connaître cette joie avant de mourir". En URSS le manuscrit circule sur une grande échelle, tout lecteur étant tenu d'en polycopier 4 exemplaires et de les faire circuler à leur tour. J'ai sous les yeux une biographie -- peut-être est-elle sur le film- où il est qualifié comme "le plus important des écrivains de la littérature contemporaine russe et chef de file d'un groupe où l'on trouve A. Soljenitski (?), Dombrovski et d'autres écrivains qui demeurent à ce jour inconnus dans les colonnes de la presse officielle". Il détient également des lettres de félicitations de Pasternak que je pourrais me procure.

Vous comprenez mon excitation. Je suis pendu à votre appréciation sur l'ensemble de ce que vous avez lu et j'attends votre verdict avec impatience.

Bien à vous
Maurice Nadeau

La Revue décline toute responsabilité pour la perte des livres ou des manuscrits qui lui sont confiés.

Рис. 3. Письмо Мориса Надо Жан-Жаку Мари об издании французского перевода Колымских рассказов 13.02.1966 г.

13 février. Cher Jean-Jacques Marie, J'ai fait poser la question – de v1ve voix – à Chalamov sur l'opportunité de publier le manuscrit que vous saves sous son nom. Il est formel: il veut absolument le signer, et comme il est assez malade, il voudrait le voir publier ici assez vite, afin dit–il de “connaître cette joie avant de mourir” En URSS le manuscrit circule sur une grande échelle, tout lecteur étant tenu d'en polycopier 4 exemplaires et de les faire circuler à leur tour. J‘ai sous les yeux une biograpbie – peut-être est-elle sur le film - où il est qualifié comme “le plus important des écrivains de la littérature contemporaine russe et chef de fils d‘un groupe où l'on trouve A. Soljenitski (?), Dombrovski et d'autres écrivains qui demeurent à ce Jour inconnus dans les colonnes de la presse officielle”. Il détient également des lettres de félicitations de Pasternak que Je pourrais me procure. Vous comprenez mon excitation. Je suis pendu à votre appréciation sur l’ensemble de ce que vous avez lu et j'attends votre verdict avec impatience. Bien à vous Maurice Nadeau	13 февраля. Дорогой Жан-Жак Мари. Лично у меня был вопрос к Шаламову о целесообразности публикации известной вам рукописи под его именем. Он категоричен: он абсолютно хочет ее подписать, и, поскольку он очень болен[21], он хотел бы, чтобы это было опубликовано достаточно скоро, поэтому, по его словам, «познать эту радость перед смертью». В СССР рукопись распространяется в большом количестве, все читатели должны скопировать по 4 копии и передать их по очереди. Перед моими глазами также [его] биография – возможно, она есть в фотопленке, – в которой он квалифицируется как «наиважнейший среди писателей современной русской литературы и лидер группы, в которой мы находим А. Солженицкого (так в тексте, правильно Солженицына. – *М. Г.*) Домбровского и других писателей, которые до сих пор остаются неизвестными в колонках официальной печати». Еще у него есть поздравительные письма от Пастернака, которые я смог достать. Вы поймете мое волнение. Я поддерживаю вашу признательность за все, что вы прочитали, и с нетерпением жду вашего вердикта. С уважением Морис Надо

[19] Оригинал текста данных воспоминаний Жан-Жака Мари и оригинал письма от 13.02.1966 г. находится в фондах «Шаламовского дома» – филиала Вологодской картинной галереи, г. Вологда.

[20] 1966 год, не указанный в письме, воссоздан по свидетельству Ж-Ж. Мари.

[21] Состояние здоровья Шаламова в середине 1960-х годов действительно ухудшилось, что проявлялось стойкими нарушениями слуха, зрения и равновесия при отсутствии точного диагноза. (Прим. автора.) Подробнее см.: Марк Головизнин. Чем болел Шаламов. Попытка реконструкции «anamnesis morbi» // Шаламовский сборник: Вып. 5 / [сост. В. В. Есипов]. М.: Common place, 2017. С. 598–625.

На наш взгляд, трудно представить, чтобы данное, сугубо деловое и не предназначенное для огласки письмо не отражало реальности переговоров Шаламова с издателем, которые шли через русскоговорящих посредников примерно в то самое время, когда автором было написано упомянутое нами ранее «Письмо старому другу», где Шаламов не только отстаивал свободу слова, но и говорил о гласности как средстве исцеления социальных болезней России.

«Бича и клейма!..» Что изменилось перед письмом Шаламова в редакцию «Литературной газеты»

Открытое письмо в редакцию «Литературной газеты» от 16 февраля 1972 года, где Шаламов решительно протестует против публикации его Колымских рассказов в эмигрантских изданиях «Посев» и «Новый журнал», было написано на 6 лет позже указанных в предыдущем разделе статьи событий и после «Пражской весны», т.е. фактически в другую эпоху. «Красный май» во Франции давно прошел, у власти там находилось правое правительство голлистов. Активное сближение Мао Цзэдуна с США в 1970–1971 годах на почве антисоветизма породило деморализацию в рядах тех левых, кто ориентировался на китайскую альтернативу «советскому ревизионизму». Социалистическая альтернатива в ЧССР была пресечена введением войск стран Варшавского договора. Левые протесты погасли, уступив место геополитическим играм. Репрессии против советских диссидентов вынуждали их апеллировать к лидерам капиталистического мира для оказания давления на СССР. Взаимные обмены разведчиками или политическими заключенными по линии КГБ – ЦРУ стали все более и более регулярными. Высланные из СССР «инакомыслящие» нередко попадали в поле зрения спецслужб. Эмигрантские организации подверглись инфильтрации КГБ. Владимир Буковский свидетельствовал, что «Народно трудовой союз» вместе со своим «рупором» «Посев» был наводнен двойными агентами и провокаторами, играя немалую роль в компрометации диссидентского движения [3].

Это согласуется с шаламовскими «мыслями вслух» о наводнении диссидентского движения – «прогрессивного человечества» (ПЧ), как он его называл, провокаторами и агентами КГБ. Именно на основании слов Шаламова «считаю необходимым заявить, что я никогда не вступал в сотрудничество с антисоветскими журналами “Посев” или “Новый журнал”, а также и с другими зарубежными изданиями, ведущими постыдную антисоветскую деятельность» в шаламововедении появилась точка зрения, что писатель «во все времена и веки», дескать, «гнал от себя» иностранцев, предлагавших публикацию его рассказов на Западе, а если публикации-таки делались, то не иначе как обманным пиратским способом. Однако (и выше мы подробно на этом остановились) взгляды и настроения Шаламова в 1960-е и 1970-е годы не были идентичными. Да, в 1972 году Шаламов (в отличие от других диссидентов, включая А.Д. Сахарова) не испытывал никаких иллюзий в отношении западных лидеров, которых «демократизация СССР» интересовала постольку, поскольку соответствовала их геополитическим устремлениям, но из этого совершенно не следует, что писатель – «сочувственник революции и 20-х годов» пятью годами ранее не учитывал шансы на успех «новых левых» – протестного движения «снизу», которое ставило цель уничтожить глобальную эксплуатацию.

Нельзя также не обратить внимания, что, пытаясь абсолютно отмежеваться от причастности к публикации «Колымских рассказов» в «Посеве» и «Новом журнале», Шаламов в письме в «Литгазету» ни словом не обмолвился об издании их переводов в виде книг, в частности, во Франции, которое было по сути дела синхронным с «посевовскими» публикациями. Мы также считаем, что, помимо литературно-философских и идейных причин, появление письма в «Литгазете» имело политические и тактические основания. Так, одним из побудительных факторов письма в «Литгазету» могла быть публикация за рубежом текста «Письма старому другу», который был признан антисоветским уже на новом процессе над составителями «Белой книги» – А. Гинзбургом и Ю. Галансковым. Шаламов, получавший сведения о процессе А. Синявского и Ю. Даниэля, мог также следить за доступной информацией о процессе Гинзбурга – Галанскова и мог знать об инкриминируемых им связях с «Посевом», сведения о которых попали в печать. В 1972 году здоровье заключенного Ю. Галанскова резко ухудшилось, он умер в лагерной больнице. Элементарный здравый смысл должен был подсказать Шаламову: 1) графологическая экспертиза анонимных текстов в КГБ проводится профессионально; 2) появление «Колымских рассказов» в изданиях «Посева» может быть увязано с делом о «Белой книге», где находился и его авторский текст, и которая в силу обстоятельств была издана в том же издательстве «Посев». Этого было бы достаточно для судебного преследования, которого больной писатель вряд ли смог бы перенести. Единственно правильным решением в такой ситуации было превентивно, жестко и публично отмежеваться от «Посева» и НТС.

Литература

1. РГАСПИ. Фонд 17. Опись 171. Ед. хр. 495. Л. 74–76.
2. РГАСПИ. Фонд 17. Опись 171. Ед. хр. 495. Л. 72–73.
3. Буковский, В. Психиатрический ГУЛАГ / В. Буковский. – URL: http://hvp.by.ru/gulag.htm/ (дата обращения: 10.06.2021). – Текст : электронный.
4. Гароди, Р. Крутой поворот социализма / Р. Гароди. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1974. – 333 с.
5. Гинзбург, А. Двадцать лет тому назад / А. Гинзбург // Русская мысль. – 1986. – 14 февраля (№ 3608).
6. Емельянов, Т. Лоскутные знамена «новых левых» / Т. Емельянов // Литературная газета. – 1970. – 31 октября (№ 43).
7. Есипов, В. В. Шаламов / В. В. Есипов. – Москва : Молодая гвардия, 2012. – 346[6] с. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1374.)
8. Есипов, В. В. Максимов, Мисима, Бжезинский и другие (по следам одной загадочной записи Шаламова) / В. В. Есипов. – URL: https://shalamov.ru/research/263/ (дата обращения: 10.06.2021). – Текст : электронный.
9. Иванов, В. В. Аввакумова доля / В. В. Иванов. – URL: https://shalamov.ru/research/114/ (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.
10. Кривицкий, А. Плоды просвещения г-на Бжезинского. По поводу антикоммунистической теории эволюции /

А. Кривицкий // Литературная газета. – 1969. – 26 марта (№ 13).

11. Латышев, И. А. О перспективах политического развития Японии накануне так называемого кризиса 1970 года / И. А. Латышев // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – 1970. – № 5 (110). – 142 с.

12. Михайлик, Е. Спасения нет. Беседа с филологом Еленой Михайлик о прозе Варлама Шаламова / Е. Михайлик. – URL: https://gorky.media/context/spaseniya-net/ (дата обращения: 10.06.2021). – Текст : электронный.

13. Обсуждение книги В. В. Есипова «Шаламов» в серии ЖЗЛ в Государственном музее истории ГУЛАГа. – URL: https://shalamov.ru/events/47/ (дата обращения: 11.06. 2021). – Текст : электронный.

14. Поляков, Ю. Не люблю иллюзий / Ю. Поляков // Литературная газета. – 2015. – 3 июня (№ 22).

15. Путников, М. Конец самурая / М. Путников // Литературная газета. – 1970. – 9 декабря (№ 50).

16. Сахаров, А. Д. Тревога и надежда. Один год общественной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова / А. Д. Сахаров. – Нью-Йорк : Хроника, 1978. – 198 с.

17. Сиротинская, И. П. Мой друг Варлам Шаламов / И. П. Сиротинская. – Москва, 2006. – 199 с.

18. Солженицын, А. С Варламом Шаламовым / А. Солженицын // Новый мир. – 1999. – № 4. – С. 166–168.

19. Три интервью в храме Яскуруни // Литературная газета. – 1969. – 01 января (№ 1).

20. Фоняков, И. Японские диалоги / И. Фоняков // Литературная газета. – 1970. – 17 июня (№ 25).

21. Чеботаревская, Т. Контрасты Японии / Т. Чеботаревская // Литературная газета. – 1969. – 08 января (№ 2).

22. Шаламов, В. Из глубины. Мысли и афоризмы / В. Шаламов. – Москва : Летний сад ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2016. – 123 с.

23. Шаламов, В. Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / В. Т. Шаламов. – Москва : Эксмо, 2004. – 1066 с.

24. Шаламов, В. Т. Письмо старому другу / В. Т. Шаламов // Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. – Москва : Книга, 1989. – 530 с.

25. Шаламов, В. Собрание сочинений в шести томах / В. Шаламов. – Москва : Терра, 2004–2005. – Т. 4. – 640 с.

26. Шаламов, В. Собрание сочинений в 6 т. + 7 т. Доп. том 7. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – 528 с.

27. Шаламов, В. Стихотворения и поэмы : в 2 томах / В. Шаламов. – Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского дома. Вита Нова (Новая Библиотека поэта), 2020. – Т. 2. – 639 с.

28. Яроцкий, А. С. Золотая Колыма. Воспоминания А. С. Яроцкого о Колыме в литературном контексте / А. С. Яроцкий ; вст. ст. Н. М. Малыгиной ; подг. текста Н. М. Малыгиной, Л. Н. Анпиловой, Т. И. Исаевой ; коммент. Н. М. Малыгиной. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. – 372 с.

M.V. Goloviznin

VARLAM SHALAMOV AND THE LEFT-WING POLITICAL DISCOURSE OF THE 1960S

The article analyzes the materials and new documents concerning the problem “Shalamov and western left political discourse”. It considers the publication of the first French translation of Shalamov's “Kolyma Tales”, published in 1969 by Maurice Nadeau (1911–2013), a left-wing political activist and former member of the French Section of the Fourth International. The article presents previously unknown documents from the personal archive of Jean-Jacques Marie, a French translator. Maurice Nadeau’s letter which proves that Shalamov knew about the translation of “Kolyma Tales” into French and gave permission to publish them in France is among these documents. The article also analyzes Shalamov's “Letter to the Old Friend” and his notebooks, in which he evaluated the Western Leftists (Che Guevara, Herbert Marcuse, Roger Garaudy, etc). A careful study of Shalamov's interest in Western left radicals (and the ideas of socialist alternative to the Stalinist model) proves the possibility of bilateral contacts between them. Shalamov's ideas about glasnost as the best healer of Russia's “social ulcers” expressed in his “Letter to the Old Friend” explain the possibility of sending “Kolyma Tales” abroad for translation. On the other hand, the decline of the leftist movement in the 1970s and the turn of the dissident movement in the USSR to Western capitalism caused Shalamov’s negative reaction which was reflected in his letter to Literaturnaya Gazeta on February 16, 1972.

Shalamov Varlam, Maurice Nadeau, Jean-Jacques Marie, Kolyma Tales, New Left, USSR dissident movement.

УДК 93

Г.А. Пудов
Государственный Русский музей

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ СУНДУЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА РУССКОГО СЕВЕРА

Статья представляет обзор и анализ наиболее значительных публикаций по истории сундучного производства Русского Севера. Автор выделил три главных раздела: издания, связанные с «морозом» по жести Великого Устюга; публикации, посвященные росписи на сундуках и шкатулках; обзоры музейных собраний.

Сундучное производство, Русский Север, музейное собрание, «мороз» по жести, роспись на ларцах.

Сундучное дело в городах и селениях Русского Севера существовало с древности. Длительное время именно Русский Север был главным сундучным центром страны, мастера Холмогор и Великого Устюга делали массы сундуков, ларцов и шкатулок. Они были распространены не только в России, но и за рубежом, особенно в странах Скандинавии. Со временем появилось множество публикаций, так или иначе связанных с сундучным производством Русского Севера. Однако до настоящего времени не было предпринято ни одной попытки классификации и анализа работ, посвященных северным сундучным изделиям. Не были определены особенности историографии.

Цель настоящей статьи – систематизация и анализ научных работ по истории северного сундучного центра, выявление основных особенностей историографии. Следует отметить, что весь объем публикаций по данной теме в одной статье рассмотреть не представляется возможным[1].

* * *

Планомерное изучение «дела» сундучных изделий на Русском Севере началось в XIX веке. Одной из первых стала статья Ф.А. Арсеньева в книге о кустарных промыслах Вологодской губернии, изданной в 1882 году [3, с. 31–32]. В ней содержится краткая история промысла по изготовлению шкатулок с «морозом» по жести. Особое внимание автор уделил организации, технологии и экономике промысла. Ф.А. Арсеньев четко разделил производство изделий на столярную и слесарную составляющие, он считал, что «дело» шкатулок выделилось из сундучного промысла.

В XX столетии литература по истории сундучного производства на Русском Севере разделилась на три темы (за немногими исключениями, о которых будет сказано особо): 1) издания, связанные с «морозом» по жести Великого Устюга; 2) публикации, посвященные росписи на сундуках, ларцах и шкатулках; 3) обзоры музейных собраний. Рассмотрим их в хронологической последовательности.

Издания, связанные с «морозом» по жести Великого Устюга

В рамках этой темы основными публикациями являются статьи в местной периодике и монографии, в которых содержатся сведения о великоустюгском «морозе» по жести. В статье Н. Анова [2, с. 3] помещен рассказ о том, как по приказу советского правительства о восстановлении производства шкатулок с «морозом» на экспорт были предприняты попытки его возрождения. Но все они окончились неудачей, поскольку мастера работали в «исключительно ненормальных условиях» (не было жести и химических веществ). Однако, как утверждал Н. Анов, промысел восстановить возможно, так как живы мастера, не забывшие секреты древнего ремесла.

В монографии В.В. Комарова содержатся краткие сведения о ларцах, обитых железными полосами (конструкция, технология), о «морозе» по жести (технология, множество фамилий мастеров, места сбыта, причины упадка производства, попытки его восстановления и причины неудачи) [15, с. 16, 20]. Вопреки утверждениям автора, на вологодской выставке 1858 года была представлена лишь одна шкатулка мастера Насоновского, речи о «морозе» по жести не шло.

М.П. Лукин и Н.М. Давыдова привели сведения о «морозе» по жести: его технология и история [16, с. 30–31]. Особо важны сообщаемые исследователями имена мастеров: братьев Павла и Виктора Ермиловых, Прокопия Волкова, Николая Торлова, Георгия Панова, П.А. Сосновского и других. Сообщалось и о попытках возродить промысел.

В монографии П.А. Тельтевского [23, с. 146, 148, ил. 149] даны общие сведения об окованных железом ларцах и шкатулках, декорированных «морозом» по жести (история, технология, фамилии мастеров). На иллюстрации представлен ларец-«теремок» из коллекции Великоустюгского музея-заповедника.

Необходимо также упомянуть о книге А.В. Капустиной, Л.Н. Сыроватской и Г.Н. Чебыкиной [14, с. 32–35]. Среди сведений по истории Великого Устюга и о местных промыслах в ней есть общая ин-

[1] Более полный список литературы по истории северного сундука содержится в библиографическом указателе, посвященном русскому сундучному производству [21, с. 19–36]. Как особо ценный источник следует назвать описи монастырей и описи имущества частных лиц (XVII – XVIII века) [21, с. 11].

формация о производстве окованных железом ларцах и шкатулках с «морозом» по жести (технология и фамилии мастеров). На иллюстрациях представлены окованные «теремки» и шкатулки с «морозом»[2].

Публикации, связанные с росписью на сундуках и шкатулках

Полнее всего в имеющейся на сегодняшний момент литературе по истории северного сундучного центра представлены публикации, посвященные росписи на ларцах, скрынях, шкатулках и сундуках. По большей части это – научные статьи и монографии.

Первые по времени – работы 1960-х годов. В работе Е.С. Овчинниковой [17, с. 371–391] представлен детальный анализ сюжетной росписи на крышке сундука из собрания ГИМ: проанализированы особенности техники, художественной трактовки изображений, подписей под ними и проч. Автор пришел к выводу, что роспись на крышке сундука является картиной на историческую тему.

С.К. Просвиркина и С.К. Жегалова привели исторические сведения о производстве расписных сундуков в Холмогорах и Великом Устюге [19, с. 11–42]. В росписях они выделили два направления: сюжетные со статичной композицией и орнаментальные с динамичной композицией. Заслуживают внимания предположения исследователей о новгородском происхождении этих росписей. З.П. Попова разделила их на три вида: «удлиненные цветы на беспокойно изогнутых стеблях», «росписи с округлыми цветами на стебле, завернутом в спираль» и росписи, где главными являются сюжетные изображения [18, с. 14–17].

В книге С.К. Жегаловой, вышедшей в свет в 1975 году [12, с. 33–80], содержится красочный поэтичный рассказ о северных росписях на сундуках и ларцах. Автор популярно изложил сведения об основных сюжетах росписи, ее особенностях, технологии, а также о мастерах, привел ценные исторические сведения.

Статья И.Н. Ухановой [24, с. 148–168] посвящена северным росписям по слюде. Среди прочих предметов рассмотрены деревянные ларцы, украшенные слюдяными пластинами, проанализированы росписи на них. И.Н. Уханова заключила, что слюдяные ларцы XVII века были предшественниками того известного типа ларцов и расписных коробов, которые делались северорусскими мастерами на протяжении XVIII – начала XIX столетий. Место производства слюдяных ларцов, по мнению автора, – Вологда и Великий Устюг.

В другой работе И.Н. Уханова попыталась связать изображения иноземцев в северной росписи с пленными турками и татарами, сосланными в Холмогоры в 1679 году [25, с. 225–229]. Роспись на ларцах поставлена исследователем в ряд с другими художественными явлениями, развивавшимися в то время. В качестве образцов И.Н. Уханова использовала сундуки и ларцы из коллекций ГЭ и ГИМ. Заслуживает внимание статья того же исследователя о росписи с изображениями музыкантов на северных ларцах XVII века [26, с. 29–34]. Приведены сведения об изображениях бандуристов, о роли скоморохов и музыкантов в Древней Руси, появлении домры в России, ее широком распространении в разных слоях общества и причинах появления изображений музыкантов на произведениях Великого Устюга и Холмогор. В монографии И.Н. Ухановой [27, с. 43–53, 128–140] даны общие сведения о холмогорских и великоустюгских ларцах, сундуках и шкатулках: технология оковки железом, основные сюжеты росписи. И.Н. Уханова попыталась доказать, что многие расписные ларцы изготовлены не в Великом Устюге, а Холмогорах. Ей не учтена работа А.А. Гилодо и Т.А. Лобаневой (см. ниже). На одной из иллюстраций скрыня неверно названа сундуком-«теремком».

Интересна работа Я.Н. Щапова [29, с. 433–438], в которой приведен анализ росписи на крышке сундука. Автором статьи высказано предположение, что в изображениях молодого человека и девушки, связанных со свадебной обрядностью, отразился конкретный момент свадьбы – угощение молодых во время свадебного пира.

Статья Ю.Б. Ивановой [13, с. 116–122] представляет тщательный анализ кистевой росписи на сундуках, делавшихся в селениях по реке Шемоксе (неподалеку от Великого Устюга): рассмотрена техника, композиции, цветовые сочетания и наиболее часто встречающиеся декоративные мотивы. Автор подчеркнул значительную роль сундуков в свадебном обряде.

Многочисленны и содержательны публикации Н.Н. Гончаровой, посвященные росписям Великого Устюга и Холмогор. Они достойны самостоятельного обзора, поэтому в настоящей статье будут рассмотрены лишь основные.

В работе о назидательных сюжетах в росписи сундуков XVII–XVIII веков [5, с. 166–176] приведены сведения о возможных истоках изображений и особенностях живописи. Материалом статьи стали сундуки из коллекции отдела дерева и мебели ГИМ. О влиянии православной культуры на сюжетные композиции в росписи сундуков XVII–XVIII столетий Н.Н. Гончарова рассуждала в статье, опубликованной в 2005 году [6, с. 217–231]. Исследователь указывал на то, что набор технических и изобразительных средств росписи соответствовал правилам иконописания, отсутствовали подписи художников, выбирались определенные сюжеты и персонажи. Традиции русского фольклора в изображениях на устюгских сундуках конца XVII – начала XVIII века стали предметом исследования Н.Н. Гончаровой в статье, опубликованной в сборнике Забелинских научных чтений [7, с. 120–134]. В ней приведен искусствоведческий анализ росписей на четырех сундуках: рассмотрены свадебные сюжеты, истоки изображений, основные персонажи. Необходимо упомянуть о статье Н.Н. Гончаровой, которая посвящена атрибуции северных расписных ларцов и сундуков [8, с. 33–38]. В ней представлен подробный анализ росписи сундука-подголовника из коллекции отдела дерева и мебели ГИМ, предпринята попытка определить истоки содержания образов льва, единорога, древа жизни.

В 2018 году была опубликована статья Г.А. Пудова и С.Д. Оленева, в которой рассмотрен один из ви-

[2] Другое издание этой книги вышло в свет в 2007 году.

дов северной росписи, распространенных на сундуках [22, с. 91–100]. Авторы выделили три центра росписи, попытались определить ее истоки, проанализировали конкретные произведения с художественной и технической сторон. Особый интерес представляют сведения об аналогичном виде росписи в странах Европы.

Обзоры музейных собраний

Этот раздел содержит лишь несколько работ. Холмогорским расписным сундукам из коллекции ГИМ посвящена статья Н.Н. Гончаровой [9, с. 121–128]. Она содержит анализ назидательных сюжетов «Неверная жена», «Самсон и Далила», «История Эсфири», «Колесо Фортуны». Автором сделан вывод, что содержание росписей на сундуках отражало иерархию ценностей и мировоззрение как заказчиков, так и авторов. Великоустюгские расписные сундуки и коробьи из собрания того же музея рассмотрены Н.Н. Гончаровой в альбоме-путеводителе, вышедшем в свет в 2013 году [10, с. 40, 43–45, 54–55, 125, 127–129, 139–148]. Работа посвящена сюжетной росписи: ее история, сюжеты и их размещение на сундуках и ларцах, главные персонажи, истоки образов и сюжетов, связь с литературными произведениями. Кроме того, в статье содержатся сведения о коллекции Великоустюгского музея, на иллюстрациях – роспись внутренних частей крышек сундуков, сундуки с «шемогодской» росписью, общие сведения об окованных железными полосами ларцах и шкатулках, украшенных «морозом» по жести.

Вехой в деле изучения северных сундучных росписей стал каталог ларцов из коллекции ГИМ [11], подготовленный Н.Н. Гончаровой. Он включает разделы об истории бытования сундучных изделий, их видах, сюжетах и проч. Данное издание – одна из основополагающих публикаций по истории производства сундучных изделий на Русском Севере.

В статье Г.А. Пудова проанализированы предметы из коллекции отдела народного искусства ГРМ [20, с. 113–128]. В работе дана общая характеристика собрания холмогорских и великоустюгских сундуков и шкатулок: анализ наиболее показательных произведений, уточнение атрибуции некоторых из них, выявление особенностей и значения коллекции.

В серии книг, посвященной музейным собраниям Русского Севера (в частности, музеям Великого Устюга, Тотьмы, Вельска), есть краткие сведения о сундуках и ларцах [1; 28, с. 57–59]. Однако далее упоминаний и воспроизведения некоторых вещей дело, как правило, не идет. Тем не менее, эти книги очень ценны как способ ознакомления исследователей с музейными коллекциями.

* * *

Две работы необходимо выделить особо. Первая – статья А.А. Гилодо и Т.А. Лобаневой, опубликованная в 1990 году [4, с. 350–365]. Это исключительно ценная для атрибуции изделий публикация. Наряду с историческими сведениями по истории Холмогор и Великого Устюга, описанием отдельных периодов существования промысла, авторы указали на конкретные признаки, позволяющие определять происхождение произведений. Вторая работа – неопубликованный доклад С.Д. Оленева о сундуках из коллекции Вологодского областного краеведческого музея[3]. Автор разделил местные сундуки на несколько типов в зависимости от особенностей конструкции и росписи. Эта работа имеет большое значение для атрибуции изделий Русского Севера и является прекрасным подспорьем для музейных сотрудников и частных коллекционеров.

В качестве заключения необходимо отметить следующее. Историография северного сундучного центра четко делится на три темы: издания, связанные с «морозом» по жести Великого Устюга; публикации, посвященные росписи на сундуках и шкатулках; обзоры музейных собраний. Историография имеет несколько односторонний характер – значительное преобладание получили работы о росписи на сундуках и ларцах, хотя этот способ украшения был далеко не единственным. Историографии северного сундучного промысла по сравнению с другими центрами производства сундуков (за исключением уральского и муромского) свойственна бóльшая разработанность.

Принятые сокращения

АИС – Ассоциация искусствоведов

ВМДПиНИ – Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства

ГИМ – Государственный исторический музей

ГРМ – Государственный Русский музей

ГЭ – Государственный Эрмитаж

МГХПА – Московская государственная художественно-промышленная академия

НИИХП – Научно-исследовательский институт художественной промышленности

Литература

1. Северные лики. Великий Устюг. Великоустюгский государственный ист.-архитект. и худож. музей-заповедник / А. Андреева, Е. Архипова, Ю. Иванов и др. – Санкт-Петербург : АРС, 2003. – 41 с.

2. Анов, Н. Мороз по жести / Н. Анов // Советская мысль. – 1934. – № 271.

3. Арсеньев, Ф. А. Вологодская губерния : очерк кустар. промыслов по изделиям, собр. Волог. губ. земством / сост. по поручению Губ. земства, чл.-секретарем Волог. стат. ком. Ф. А. Арсеньевым / Моск. пром.-худож. выст. в 1892 г. – Вологда : тип. Волог. губ. правл., 1882. – 58 с.

4. Гилодо, А. А. Русские сундучные изделия с кованой железной отделкой XVII–XVIII вв. / А. А. Гилодо, Т. А. Лобанева // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : ежегодник, 1989 / АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. – Москва, 1990.

5. Гончарова, Н. Н. Назидательные сюжеты на расписных сундуках XVII–XVIII вв. / Н. Н. Гончарова // Труды ГИМ. Вып. 136 / ответственный редактор В. Л. Егоров. – Москва : ГИМ, 2004.

6. Гончарова, Н. Н. Влияние православной культуры на сюжетные композиции в росписи сундуков XVII–XVIII вв. / Н. Н. Гончарова // Труды ГИМ. Вып. 152: Проблемы изучения истории Русской Православной Церкви и современная деятельность музеев. – Москва : ГИМ, 2005.

7. Гончарова, Н. Н. Традиции русского фольклора в изображениях на устюжских сундуках конца XVII – начала

[3] Благодарю С.Д. Оленева за возможность ознакомиться с рукописью (Оленев С.Д. Расписные сундуки в собрании Вологодского историко-архитектурного и художественного музея).

XVIII века / Н. Н. Гончарова // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / ответственный редактор В. Л. Егоров. – Москва, 2010. – (Труды ГИМ; вып. 182: Забелинские науч. чтения, 2008).

8. Гончарова, Н. Н. Проблемы атрибуции расписных сундуков (на примере сундука 1688 г. из собрания ГИМ) / Н. Н. Гончарова // Труды ГИМ. Вып. 196: Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI–XX веков : материалы II научно-практической конференции 19–18 октября 2011 г. / составители : О. Б. Лантратова и др. – Москва, 2013.

9. Гончарова, Н. Н. Холмогорские расписные сундуки в собрании Государственного исторического музея / Н. Н. Гончарова // Мильчик М. И. «Город Холмогор был многолюден и знаменит…» : очерк градостроительной и архитектурной истории : графические реконструкции и документы / М. И. Мильчик. – Санкт-Петербург : Лики России, 2013. – 360 с.

10. Гончарова, Н. Н. Великоустюжские расписные сундуки и коробьи в собрании Государственного исторического музея / Н. Н. Гончарова // Великоустюгский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Альбом-путеводитель по коллекциям народного и декоративно-прикладного искусства / [составитель С. В. Митурич ; авторы статей : И. В. Замараева и др.]. – Москва : Три квадрата, 2013. – 176 с.

11. Гончарова, Н. Н. Русские расписные сундуки XVII–XVIII веков в собрании Исторического музея / Н. Н. Гончарова. – Москва : Исторический музей, 2018. – 312 с.: ил. – (Золотой фонд Исторического музея).

12. Жегалова, С. К. Русская народная живопись / С. К. Жегалова. – Москва : Просвещение, 1975. – 191 с.

13. Иванова, Ю. Б. Кистевые росписи сундуков Великого Устюга / Ю. Б. Иванова // Научные чтения памяти В.М. Василенко / ВМДПиНИ. – Москва, 1997. – Вып. 1.

14. Капустина, А. В. Великий Устюг / А. В. Капустина, Л. Н. Сыроватская, Г. Н. Чебыкина. – Москва : Северный паломник, 2002. – 46 с.

15. Комаров, В. В. Художественные промыслы великоустюгских мастеров / В. В. Комаров. – Вологда : Красный Север, 1949. – 24 с.

16. Лукин, М. П. Народное искусство устюжан / М. П. Лукин, Н. М. Давыдова ; литературная обрабаботка П. В. Шартина. – Вологда : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1971. – 64 с.

17. Овчинникова, Е. С. Сюжет книги Эсфирь в произведениях русской живописи XVII в. / Е. С. Овчинникова // Русское государство в XVII веке : новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни : сборник статей / [редкол. Н. В. Устюгов и др.]; Институт истории. – Москва, 1961.

18. Попова, З. П. Расписные сундуки / З. П. Попова // Декоративное искусство. – 1968. – № 6.

19. Просвиркина, С. К. Расписные сундуки XVII–XVIII вв. / С. К. Просвиркина, С. К. Жегалова // Сокровища русского народного искусства : резьба и роспись по дереву / С. К. Жегалова, С. Г. Жижина, З. П. Попова и др. – Москва : ГИМ, 1967. – 262 с.

20. Пудов, Г. А. О холмогорских и великоустюжских сундучных изделиях XVII–XVIII веков (коллекция отдела народного искусства Русского музея) / Г. А. Пудов // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда : вестник МГХПУ. – Москва, 2015. – № 3.

21. Пудов, Г. А. История русского сундука. Материалы к библиографии / Г. А. Пудов. – Санкт-Петербург : Первый класс, 2018. – 112 с.

22. Пудов, Г. А. О сундуках с росписью «под гребенку». Вологодская губерния, II половина XIX – начало XX века / Г. А. Пудов, С. Д. Оленев // Петербургские искусствоведческие тетради / АИС, Твор. союз историков искусства и худож. критиков России. – Санкт-Петербург, 2018. – Вып. 49.

23. Тельтевский, П. А. Великий Устюг : архитектура и искусство XVII–XIX веков : [альбом] / П. А. Тельтевский. – Москва : Искусство, 1977. – 179 с.

24. Уханова, И. Н. Слюда в русском народном искусстве / И. Н. Уханова // Музей народного искусства. Музей народного искусства и художественные промыслы : сборник трудов НИИХП. Вып. 5. – Москва : Изобразительное искусство, 1972.

25. Уханова, И. Н. Декорировка северных русских ларцов XVII–XVIII вв. / И. Н. Уханова // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : ежегодник. 1976 / АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. – Москва, 1977.

26. Уханова, И. Н. Декоративная роспись с музыкантами на северных ларцах XVII века / И. Н. Уханова // Народная культура Русского Севера / Гос. музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»; [составитель Т. М. Кольцова ; редактор Т. С. Попова]. – Архангельск, 1997.

27. Уханова, И. Н. Народное декоративно-прикладное искусство городов и посадов Русского Севера конца XVII–XIX веков / И. Н. Уханова. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. – 307 с.

28. Цаплина, Т. Н. Важские росписи / Т. Н. Цаплина // Вельский районный муниципальный краеведческий музей им. В. Ф. Кулакова : альбом-путеводитель по коллекциям / [составитель С. В. Митурич]. – Москва : Три квадрата, 2012. – 157 с.

29. Щапов, Я. Н. Свадебная сцена на крышке сундука XVII в. / Я. Н. Щапов // Древняя Русь и славяне : сборник статей / АН СССР, Ин-т археологии; [отв. ред. и авт. предисл. Т.В. Николаева]. – Москва, 1978.

G.A. Pudov

THE CHEST OF THE RUSSIAN NORTH. ISSUES OF HISTORIOGRARHY

The article is a review and analysis of the most significant publications connected with the history of the chest production in the Russian North. The author classifies the publications into three main sections: related to the «frost» on tin of Veliky Ustyug; devoted to painting on chests and caskets; reviews of museum collections.

Chest production; Russian North; museum collection; «frost» on tin; painting on caskets.

УДК 94(470.1).084.3:631

В.А. Саблин
Вологодский государственный университет

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ АГРАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00238 а «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы»

В статье идет речь об освоении Европейского Севера России посредством аграрной колонизации в первой трети XX в. Анализируются процессы внутреннего расселения крестьянского населения и способы расширения землепользования. Исследуются вопросы привлечения в сельскохозяйственную отрасль населения из-за пределов региона. Изучены условия трансформации колонизационной политики государства в 1930-е гг. и замены добровольного освоения на принудительную колонизацию Севера Европейской части России спецпереселенцами из числа кулаков и осужденных.

Землепользование, крестьянский двор, аграрное перенаселение, колонизация, государственная политика, спецпереселение.

Проблема освоения природных богатств Европейского Севера России, ликвидации малонаселенности региона, обеспечения региона дополнительными рабочими руками давно является предметом пристального внимания ученых, специалистов сельского хозяйства, историков. Еще в конце XIX известный предприниматель М. Сидоров предложил программу последовательной колонизации регионов Европейского Севера посредством внутрирегионального расселения и привлечения населения из других регионов России [28].

Для анализа вопросов сельскохозяйственной колонизации очень важно рассмотреть правовые основания существования крестьянского хозяйства в данном регионе и характера поземельных отношений. Первые советские земельные и лесные законы 1917–1921 гг. изымали землю из гражданского оборота и установили в стране режим земельных отношений, основанный на исключительном и неограниченном государственном праве собственности на землю. Устанавливалась практика уравнительно-трудового пользования землей.

В годы нэпа власть вынуждена была пойти навстречу крестьянству. Значительная часть лесов государственного фонда была передана в местный фонд для возможного сельскохозяйственного использования и внутреннего расселения. Так, уже 28 апреля 1921 г. были изданы особые «Правила обращения в земельный фонд лесных площадей в северных губерниях». Руководству Архангельской, Вологодской (за исключением Вологодского и Грязовецкого уездов), Олонецкой, Северо-Двинской и ряда других губерний разрешалось самостоятельное обращение в земельный фонд тех лесных участков, которые не представляли особого значения для лесного хозяйства, мелких площадей, располагающихся чересполосно или посреди крестьянских угодий. В сплошных лесных массивах расчистки не должны были превышать 10% от всего массива [14].

Основной закон о трудовом землепользовании, Земельный (1922 г.) и Лесной (1923 г.) кодексы также признавали за крестьянами право на расчистки. Разработанные на их основе «Правила устройства трудовых заимок земли для постоянного сельскохозяйственного использования» (Циркуляр НКЗ РСФСР от 2.07.1923 г.) предоставляли «заимщикам» землю в бессрочное трудовое пользование. В соответствии с этим правилом размер заимки не должен был «превышать того количества земли, которое может быть использовано заимщиком для ведения трудового сельского хозяйства с применением наемного труда в дозволенных законом случаях». Заимки разрешались в 22 губерниях и областях страны, в том числе на Европейском Севере (кроме Вологодской губернии).

Предварительных условий для разработки заимки в отведенных для этой цели местах не требовалось. Предполагалась лишь регистрация «произведенной заимки в течение годичного срока в ближайшем земуправлении, под опасением, в противном случае, недействительности заимки» [26, с. 23–25]. Срок разработки заимки устанавливался в пять лет. Обязательным условием являлось возведение на заимке жилья. Никаких льгот при этом не предусматривалось. В силу этой и других причин в северной деревне предпочитали заимке традиционную расчистку.

Тем не менее, указанный Циркуляр НКЗ являлся по сути первым шагом в вопросах советской политики аграрной колонизации Европейского Севера и сыграл важную роль в составлении местных подзаконных актов, касающихся расширения крестьянского землепользования и расселения населения. По сути дела, можно согласиться со сделанным в свое время

М. Градовым выводом о том, что «о плановом переселении в СССР со времени революции можно говорить только начиная с 1924 г., так как до этого времени работа руководящего органа в области переселения – Наркомзема – сводилась главным образом к регулированию стихийного передвижения переселенцев, вызванного голодом 1921 г.» [8, с. 33–34].

Не случайно, в АО Коми, судя по отчету областного земельного управления за 1923 г., полагали, что «с получением правил об устройстве трудовых заимок земли» представилась «возможность легализовать все расселенческие участки, образовавшиеся за время революции революционным порядком, присвоив им права заимок» [6].

Первый опыт привлечения переселенцев в регион и выработки колонизационной политики был связан с деятельностью лесных концессий «Русанглолес», «Русголландлес» и «Руснорвеголес». Основным резервом рабочей силы для них являлась деревня. Осознав это обстоятельство, власти вынуждены были всерьез корректировать свою политику в сфере промыслов и отхода, рассматривать проблемы организации труда и лесоэксплуатации. На этом этапе экономической политики появляются первые перспективные планы развития и подъема сельского хозяйства, и предпринимается попытка определить место каждого сектора в экономике региона.

В 1925 г. в Коми АО был издан ряд документов, касающихся расчисток, – «Правила о расчистках и распашках в границах фактического пользования (земельного фонда) и на предназначенных к отводу в земельный фонд лесных площадях», «Правила о расчистках и распашках в лесах местного и государственного значения» и близкие к этим инструкциям «Временные правила о расселении земледельческого населения в Автономной области Коми» [7].

Примечателен в этой связи план переселенческих и расселенческих работ на 1925–1929 гг. [12, с. 14], разработанный в Вологодской губернии. Согласно плану, предполагалось провести ряд мероприятий с целью выравнивания в землеобеспечении бедных и средних хозяйств и на этой основе увеличить земельные наделы до размеров, позволяющих использовать рабочую силу преимущественно в сельском хозяйстве. При этом, как отмечалось, «крестьянские хозяйства сумеют выделить известный кадр рабочей силы для развития местной и государственной промышленности, но уже обеспеченных продуктами сельского хозяйства» [4].

Таким образом, в Вологодской губернии приоритеты отдавались сельской экономике, которая должна была попутно снабжать промышленность рабочей силой, обеспеченной за счет своего сельского хозяйства необходимым продовольствием.

В других регионах края постановка проблемы значительно отличалась. В Архангельской губернии, как подчеркивалось на IX губернской конференции РКП(б) в январе 1925 г., в качестве первоосновы развития сельского хозяйства предполагался переход от «зерноводства, как основного направления сельскохозяйственного производства, к животноводству и луговодству». Данный курс нашел подтверждение в решениях XI губернского съезда Советов в конце 1925 – начале 1926 гг. [20, с. 26].

В Карельской АССР вопрос о дальнейшей специализации аграрного производства было решен в середине 1920-х гг. по завершении административных преобразований. В частности, на VII Всекарельской партийной конференции в декабре 1926 г. была признана необходимость в принятии «специальных мер к направлению и использованию средств от лесных заработков на интенсификацию сельского хозяйства и промыслов через кредитные и сельскохозяйственные товарищества». Подтверждался «курс на развитие товарности сельского хозяйства, особенно по линии животноводства».

Отмечая недостаток «рабочей силы для карельской промышленности и лесных заготовок и необходимость земледельческого заселения наших незаселенных районов, с одной стороны, и болезни и недочеты в колонизационной практике Мурманской железной дороги – с другой, конференция устанавливает, что колонизация в дальнейшем должна идти в строгом соответствии с общими перспективами экономического развития АКССР по двум линиям: 1) промышленной и промысловой и 2) сельскохозяйственной. Болезненные явления, имевшие место у Мурманской железной дороги, должны быть учтены, решительно изжиты и ни в коем случае не допущены в колонизационной практике Карелии» [23, с. 9].

Следует уточнить, что сельскохозяйственная колонизация зоны Мурманской железной дороги на первых порах дала масштабный сбой. Проводилась она за счет государства, но переселенцы, получив всевозможные льготы, предпочли работать на самой дороге, отказавшись от занятия сельским хозяйством.

В конечном итоге завершение восстановительных процессов в экономике региона в 1925–1926 гг. сопровождалось разработкой перспективных планов развития, привлечения рабочего население для аграрной колонизации Европейского Севера. Однако в действительности наблюдалась устойчивая тенденция оттока населения из региона. Как с тревогой писал в 1924 г. о ситуации в Архангельской губернии П. Туфанов: «Переселение из Шенкурского уезда в Поволжье, Сибирь и даже на Юг за последнее время принимает массовый характер, усиливаясь с каждым днем. Уездным земельным управлением только с 12 февраля сего года зарегистрировано 53 семейства, а общее число переселенцев, считая ранее выехавших, достигает ста, что составит почти 1/2% всего населения уезда. На первый взгляд кажется странным, что вместо ожидаемой колонизации Севера за счет перенаселенных мест центральной полосы России обнаружилось обратное стремление». Примечательным в этой ситуации было то, что 32% дворов, 17 хозяйств из Верхосуландской волости и 1 хозяйство из Верхопаденгской волости переселялись в Троицкий уезд Челябинской губернии организованным порядком на основе выданных Наркомземом документов на льготный проезд.

П. Туфанов выявляет и главную причину к переселению – «по указанию самих переселяющихся – малоземелье, плохая урожайность земли, недостаток хлеба и низкая оплата труда на лесозаготовках в зимнее время. Гражданин д. Захаровской, Паденгской волости, Вещагин, говорит, что общинное землеполь-

зование с трехпольным севооборотом, чересполосица, мелкополосица, дальноземелье, отсутствие хороших сенокосов, не позволяющее держать необходимое количество скота, стихийные бедствия, неблагоприятный климат, и вообще условия, не оправдывающие труд земледельца, заставляют выселяться в Поволжье. Гражд[анин] д. Боровской Верхнесуландской волости, П.М. Едовин, говорит следующее: "Борьба за хлеб в условиях Архангельской губернии становится не под силу. С переездом на новое место желаю завести многополье, дабы начать обрабатывать свое хозяйство культурным способом и дать лучшие условия для подрастающих детей"» [29, с. 39–40].

В Вологодской губернии, судя по заключению губплана «О пятилетнем плане колонизации» от 27 января 1926 г., наблюдалось стихийное переселение крестьян на мелкие массивы и выселение за пределы губернии, и лишь с 1925 г. проявилось стремление переселиться внутри губернии. На 1 апреля 1925 г. было получено 1078 заявок на переселение (от 1078 хозяйств при 4940 едоках). Указанная цифра достаточно скромная, учитывая то, что на 1 января 1926 г. в губернии выявился избыток населения в количестве 28 849 хозяйств, в том числе 2235 хозяйств в Вельском уезде, 17 470 хозяйств – Вологодском, 4160 хозяйств – Кадниковском, 2135 хозяйств – Каргопольском, 2849 хозяйств – Тотемском уезде [5].

В АО Коми ситуация в старообжитых районах была аналогичной. По сведениям на 1 сентября 1928 г. перенаселенность области, особенно в Усть-Сысольском уезде, в черте обжитых земель достигала 50% численности населения. Предпринятые властями усилия по привлечению в регион крестьянского населения давали незначительный эффект [17] (см. табл. 1).

Число переселившихся составляло по разным уездам от 0,27% до 2,6% к числу наличных хозяйств. В подавляющем большинстве, свыше 87,0%, это были бедняцкие дворы.

Другая мера, предпринятая властями Коми АО в вопросе колонизации, была связана с внутриобластным расселением. Для стимулирования «расселенцев» в местном бюджете области формировался целевой «расселенческий» фонд. Однако выдача безвозвратных пособий «расселенцам» была сопряжена с условием их перехода к коллективному земледелию.

Например, в 1926/27 г. пособия выдавались в первую очередь хозяйствам, которые на новом месте организовывали сельскохозяйственные кооперативы. Во вторую очередь – группам хозяйств, не объединенных в сельскохозяйственные кооперативы, но приступивших к совместной разработке сельскохозяйственных угодий (расчистки, распашки). В третью очередь – «для иных целей», таких как расчистки и распашки, приобретение рабочего скота, приобретение сельскохозяйственного инвентаря, расходы на переселение. Окончательный размер пособий определял ОблЗУ [18].

С 1925 по 1928 год в АО Коми путем внутри областного расселения было образовано 113 поселков с 332 дворами [19] (см. табл. 2).

В Карельской АССР колонизационная политика середины 1920-х гг. была также связана с расселением и переселением крестьян внутри республики. Со временем переселение стало обуславливаться созданием на новых участках коллективных хозяйств. Судя по отчетам колонизационно-переселенческой части НКЗ АКССР, в 1926/27 г. было расселено всего лишь 29 дворов на отведенной площади в 287 га, в 1927/28 г. – 13 дворов на площади в 128 га, в 1928/29 г. – 31 двор на площади в 310 га. Причем 60 га было выделено 6 дворам, объединившимся в колхоз. Не менее скромными размерами отличалось и переселение внутри республики. Так, в 1926/27 г. было переселено 96 дворов при 424 едоках. Выделенная под заселение площадь составила 995 га, в 1927/28 г. – 83 двора при 280 едоках. Выделенная им площадь равнялась 878 га. В 1927/28 г. было произведено 20 внутриселенных отводов земли на общей площади в 2586,12 га, которые коснулись 159 хозяйств. Из отведенной земли 337,72 га (13,06%) было передано колхозам, 2206,99 га (85,34%) – земельным обществам, и лишь 41,41 га (1,6%) – единоличникам [15].

Таблица 1

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ В КОМИ АО
(по данным на 1 июля 1925 года)

Уезды	Количество хозяйств	Количество членов семьи	Середняки	Бедняки	Процент к числу наличных дворов
Сысольский	323	1194	45	278	2,18
Усть-Вымский	33	113	2	31	0,27
Усть-Куломский	389	1437	48	341	0,31
Ижмо-Печорский	129	632	Нет сведений	Нет сведений	2,6
Всего	874	3376	95	650	

Таблица 2

ДИНАМИКА ВНУТРЕННЕГО РАССЕЛЕНИЯ В АО КОМИ В 1925–1928 ГГ.

Годы	Образовано поселков	С числом дворов	На площади (га)
1925/26 г.	52	111	3879
1926/27 г.	40	180	6290
1927/28 г.	21	41	1433
Итого в 1925–1928 гг.	113	332	11602

В решениях XII-го Архангельского губернского съезда Советов в марте 1927 г. на первое место в ряду мероприятий по сельскому хозяйству ставилась задача «разработать перспективный план колонизации и расселения губернии в увязке с перспективой развития лесного хозяйства, лесной промышленности и промыслов. Разработать операционный план по расселению и изысканию колонизационных фондов на 1927–28 г.; приступить к интенсивному и плановому заселению линии железной дороги, разбив в первую очередь участки под поселки по всем существующим разъездам; …продолжить предварительное выявление колонизационных фондов через аппарат лесоустройства. Разработать правила по переселению» [21, с. 18–19]. Со временем для привлечения переселенцев было создано два переселенческих района – Кулойский и Железнодорожный. На протяжении 1927–1929 гг. там на площади в 14 345 га были проведены подготовительные работы: мелиорация, корчевание пней и кустарника, ремонты дорог и пр., и уже в 1928/29 г. здесь побывали ходоки от желающих переселиться крестьянских дворов. В основном это были крестьяне самой Архангельской губернии [1].

Работа по обустройству деревни и аграрному расселению неизбежно привела власти к необходимости согласовывать ее с масштабными планами индустриализации региона. Как известно, отсчет политики индустриализации начался от XIV съезда ВКП(б), состоявшегося в декабре 1925 г. Курс на индустриализацию Европейского Севера постепенно высветил приоритеты промышленной сферы региона: лесная промышленность, рыбозверобойные промыслы, поставленные на промышленную основу, местная мелкая и кустарно-ремесленная промышленность. Для решения этих задач были привлечены значительные по тем временам финансовые потоки.

Крестьянскому хозяйству региона отводилась существенная роль по обслуживанию задач индустриализации: обеспечения сырьем и продовольствием, финансами путем перехода к подоходному налогообложению [25, с. 3–48] и перекачивания рабочей силы двора в промышленную сферу. Важнейшим средством в решении этой триединой задачи должна была стать коллективизация крестьянских дворов и изменение аграрного строя страны.

Довольно красочно о подобной политике писал в свое время П. Росляков: «В перспективе развития промышленности и относительно большого скопления промышленных рабочих, продукция животноводства (молоко, мясо) должны иметь существенное значение для стола рабочего и наличие мясного продукта, скажем для Мезени и Печоры, лишенных железнодорожной связи с внутриреспубликанским рынком, будет иметь прямое отражение на размере зарплаты. Поэтому как колонизация, так и внутригубернское расселение должны иметь ввиду заселение таковых районов, где есть данные для развития молочного животноводства и предусмотреть в своих планах устройство и мелиорацию таких районов главным образом по поймам больших рек, богатых луговыми площадями… Чтобы предоставить населению возможность полнее использовать свои избыточные рабочие руки и лошадь, надо придвинуть население из густонаселенных районов с истощенной местностью в пустующие лесные районы» [24, с. 32, 34].

Чтобы удовлетворить спрос на рабочие руки в лесной отрасли, власти пошли на изменение колонизационной и переселенческой политики внутри региона. Освоение заимок и переселенческих участков допускалось лишь при условии создания колхоза или разрешались непосредственно в зоне промышленного освоения.

Но постепенно подобная практика привела к кризисным явлениям в самом сельском хозяйстве. Повсеместное отвлечение крестьян на заработки привело к такой ситуации, что сельскохозяйственное и животноводческое производство двора в зоне интенсивных лесоразработок начинает сворачиваться. В надежде получить больший доход крестьяне сдавали свои земли в аренду или нанимали батраков, а сами устремлялись на лесозаготовительные предприятия и в другие сферы промышленности. Как следствие, снижалась и без того низкая товарность сельскохозяйственного производства, увеличивался ввоз в регион сельскохозяйственных продуктов, сена и фуража. Явление это было повсеместным, включая, хотя и в меньшей степени, сельскохозяйственные районы Вологодской и Северо-Двинской губерний.

Особую тревогу властей, как отмечалось на VII Всекарельском съезде Советов в 1927 г., вызывало то, что «недостаточное развитие скотоводства в Карелии, в особенности в качественном отношении, отражающееся на товарности крестьянского хозяйства, привело к тому, что снабжение продуктами скотоводства городов и промышленных поселков в большей части производится извне Карелии». В то же время «новые крестьянские хозяйства, образовавшиеся в последние годы в связи с ростом крестьянского населения, растут неорганизованно в перенаселенных уже пунктах. В новых незаселенных местах, куда с точки зрения колонизации и снабжения лесозаготовок рабочей силой был бы желателен прилив переселенцев из перенаселенных районов, не наблюдается».

Было решено «усилить мероприятия по развитию и рационализации сельского хозяйства, идя по линии увеличении отпуска средств на таковое, …предложить правительству принять меры к усилению мероприятий по переселению и колонизации районов, требующих по условиям развития промышленности увеличения рабочей силы» [27, с. 111–112]. В развитие решений съезда 9 августа 1927 г. СНК Карельской АССР принял положение «О переселении в АКССР» [16].

В отчете Архангельского губисполкома XIII губернскому съезду Советов вновь подчеркивалось, «что основной задачей по переселению и расселению является – равномерное распределение рабочей силы по территории губернии с целью обеспечения в первую очередь лесных разработок» [10, с. 56]. Губернский съезд Советов (18–23 марта 1929 г.), в свою очередь, отметил, что «в условиях нашей губернии сельское хозяйство не является основной отраслью народного хозяйства губернии, но в то же время, как фактор, содействующий созданию необходимых предпосылок для развития лесного хозяйства, лесной промышленности и промыслов (оседлость населения, рабочая и гужевая сила, фураж), – играет важную

роль… Недостаток рабочей силы и тяговой силы на лесозаготовках, в особенности с намеченным усиленным темпом развития лесного хозяйства, лесной промышленности и лесоэкспорта, разрешение кормовой проблемы и агарная перенаселенность некоторых районов губернии – требуют решительных действий по колонизации губернии… В связи со стоящими громадными задачами, разрешение этого вопроса выходит за пределы только губернского значения и внутренними ресурсами выйти из создавшегося положения нельзя. Необходимо поставить перед правительством вопрос о колонизации губернии за счет внегубернского контингента и усиления ассигнований» [11, с. 31].

19–23 августа 1929 г. в Архангельске состоялся первый съезд Советов, который оформил создание нового административного образования на Европейском Севере РСФСР – Северного края. Край был образован в результате объединения бывших Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и АО Коми (зырян). Можно согласится с мнением С.И. Шубина, что создание Северного края служило своего рода инструментом ликвидации губернских элит и тотальной мобилизации материальных и людских ресурсов «на валютное обеспечение индустриализации страны путем беспримерной эксплуатации лесных богатств региона» [30, с. 315]. Руководство края стремилось превратить лесопереработку и лесоэкспорт в основную сферу хозяйствования в регионе – в валютный цех страны и «деревянный Донбасс», как тогда говорили.

Такая узкая направленность экономики края заставила власти искать источники обеспечения рабочей силой лесного хозяйства. В жертву было отдано коллективизированное к концу 1930-х гг. сельское хозяйство региона, лишившееся возможности развиваться в силу тотальной «мобилизации людей» на лесозаготовки и сплавные работы.

Однако в вопросах обеспечения рабочей силой лесной отрасли края гораздо большую роль сыграл принудительный труд высылаемых сюда спецпереселенцев. Уже в начале 1929 г. в верхних эшелонах власти СССР был выработан пятилетний план «развития лесного хозяйства и лесной промышленности Европейской части Севера РСФСР», в развитие которого Экономический Совет РСФСР ставит задачу использования труда заключенных в Карело-Мурманском и Северном краях [30, с. 322].

Как бы вторя принятым в Центре решениям, на Первом Архангельском окружном съезде Советов в 1929 г. обращалось «внимание на решительное проведение колонизации в Округе, взяв линию на привлечение переселенцев извне Округа, организуя их в крупные коллективные хозяйства» [22, с. 21]. 21 декабря 1929 г. Северное краевое земельное управление обратилось в переселенческий отдел НКЗ СССР: «Колонизация Северного края путем внутрикраевого расселения, вследствие общей его малонаселенности, не может разрешить основной задачи – рабочего вопроса и рабочая проблема может быть разрешена путем заселения края извне краевого контингента». По этой причине Крайзу предполагал весь свободный фонд, «заготовленный в пределах бывшей Архангельской губернии в количестве 2870 едоков, предоставить в ходаческую кампанию текущего года в распоряжение внекраевого контингента. Из всего заготовленного фонда 70–75% может быть предоставлено под колхозы и 30–35% для единоличного пользования» [2].

26 января 1930 г. бы опубликован циркуляр Крайзу «Всем окрземуправлениям Северного края», смысл которого сводился к запрету в плановом порядке выезда населения из края. Для «аграрно-перенаселенных районов» разрешалось организованное внутрикраевое переселение на специально подготовленные участки. При этом подчеркивалось, что переселение должно было осуществляться при строго классовом подходе и «организовываться в полном согласовании с местными землеустроительными и агрономическими мероприятиями и работой по развитию колхозного строительства». Поэтому наряды на переселение должны были предоставляться тем районам и селениям, в которых выявлялась возможность организации колхозов, объединявших не менее 25 (50) хозяйств (гнездовое выселение) из батрацких, бедняцких и середняцких слоев деревни [3].

Однако уже в конце февраля 1930 г. было принято постановление краевого исполкома, запретившее «плановое в порядке добровольности переселение» [30, с. 324]. Многолетняя эпопея по аграрной колонизации Европейского Севера заканчивалась. 18 августа 1930 г. Совнарком РСФСР принял специальное постановление «О мерах по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» [13, с. 26–35]. За этим последовала масштабная кампания по выселению и расселению кулаков и использованию их труда по преимуществу в лесной промышленности Европейского Севера.

Несколько раньше аналогичные решения были приняты в Карелии. Так, уже 5 марта 1930 г. секретное Постановление ВЦИК и СНК Карельской АССР «О колхозном строительстве и ликвидации кулачества как класса в республике» предписывало «в целях предупреждения свободного переселения кулаков, а также и ухода их в Финляндию, предложить РИКам и административным органам не допускать свободного переселения, а ГПУ АКССР усилить охрану границ… Предложить НКЗему и комчасти Мурманской железной дороги совершенно прекратить доступ в АКССР кулакам из других местностей СССР в порядке добровольного переселения» [9, с. 47].

Таким образом, к концу 1930-х гг. стало очевидным, что развитие народнохозяйственного комплекса Карелии и деревянного Донбасса, всесоюзной лесопилки, как тогда говорили в Северном крае, упирается в масштабную проблему функционирования сельскохозяйственного сектора экономики края. Коллективизация сельского хозяйства должна была решить проблему снабжения сырьем и рабочей силой лесную отрасль края. Дальнейшее подстегивание темпов лесозаготовок привело к привлечению в регион спецпоселенцев из числа раскулаченных в других регионах страны и размещение их в лесозаготовительных поселках. Власти отказались от планов сельскохозяйственной колонизации региона, активно внедряемых в экономическую практику в 1920-е годы.

Источники и литература

1. Государственный архив Архангельской области. Ф. 106. Оп. 1. Д. 64. Л. 4об., 12–13.
2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 106. Оп.1. Д. 39. Л. 33.
3. Государственный архив Архангельской области. Ф. 106. Оп.1. Д. 39. Л. 45.
4. Государственный архив Вологодской области. Ф. 129. Оп. 1. Д. 90. Л. 54 об.
5. Государственный архив Вологодской области. Ф. 129. Оп. 1. Д. 93. Л. 17 об.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3260. Оп.4. Д. 105. Л. 42–43.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3260. Оп. 5. Д. 67. Л. 20.
8. Градов, М. Пути и методы современного переселенческого движения / М. Градов // Экономическое обозрение. –1925. – Август. – С. 32– 43.
9. Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг. : документы и материалы / Ин-т языка, лит. и ист. Карел. науч. центра АН СССР, Центр гос. архив КАССР ; научные редакторы Н. А. Ивницкий, В. Г. Макуров. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – 296 с.
10. Итоги работы двух лет : Отчет Архангельского губисполкома XIII-му губ. съезду советов. (С 1/X–1926 г. по 1/X–1928 г.). – Архангельск : [б. и.] (тип. изд-ва «Волна» им. т. Склепина), 1929. – VII, 112 с.
11. Итоги работы Архангельского XIII губернского съезда Советов. (18-23 марта 1929 г.) : (Постановления Съезда Советов и тезисы для докладчиков). – Архангельск : Архгубисполком ; (тип. изд-ва «Волна» им. т. Склепина), 1929. – 48 с.
12. Контрольные цифры народного хозяйства Вологодской губернии на 1927–28 год / Вологодский губплан. – Вологда : тип. Полиграфтреста «Северный печатник», 1928. – 272 с.
13. Коротаев, В. И. Проблемы колонизации и спецколонизации Русского Севера/Северного края и опыт их решения во второй половине XIX – первой трети XX века / В. И. Коротаев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 26–35.
14. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 108. Оп. 1. Д. 34/509. Л. 112.
15. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 689. Оп. 1. Д. 43/462. Л. 104–105, Ф. 698. Оп. 5. Д. 15/163. Л. 75 об.
16. Национальный архив Республики Карелия Ф. 698. Оп. 5. Д. 15/163. Л. 76
17. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 241. Л. 41, 76 об.–77.
18. Национальный архив Республики Коми. Ф. 139. Оп. 1. Д. 463. Л. 149.
19. Национальный архив Республики Коми. Ф. 139. Оп. 1. Д. 230. Л. 198 об.
20. XI Архангельский губернский съезд Советов 2–9 марта 1926 года. – Архангельск : Архгубисполком, 1926. – 65 с.
21. Постановления XII-го Архангельского губернского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (20–25 марта 1927 года). – Архангельск : Архгубисполком, 1927. – 60 с.
22. Резолюции 1-го Архангельского окружного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. (7–11 августа 1929 г.). – Архангельск : [б. и.] (тип. издат. «Волна» им. т. Склепина), 1929. – 43 с.
23. Резолюции VII-й Всекарельской партийной конференции, 15–21 декабря 1926 г. ВКП(б). – Петрозаводск : Областком, 1926. – 14 с.
24. Росляков, П. О колонизации Архангельской губернии / П. Росляков. – Архангельск, 1927. – 36 с.
25. Саблин, В. А. Сельскохозяйственный налог в Вологодской губернии в годы нэпа (Анализ налоговых кампаний 1921/22–1929/30 гг.) / В. А. Саблин // Северная деревня в XX века: актуальные проблемы истории. Вып. 2. – Вологда : Русь, 2001. – С. 3–48.
26. Сборник узаконений и распоряжений по колонизации Карельско-Мурманского края, Вып. 1. – Ленинград : издание правления Мурманской железной дороги, 1925. – 25 с.
27. VII Всекарельский съезд Советов : Протоколы. – Петрозаводск : Изд. КарЦИКа, 1927. –148 с.
28. Сидоров, М. К. Север России / [соч.] М. Сидорова. – Санкт-Петербург : В тип. Почт. деп., 1870. – [2], XXIV, 557 с.
29. Туфанов, П. Переселенческое движение в Шенкурском уезде / П.Туфанов // Северное хозяйство. – 1924. – № 6. – С. 39–46.
30. Шубин, С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы : монография / С. И. Шубин. – Архангельск : Поморский государственный университет, 2000. – 463 с.

V.A. Sablin

STATE POLICY IN THE SPHERE OF AGRARIAN COLONIZATION OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN 1920–1930S

The article deals with the development of the European North of Russia through agrarian colonization in the first three decades of the 20th century. The author analyses the processes of internal peasant settlement and the methods of expanding land use. The issues of attracting people from outside the region to the agricultural industry are investigated. The article studies all the circumstances of transformation of the colonization policy of the state in the 1930s and the replacement of voluntary development of the European North of Russia with the forced colonization by special settlers, kulaks and convicts.

Land use, peasant household, agrarian overpopulation, colonization, state policy, forced resettlement.

УДК 94(47).08

Н.Р. Славнитский
Государственный музей истории Санкт-Петербурга

«ВОЕННОПЛЕННЫЕ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ ЛЕТОМ 1914 Г. И ИХ ОТПРАВЛЕНИЕ В ВОЛОГДУ

Работа посвящена высылке немецких и австрийских подданных, признанных военнопленными, в конце июля и начале августа 1914 г. в Вологодскую губернию. Сохранившиеся в фонде комендантского управления Санкт-Петербургской крепости архивные документы позволили установить, что людей из северо-западных областей присылали туда, там формировали партии, после чего их по железной дороге отправляли в Вологду.

Первая мировая война, Санкт-Петербургская крепость, Вологодская губерния.

Лето 1914 г. в Европе стало «жарким» – 15 июня в Сараево был убит австрийский эрцгерцог Фердинанд, и этот эпизод стал началом Первой мировой войны. 10 июля Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, и 12 июля российское руководство (Совет министров под председательством императора Николая II) приняло решение о принятии «подготовительных мер» для мобилизации. Тогда же, по всей видимости, было решено выслать в северные губернии подданных Австро-Венгрии и Германии.

Документальные материалы фонда комендантского управления Санкт-Петербургской крепости, сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), позволяют установить, как именно происходила высылка, а также и кого именно признали необходимым отправить в Вологодскую губернию. Анализ этих документов позволяет остановиться на актуальной теме взаимоотношения власти и общества в военное время.

Кроме того, выявленные списки, составлявшиеся при высылке, могут дать возможность проследить и судьбы людей, оказавшихся в водовороте событий Первой мировой войны.

Уже 26 июля в Санкт-Петербургской крепости появились первые арестованные, признанные военнопленными. Они были доставлены от Санкт-Петербургского губернатора, сообщившего коменданту крепости: «препровождаю для содержания в Петропавловской крепости 44 иностранных подданных, арестованных как военнопленные и по подозрению в военном шпионстве» [4, л. 1]. Из списка, представленного вместе с отношением, видно, что «военнопленных» было 24 человека, из них два – австрийские подданные, остальные – германские. Еще 20 германских подданных считались «подозреваемыми в шпионстве». Заведующий арестантскими помещениями крепости полковник В.А. Иванишин доложил коменданту, что 25 человек принято 26 июля и 18 человек – 27 числа (Там же, л. 2).

Здесь необходимо отметить важный момент. В те дни разгорался конфликт между Австро-Венгрией и Сербией, который пытались урегулировать российские дипломаты. О войне с Германией пока речи не шло, тем не менее среди тех, кого военное руководство посчитало «военнопленными», преобладали германские подданные.

В крепости они пробыли недолго. 29 июля была сформирована «команда военнопленных № 1», начальнику которой предписывалось принять 43 военнопленных и доставить их «в город Вологду на временный сборный пункт Петербургского военного округа», где сдать Вологодскому уездному воинскому начальнику [4, л. 4]. Один из военнопленных (германский подданный Генрих Ремпен) был вычеркнут из списка, по какой причине он не был отправлен в Вологду, не известно. В тот же день был оформлен маршрутный лист, в котором было указано количество «пленных» и сопровождающих их нижних чинов (10 человек), а также маршрут следования – по Северной железной дороге, отправление из Санкт-Петербурга 29 июля в 7 часов вечера, прибытие в Вологду 31 июля. На питание каждому полагалось 25 коп. в сутки (Там же, л. 10). В деле также сохранилась расписка Вологодского воинского начальника в том, что он принял военнопленных и документы на них (Там же, л. 19).

Большинство из тех, кто был отправлен в этой партии (Август Дивинболь, Эмиль Латняк, Вильгельм Ботур, Юлиус Ботур, Иосиф Ботур и др.) были отправлены в село Выльгорт Усть-Сысольского уезда [1, с. 594].

Из сообщений в газетах известно, что 27 числа полиция задержала 300 запасных германских и австрийских моряков, находившихся на коммерческих судах за Канонерским островом в Санкт-Петербурге, но они были размещены в помещении старой таможни, на Петергофском проспекте [3, с. 4]. То есть с первых дней арестами занималось два ведомства – военное и министерство внутренних дел. Тех, кого арестовывали военные, направляли в Санкт-Петербургскую крепость, а задержанные полицией оказывались в столичных тюрьмах.

В Санкт-Петербургской крепости тем временем готовились принимать новые партии «военнопленных». 29 июля комендант крепости приказал началь-

нику инженеров подготовить нары на 120 человек в помещениях пулеметной команды лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка [4, л. 21]. Они были готовы 31 числа (Там же, л. 46). Очевидно, опасались, что имеющихся помещений, предназначенных для содержания арестованных, будет недостаточно.

Еще накануне, 28 числа в столицу были доставлены два человека из города Вендена (современное название – Цесис, Латвия) Лифляндской губернии – ротмистр в отставке германской службы Оскар Преетцман и поручик запаса австрийской службы Карл Вальнер, проживавшие в Венденском уезде (Там же, л. 23). 29 числа Санкт-Петербургский губернатор направил еще 29 человек, «арестованных как военнопленные» – 8 австрийских подданных и 21 германский (Там же, л. 24). В тот же день из Штаба Кронштадтского порта прибыло «20 германских военнопленных, из них пять офицерского звания» (Там же, л. 28).

В данном случае был составлен более подробный, нежели в предыдущих случаях, список. Из него видно, что 9 человек являлись офицерами и моряками пароходов «Царь» и «Принц Эндель Фридрих», еще трое родились и выросли в Эстляндской губернии (Ревеле), а остальные находились в России несколько месяцев (возможно, приехали на заработки). Здесь же отметим, что среди тех, кто был доставлен в крепость от Санкт-Петербургского губернатора 29 июля, имелось несколько человек, освобожденных от воинской повинности по состоянию здоровья. У других в списке указаны воинские части, в которых они отслужили (Там же, л. 31).

Этот список мы приведем полностью:

«1) Лядвиг Эрнст Федоров – германский подданный: 2 недели в России, род. 1885 г., запасной резервной пехоты, ефрейтор.

2) Пачковский Степан – германский подданный: 3 недели в России, бывал в Варшаве, род 1883 г., вице-фельдфебель ландвер, подпрапорщик.

3) Геберт Артур Карлов – германский подданный: родился в Ревеле в 1875 г., запасной вице-фельдфебель.

4) Декен Гильмар-Дитрихович – офицер: род. Эстляндской губернии в 1877 г., штабс-капитан ландвер пехоты.

5) Дитрих Альберт-Эдуард Генрихович – офицер, Австрия: родился в Ревеле в 1888 г., прапорщик резервной артиллерии.

6) Вольф Александр Сигизмунд – вольноопределяющийся германск.: родился в 1882 г., ландвер.

7) Трембович Юлиус Максимилианов – вольноопределяющийся Австрии: род 1884 г., в России 3 месяца, резерв артиллерии;

8) Кальц Оскар Иоганов – германский подданный: родился в России 1886 г., рядовой пехоты, ландвер.

9) Фохт Федор Федоров – вольноопределяющийся: в России 3 года, род. 1877 г. унтер-офицер пехоты, ландвер.

10) Петерсон Иоганнес Эдуардов – вольноопределяющийся: в России 3 год, род 1870 г., морской батальон, ефрейтор, ландштурм.

11) Эрбо Эрнест Карлов – германский подданный: в России 1 год, род. 1885 г., вольноопределяющийся пехоты, резерв».

Как видно из списков, многие из германских подданных числились служащими в ландвере и ландштурме. Ландвер, по определению А.А. Свечина, «это форма милиции, осуществленная в XIX веке в масштабе большого государства». По его же словам, в Германской империи был принят 12-летний срок службы: (3 года на действительной службе, 4 – в резерве, 5 – в ландвере), в случае войны служащих ландвера по большей части использовали в тыловых частях и крепостях [5, с. 177, 179, 186]. В ландштурм же попадали все мужчины, оказавшиеся непригодными к службе в регулярной армии и в ландвере (Там же, с. 176). То есть следует признать, что большинство германских подданных, задержанных как военнопленные, не являлись солдатами действующей армии.

31 июля была сформирована «команда военнопленных № 2», в которую были включены все те, кого доставили в крепость в предыдущие дни, – 51 человек. Их также следовало доставить в Вологду «на временный сборный пункт Петербургского военного округа» [4, л. 30]. Также был составлен маршрутный лист, предусматривавший отправление 31 июля и прибытие в Вологду 2 августа (Там же, л. 34).

31 июля Штаб Кронштадтского порта прислал в крепость еще 40 человек «военнопленных», которые были оставлены туда на трапе «Лахта» (Там же, л. 49).

Снова приведем список:

«1) Ланге Франц Фрицов – германский: в России 1 ½ года, род. 1880 г., ефрейтор пулеметной роты, резерв.

2) Седиви Франц Францович – Австрия: в России 9 месяцев, род. 1881 г., телеграф, резервист.

3) Риссе Рихард Виллипальд – германский: род. в России в 1883 г., солдат пехоты, ландвер.

4) Аридт Иоганн-Август – германский: род. в России в 1877 г., солдат пехоты, ландвер

5) Шипуль Брунс Карлович – германский: в России 11 месяцев, род. в 1889 г. ефрейтор пехоты, резерв.

6) Иде Вальтер Альбертов – германский: в России 3 месяца, род. 1890 г., артилл., резервист.

7) Швюлер Рудольф Фридрих – германский: в России 9 месяцев, род. 1882 г., гусар, рядовой, ландвер.

8) Ган Вильгельм Яковлев – германский: в России 11 недель, род. 1898 г., солдат пехоты, резерв.

9) Перкун Густав Густав – германский: в России 1 год, род. 1875 г., артилл., обер-ефрейтор, ланштурм.

10) Кениг Густав Иванович – германский: в России 4 недели, род 1889 г., кочегар флота, резерв.

11) Баум Иван Беригордов – германский: в России 2 1/2 месяца, род. 1890 г., обер-кочегар флота, резерв.

12) Правютц Фридрих Фрид – германский: в России 10 лет, род. в 1878 г., унтер-офицер, драгун ландвер.

13) Мартиновиц Фридрих Камонович – Австрия: род. в России в 1879 г., ефрейтор, ландвер пехот.

14) Колер Герман-Рейнгольд – германский: род. в 1886 г. в России и жил, кирасир солдат.

15) Гаазе Вильгельм Герман – германский: в России 5 лет, пехота, ландвер, род. 1879 г.

16) Камес Губерт Иозефов – германский: в России 2 месяца, род. 1882 г., солдат пехоты, ландвер.

17) Швеер Пауль Карлов – германский: в России 3 месяца, род. 1884 г. артилл.. ландвер.

18) Баугмартон Арнольд Оскар – германский: в России 4 месяца, род. 1891 г., солдат гвардейской пехоты, резерв.

19) Бергер Вильгельм Теодор – германский: в России 4 месяца, род. 1891 г., обер-машинист флота, резерв.

20) Нельсен Иоганнес Карлович – германский: в России 9 лет, род. 1879 г.

21) фон Пресентин Эрих Максов. – германский: род. в России 1886 г., пехотинец, рядовой (уволен по болезни).

22) Клен Герман Фридрихов – германский: в России 5 лет, род. в 1884 г., унтер-офицер пехоты, артилл., ландвер.

23) Штойнвальд (Штейнвальд) Альберт Вильгельмович – германский: в России 3 года и 6 лет в Финляндии, род. в 1880 г., рядовой пехоты, ландвер.

24) Киндер Герман Вильгельм – германский: в 1 месяц, род в 1887 г., ефрейтор пехоты, резерв.

25) Маттис Макс-Густав Карл – германский: в России 34 года, род. в 1876 г. ландвер, рядовой полевой артиллерии.

26) Финдер Эвальд Фридрихов – германский: в России род. в 1887 г., канонир артиллерии, резерв.

27) Мартынович Карл Германов – германский: род. в Ревеле в 1887 г., пех., солд, ландвер.

28) Неске Иоган Фридрихов – германский: в России 1 месяц, род. в 1882 г., артиллер., рядов., резерв.

29) Роббенак Эрнест-Вильгельм – германский: в России 20 лет, род. в 1875 г., пех., ряд., ландштурм.

30) Глогау Карл-Эдуард – германский: в России 26 лет, род. 1878 г., музык., пех. ландвер.

31) Гесельбарт Фридрих-Герман – германский: в России 4 1/3 года, род. в 1884 г., канонир артиллерии, резерв.

32) Леннет Иоган Бернгардович – германский: в России 1 год и 9 месяцев, род. в 1887 г., солдат, пех., резерв.

33) Лецке Юлиус Рудольфов – германский: в России 34 года, род. в 1877 г., солдат пех., резерв.

34) Финдер Гельм Фридрих – германский: род. в России 1883 г., солдат, пех. ландвер.

35) Галле Альбин Густавов – германский: в России 5 недель, род. в 1882 г., ряд., пех., ландвер.

36) Борман Брун Эрнест Францов – германский: в 4 года, род. в 1880 г., солд., пех., ландвер.

37) Рашинский Эдуард Игнацов – германский: род. в России 1873 г., солд., пех. ландштурм.

38) Петер Фридрих Вильгельм – германский: в России 7 месяцев, род. в 1875 г., рядовой, ландштурм.

39) Лидтке Виллем Рихард – германский: в России 2 года, род. в 1889 г., конная артиллерия, резерв.

С норвежского парохода “Скапоно”

40) Крамп Вильгельм – германский: 32 года, кочегар, резерв, ландвер».

Здесь обращает на себя внимание, что некоторые из «военнопленных» родились и выросли в России, а двое (К.Г. Маттис и Ю.Р. Лецке) жили в России уже 34 года, при этом числились в резерве германской армии.

В тот же день были доставлены 18 германских подданных, проживавших в городе Юрьеве (совр. Тарту, Эстония) [4, л. 51], и 15 человек, переданных ревельским городским полицейским управлением (Там же, л. 52). Соответственно, была сформирована «команда военнопленных № 3», насчитывавшая 72 человека и выехавшая из Санкт-Петербурга в Вологду 2 августа (Там же, л. 58).

В список «военнопленных» из Юрьева входили:

«1) Запасный унтер-офицер 62-го полка Карл Вилли Фридрихов Ниц (место жительства в своем отечестве – Тильзит).

2) Запасный рядовой 108-го стрелкового полка Роберт Фриц Робертов Таупиц (Лейпциг).

3) Рихард Максович Фиала, запасный рядовой 33-го полка (в отечестве не жил, лишь отбывал воинскую повинность).

4) Ополченец Рейнгольд Викторов Пихачек (Найзальц).

5) Георг Мартинов Шади, отношение к воинской повинности не известно, документа не представил (Касель).

6) Ополченец Вольф Николаевич Пфениг (Вюрцбюрг).

7) Ополченец Юрген Петров Лоренцен (Нард Шлезвиг).

8) Запасный рядовой 59-го полка Бернгард Вильгельмович Густке (Корен в провинции Померании).

9) Запасный ефрейтор 24-го полка Герман Карлов Фосс (Хорет округа Прохниц).

10) Эвальдс Карлов Мюллер (запасный унтер-офицер 2-го Гвардейского гренадерского полка (Берлин).

11) Генрих Лоренцов Геглер, рядовой 1-го Егерского батальона в г. Штраудине (Бавария).

12) Ополченец Александр Алексеевич Шульце (постоянно проживал в Петербурге).

13) Запасный ефрейтор 20-го артиллерийского полка Густав Германов Вокниц (в Германии не жил, а проживал в имении Пюхаря Юрьевского уезда).

14) Запасный сигнальщик 1-го Гвардейского полка Адам Иоганнесов Маттерн (в Баварии).

15) Фридрих-Вильгельмов Карлов Гольфельдт, запасный рядовой 7-го Егерского батальона (г. Кенвиг округа Ессер).

16) ополченец Карл Вернер Гендриков Штробель (за границей не жил, а проживал в имении Кокора Юрьевского уезда).

17) Запасный ефрейтор Фридрих Альберт Поарье, армейской пехоты (сведений нет).

18) Альвин Адольф Герберт Альбинович Кирш, новобранец (сведений нет)».

Здесь снова следует отметить, что среди тех, кто был признан «военнопленным», наряду с рядовыми и унтер-офицерами запаса германской армии, были люди, которые никогда не бывали в Германии.

«Команда военнопленных № 4», в которой насчитывалось 43 человека, была отправлена из столицы в Вологду уже 3 августа [4, л. 79]. И в тот же день в крепость доставили еще 50 человек от Санкт-Петербургского губернатора (Там же, л. 93). Они вошли в состав «команды военнопленных № 5», выехавшей туда же 4 числа (Там же, л. 95, 97). Таким

образом, в первых числах августа германских и австрийских подданных принимали и отправляли в Вологду ежедневно, и их списки были предельно краткими, опрашивать людей просто не успевали. Можно лишь констатировать, что среди них подавляющее большинство составляли германские подданные.

3 августа Вольмарский уездный воинский начальник прислал в Санкт-Петербургскую крепость 15 германских подданных (с указанием, в каких воинских частях они числятся) [4, л. 111]. К ним добавили еще трех германских подданных (в том числе 44-летнего рядового ландштурма Фридриха Вильгельма Миллера, присланного 4 августа из Штаба Кронштадтского порта (Там же, л. 117–118, 120) и отправили в Вологду в составе «команды военнопленных № 6» (Там же, л. 119, 120).

В состав партии, присланной из Вольмара, входили:

«Германские подданные»:

«1) Вице-вахмистр 13-го Вартенбургского полка полевой артиллерии Карл Шмидт.

2) Числящийся в ландштурме 2-го призыва Фридрих Фихтль.

3) Унтер-офицер 3-го Баварского пехотного полка Людвиг Якоб.

4) Запасный санитар ефрейтор 2-го Померандского полка пешей артиллерии Генрих Бергман.

5) Запасный канонир 2-го Гвардейского полка полевой артиллерии Эрнст Грцелла.

6) Запасный гренадер 2-го восточно-прусского Гренадерского полка Вольдемар Квитцрау.

7) Вице-фельдфебель 33-го Прусского фузелерного полка Эрнст Геймбергер.

8) Запасный ефрейтор 4-го пешего Прусского полка Вилли Реслер.

9) Числящийся в ополчении без прохождения службы Франц Ендрух.

10) Числящийся в запасе без прохождения службы Альфред Кедиц.

11) Числящийся в ландштурме 1-го призыва Альфред Сефшлегер.

12) Лейтенант 148-го гренадерского полка Ганс Бейзе.

13) Шоффер германского автомобильного батальона Пауль Шульце.

14) Запасный унтер-офицер 2-го Тюрингского полка полевой артиллерии Вильгельм Кельнер.

15) Рядовой Австрийского егерского полка Петр Шварцлер».

А 6 августа в крепость числа была доставлена самая многочисленная партия – 130 человек из Пскова (Там же, л. 143, 144). Они тоже находись в крепости очень недолго – в тот же день комендант составил предписание начальнику «команды военнопленных № 7» доставить 130 человек на временный сборный пункт Петербургского военного округа в город Вологду [4, Л. 145]. Список этой «партии» был предельно кратким (в нем были указаны только фамилии), и можно лишь отметить то, что большинство из “военнопленных” были германскими подданными», при этом у некоторых из них были также российские паспорта (Там же, л. 146–148, 149–150).

По данным М.А. Галановой, в Псков распоряжение о признании «действующих чинов армий неприятельских России государств» военнопленными поступило еще 20 июня 1914 г. и те, кто был арестован на основании этого распоряжения, оказались не только в Вологодской, но и в Олонецкой губерниях [2, с. 106–108].

Таким образом, в конце июля и в начале августа 1914 г. через Санкт-Петербургскую крепость прошло 7 «команд» в которых в общей сложности насчитывалось 405 человек. Все эти люди были отправлены в ссылку в Вологду. Следующая партия (№ 8 в составе 58 человек) была 13 августа отправлена из крепости в Санкт-Петербургскую пересыльную тюрьму [4, л. 197], дальнейшее направление их отправления нам остается неизвестным.

В вологодской ссылке в начале августа оказались подданные Германии и Австро-Венгрии, жившие в северо-западных областях Российской империи, которые считались в своих странах военнообязанными и числились в запасе. Большинство из них не являлись солдатами действующей армии, а некоторые и вовсе родились и выросли в России, однако российские власти не стали принимать это во внимание.

Литература

1. Бондаренко, О. В зырянском плену / О. Бондаренко // Дым Отечества, 2004–2005. – Сыктывкар, 2010. – Вып. 5. – С. 594-596.

2. Галанова, М. А. Иностранцы в Псковской губернии накануне и в годы Первой мировой войны / М. А. Галанова // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2018. – № 49. – С. 105–109.

3. Задержание германских и австрийских подданных // Санкт-Петербургские ведомости. – 1914. – 29 июля (№ 170).

4. О заключении в Санкт-Петербургской крепости военнопленных и военнообязанных и дальнейшая пересылка их на временный сборный пункт Петербургского военного округа // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1280. Оп. 1. Д. 1085.

5. Свечин, А. А. Эволюция военного искусства : в 2 томах / А. А. Свечин. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, Отдел военной литературы, 1928. – Т. 2. – 619 с.

N.R. Slavnitsky

«PRISONERS OF WAR» IN THE ST. PETERSBURG FORTRESS IN SUMMER 1914 AND THEIR EXILE TO VOLOGDA

The article is devoted to the study of the expulsion of German and Austrian subjects recognized as prisoners of war in late July and early August 1914 to the Vologda province. According to the archival documents preserved in the fund of the commandant administration of the St. Petersburg Fortress the people from the north-western regions were sent to the fortress, grouped there and then sent to Vologda by rail.

World War I, St. Petersburg Fortress, Vologda province.

УДК 94(47).084.9

А.С. Столетова
Вологодский государственный университет,
Вологодская ГМХА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ НА ФРОНТЕ: ВОЕННАЯ ДОРОГА А.Я. ЯШИНА

В статье на основе архивных данных, опубликованных дневников и материалов периодической печати представлена деятельность писателя-вологжанина А.Я. Яшина как участника Великой Отечественной войны. Данная тематика вписывается в контекст изысканий, связанных с разработкой такого актуального направления исследований, как «Советский человек на фронте, в тылу и на оккупированных территориях», а также определением перспектив изучения истории Второй мировой войны как наиболее динамичного и масштабного направления мировой историографии. В тексте находят отражение сведения о военной вехе в жизни литератора, позволяющие увидеть не только его личный вклад в развертывание событий на фронте, но ireконструировать летопись военной истории России, восстановить ее неизвестные страницы.

Писатель, А.Я. Яшин, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., военный дневник, Балтийский флот, Ораниенбаумский плацдарм, блокада Ленинграда, Волжская военная флотилия, оборона Сталинграда.

Александр Яковлевич Яшин (27 марта 1913 г., деревня Блудново Никольского уезда Вологодской губернии – 11 июля 1968 г., Москва; настоящая фамилия – Попов) – известный советский поэт и прозаик, автор остросоциальных полемичных произведений о деревне, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., военный корреспондент и журналист, лауреат Сталинской премии второй степени (1950 г.), именем которого названа улицав Вологде.

Поэт А. Яшин во время Великой Отечественной войны. Ленинградский фронт. 1941 г.
Александр Яшин на фронте // Вологодский комсомолец. 1970. 9 мая

Литературная деятельность писателя в разное время являлась объектом научных изысканий, а его военный путь, напротив, не подвергался серьезному и всестороннему анализу. Между тем в судьбе, образе мыслей и произведениях писателя война отозвалась горькими воспоминаниями [8; 9; 10; 11]. Это важная веха его жизни, оказавшая большое влияние на художественное творчество. Отметим, что фамилия Яшин – это литературный псевдоним, взятый в память об отце Якове Михайловиче, погибшем на фронте в Первую мировую войну.

Александр Яковлевич Яшин во время военной службы
Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина г. Никольска»

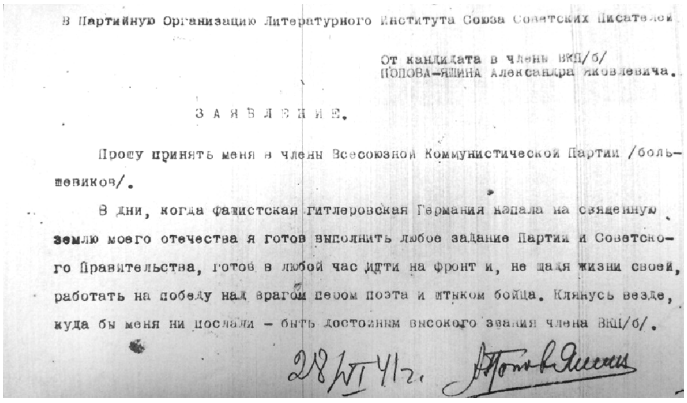
Период войны нашел отражение в эпистолярном наследии и дневниковых записях автора, воспоминаниях современников писателя. В фонде Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) имеются военный билет, авторское дело А.Я. Яшина, письма к друзьям, содержащие изложение боевых сюжетов жизни писателя. Фонд Муниципального учреждения культуры «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина г. Никольска» (Вологодская область) содержит в своем составе значительное количество газетных вырезок, статей, писем, фотографий, связанных с описанием военных страниц в жизни литератора, а

также личных вещей, используемых им в Великую Отечественную войну. Весьма важные материалы о творческой работе писателя, письма, военные дневники (за периоды 22 июня 1941 – 17 марта 1942; 18 марта – 30 августа 1942 г. и др.), дневниковые записи, заметки (за июль – октябрь 1941 г.; 1941–1943 гг.) отложились в фонде отдела рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Здесь же хранятся командировочные предписания А.Я. Яшину, выданные Политотделами воинских частей, соединений и флотилий за 1942–1944 гг. (на бланках с подписями и автографами) [5]. В Центральном военно-морском архиве (ЦВМА) находятся наградные документы писателя. Газеты «Вологодский комсомолец» и «Красный Север» давали заметки о фронтовой судьбе Александра Яшина, но самый большой объем информации предоставила никольская районная газета «Авангард».

Начало Великой Отечественной войны совпало для поэта с окончанием Литературного института им. А.М. Горького. 22 июня 1941 г. он оставил в дневнике такую запись: «Решил быть на войне, все видеть, во всем участвовать. Сейчас будет делаться новая история мира, и тут бояться за свою жизнь стыдно» [2]. В последние дни июня 1941 г. он подал заявление в партийную организацию Литинститута Союза советских писателей, в котором указал: «В дни, когда фашистская гитлеровская Германия напала на священную землю моего Отечества я готов выполнить любое задание партии и советского правительства, готов в любой час идти на фронт и, не щадя жизни своей, работать на победу над врагом пером поэта и штыком бойца» [3], после чего был принят в члены ВКП(б). Получив 12 июля 1941 г. партийный билет, Александр Яшин, причисленный к Наркомвоенморфлоту, был направлен в распоряжение Политуправления Краснознаменного Балтийского флота, где находился с 15 июля 1941 г. по май 1942 г. [1, с. 144; 4; 6, л. 17–18].

С первых дней пребывания в военной части, Александр Яковлевич стал свидетелем и непосредственным участником событий на передовой линии фронта. Впервые побывал в бою [7, л. 1] под деревней Ямсковицы, находясь в составе батальона морской пехоты Балтики, которым командовал офицер Мохряков. «Сколько раз потом не приходилось бывать в разных переделках, в разведке, во вражеском оцеплении, – впечатления от первого боя навсегда остались для меня самыми яркими», – признавал А.Я. Яшин [6, л. 18].

Весь военный путь Александра Яшина можно разделить на три периода: Балтика 1941–1942 гг., Сталинград 1942–1943 гг., Черное море 1943–1944 гг. В это время он работал фронтовым журналистом (га-



В Партийную Организацию Литературного Института Союза Советских Писателей

От кандидата в члены ВКП/б/
ПОПОВА-ЯШИНА Александра Яковлевича.

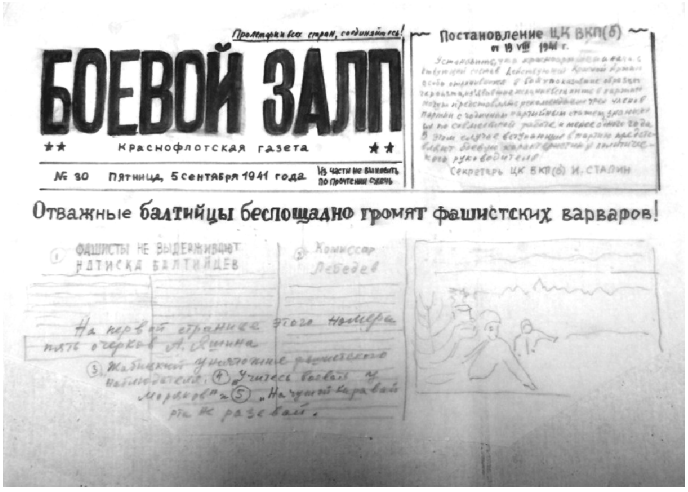
З А Я В Л Е Н И Е.

Прошу принять меня в члены Всесоюзной Коммунистической Партии /большевиков/.

В дни, когда фашистская гитлеровская Германия напала на священную землю моего отечества я готов выполнить любое задание Партии и Советского Правительства, готов в любой час идти на фронт и, не щадя жизни своей, работать на победу над врагом пером поэта и штыком бойца. Клянусь везде, куда бы меня ни послали – быть достойным высокого звания члена ВКП/б/.

28/VI 41 г. Яшин

Заявление А. Яшина о вступлении в члены ВКП(б). 1941 г.
Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина г. Никольска»



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЕВОЙ ЗАЛП

Краснофлотская газета

№ 30 Пятница, 5 сентября 1941 года

Постановление ЦК ВКП(б) от 19 VIII 1941 г.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. СТАЛИН

Отважные балтийцы беспощадно громят фашистских варваров!

ФАШИСТЫ НЕ ВЫДЕРЖИВАЮТ НАТИСКА БАЛТИЙЦЕВ

Комиссар Лебедев

На первой странице этого номера пять очерков А. Яшина

Газета «Боевой залп», в которой печатались очерки А.Я. Яшина. 1941 г.
Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина г. Никольска»

зеты «Боевой залп», «Залп балтийцев» «Красный балтийский флот», «В атаку», «Боевая балтийская»), активно трудился на линии обороны, жил в блиндажах, занимался культурно-массовой деятельностью, вел и записывал беседы с командирами разведотрядов, делал пометы о тактических планах советской армии. После февраля 1942 г. был переведен в Ленинград, где работал в составе оперативной группы писателей при управлении Балтфлота, возглавляемой В. Вишневским. Записи о жизни блокадного Ленинграда А. Яшин вел практически ежедневно, освещая материальную сторону жизни, потребительские и продовольственные проблемы города. Здесь же он проходил лечение в военно-морском госпитале № 3. 15 апреля 1942 г., в связи с обострившимся туберкулезом был откомандирован в глубокий тыл на Волжскую Военную флотилию [13, л. 606].

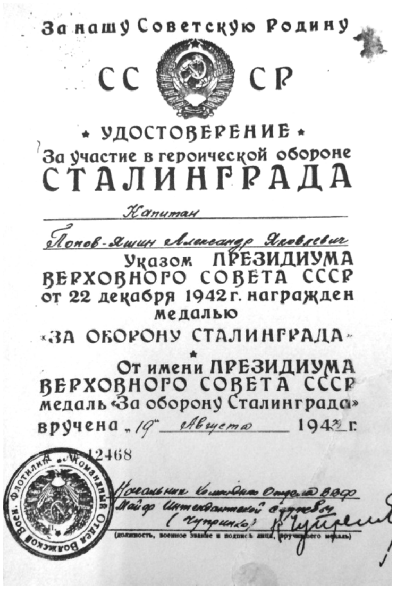
В распоряжении политотдела Волжской флотилии писатель оказался в июне 1942 г. [6, л. 19]. На кораблях и в частях данного формирования он провел большое количество литературных вечеров [13, л. 606]. В самые жестокие дни боев А. Яшин находился на канонерских лодках «Громов», «Усыскин», «Руднев», «Тура», «Чапаев» и участвовал вместе с моряками в боевых операциях. Особенно часто бывал он на «Усыскине» [14, с. 189–190]. Во фронтовом дневнике А. Яшина можно найти немало записей о боевой жизни этого корабля, сведений о защите Сталинграда.

Выдано ~~корреспонденту~~ поэту
Яшину
Александру Яковлевичу
(газеты, журнала; звание, фамилия, имя и отчество)
в том, что ему разрешается посещение кораблей и частей Волжск. воен. флотилии
ОСНОВАНИЕ: разрешение зам. командующего ВВФ
от «30» января 1943 г.
Удостоверение действительно по «01» мая 1943 г.
Военный цензор ВВФ
Личная подпись

Удостоверение А.Я. Яшина
о возможности посещения кораблей
и частей Волжской военной флотилии. 1943 г.
Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина
г. Никольска»

С Волжской флотилии А. Яшин был переведен на Черноморский флот, где занимался журналистской, пропагандистской и литературоведческой деятельностью, работал заместителем ответственного редактора краснофлотской газеты «На страже». Стихи А. Яшина печатались также во флотской газете «Красный черноморец» и в центральной – «Красный флот». Это были плоды неустанной каждодневной работы [13, л. 606].

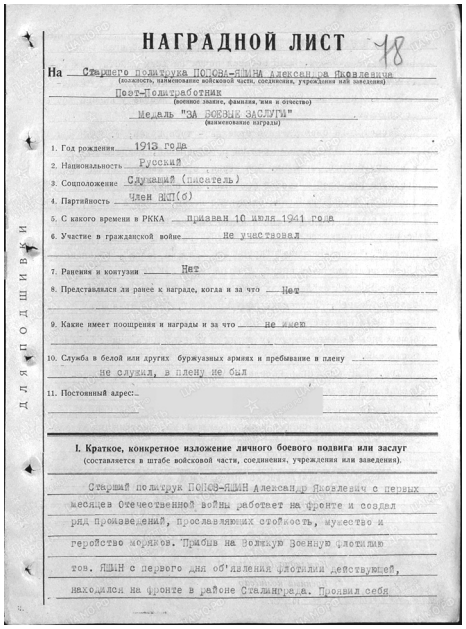
В 1943 г. А.Я. Попов-Яшин был награжден медалями «За боевые заслуги» [12, л. 26–27], «За оборону Сталинграда» и «За оборону Ленинграда» [13, л. 606]. В 1944 г. был направлен на лечение в военно-морской госпиталь (район Сочи), после чего снят с воинского учета по инвалидности [6, л. 20], о чем он сообщил в письме матери от 5 мая 1944 г.. Из-за ухудшения самочувствия (страдал бронхиальной астмой, туберкулезом) в начале 1944 г. А. Яшин был демобилизован (Там же). Отметим, что, несмотря на проблемы со здоровьем, писатель побывал на трех фронтах, воевал в самых тяжелых районах: Ораниенбаумский плацдарм, блокадный Ленинград, Сталинград. Правомерно сказать, что поэзия военного периода вместе с поэмами («Ленинградская поэма», «Военный человек» «Город гнева») и дневниками представляют собой настоящую летопись войны. В 1945 г. писатель был награжден орденом Красной Звезды, в 1946 г. – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [1, с. 144].


За нашу Советскую Родину
СССР
УДОСТОВЕРЕНИЕ
За участие в героической обороне
СТАЛИНГРАДА
Капитан
Попов-Яшин Александр Яковлевич
Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награжден медалью
«ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»
От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Сталинграда» вручена «17» августа 1943 г.
12468

Удостоверение А.Я. Яшина о награждении
и вручении медали «За оборону Сталинграда»
Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина
г. Никольска»

Попов-Яшин
Александр
Яковлевич
№ 270460

Удостоверение о награждении А.Я. Яшина
орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги»
Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина
г. Никольска»



НАГРАДНОЙ ЛИСТ 78

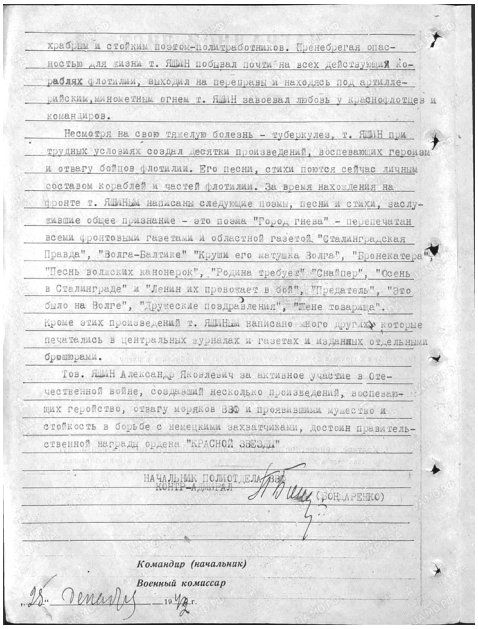
На Старшего политрука ПОПОВА-ЯШИНА Александра Яковлевича
(должность, наименование войсковой части, соединения, учреждения или заведения)
Поэт-Политработник
(военное звание, фамилия, имя и отчество)
Медаль "ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ"
(наименование награды)

1. Год рождения 1913 года
2. Национальность Русский
3. Соцположение Служащий (писатель)
4. Партийность Член ВКП(б)
5. С какого времени в РККА призван 10 июля 1941 года
6. Участие в гражданской войне не участвовал
7. Ранения и контузии Нет
8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что Нет
9. Какие имеет поощрения и награды и за что не имею
10. Служба в белой или других буржуазных армиях и пребывание в плену не служил, в плену не был
11. Постоянный адрес:

ДЛЯ ПОДШИВКИ

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг
(составляется в штабе войсковой части, соединения, учреждения или заведения).

Старший политрук ПОПОВ-ЯШИН Александр Яковлевич с первых месяцев Отечественной войны работает на фронте и создал ряд произведений, прославляющих стойкость, мужество и геройство моряков. Прибыв на Волжскую Военную флотилию тов. ЯШИН с первого дня об'явления флотилии действующей, находился на фронте в районе Сталинграда. Проявил себя



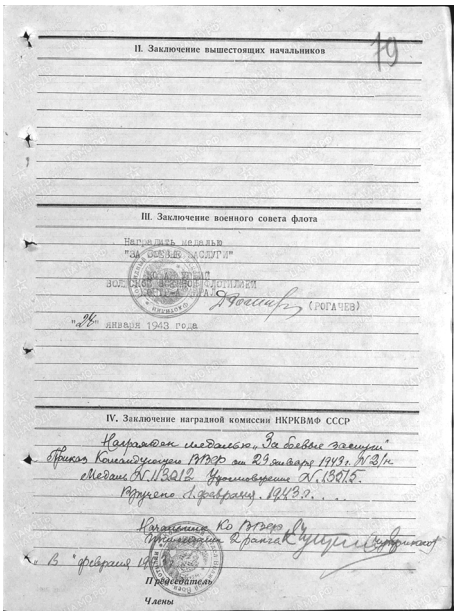
храбрым и стойким поэтом-политработников. Пренебрегая опасностью для жизни т. ЯШИН побывал почти на всех действующих кораблях флотилии, выходил на переправы и находясь под артиллерийским, минометным огнем т. ЯШИН завоевал любовь у краснофлотцев и командиров.

Несмотря на свою тяжелую болезнь - туберкулез, т. ЯШИН при трудных условиях создал десятки произведений, воспевающих героизм и отвагу бойцов флотилии. Его песни, стихи поются сейчас личным составом кораблей и частей флотилии. За время нахождения на фронте т. ЯШИНЫМ написаны следующие поэмы, песни и стихи, заслужившие общее признание - это поэма "Город гнева" - перепечатан всеми фронтовыми газетами и областной газетой "Сталинградская Правда", "Волга-Балтике" "Круши его матушка Волга", "Бронекатера" "Песнь волжских канонерок", "Родина требует" "Снайпер", "Осень в Сталинграде" и "Ленин их провожает в бой", "Предатель", "Это было на Волге", "Дружеские поздравления", "Жене товарища". Кроме этих произведений т. ЯШИНЫМ написано много других, которые печатались в центральных журналах и газетах и изданных отдельными брошюрами.

Тов. ЯШИН Александр Яковлевич за активное участие в Отечественной войне, создавший несколько произведений, воспевающих геройство, отвагу моряков ВВФ и проявившими мужество и стойкость в борьбе с немецкими захватчиками, достоин правительственной награды ордена "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ"

НАЧАЛЬНИК ПОЛИТОТДЕЛА ВВФ
КОНТР-АДМИРАЛ (ГОНЧАРЕНКО)

Командир (начальник)
Военный комиссар
"25" декабря 1942 г.



II. Заключение вышестоящих начальников 79

III. Заключение военного совета флота

Наградить медалью
"ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ"
МОДАЛЬНЫЙ
ВОЛЖСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИЕЙ
КОНТР-АДМИРАЛ (РОГАЧЕВ)
"24" января 1943 года

IV. Заключение наградной комиссии НКРКВМФ СССР

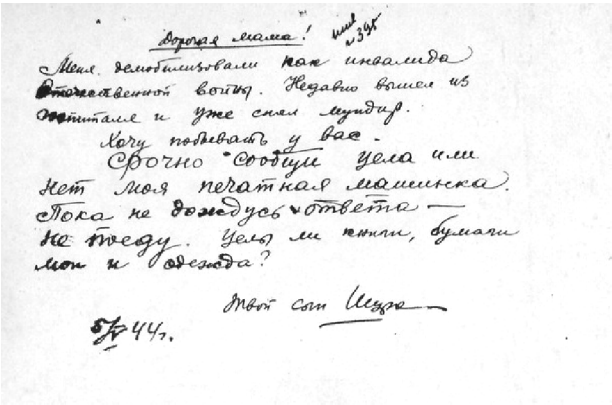
Награжден медалью "За боевые заслуги"
Приказ Командующего ВВФ от 29 января 1943 г. № 21/н
Медаль № 113012 Удостоверение № 13015.
Вручено 1 февраля 1943 г.

Начальник Ко ВВФ
Отдельный 2 ранга

"В" февраля 1943 г.

Председатель
Члены

Наградной лист
Медаль «За боевые заслуги»
Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 722. Л. 78–79



Дорогая мама! 395

Меня демобилизовали как инвалида Отечественной войны. Недавно вышел из госпиталя и уже снял мундир.
Хочу побывать у вас.
Срочно сообщи цела или нет моя печатная машинка.
Пока не дождусь ответа — не поеду. Целы ли книги, бумаги мои и одежда?

Твой сын Шура

5/V 44 г.

Письмо А.Я. Яшина матери Евдокии Григорьевне
от 5 мая 1944 г.
Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина г. Никольска»

Отметки литератора в его дневниках и записях многообразны, отличаются многогранностью наблюдений. Их изучение, несомненно, внесет определенные коррективы в военную фактологию, основы гражданского самосознания и сохранения исторической памяти о подвигах соотечественников, имеющих особые боевые заслуги.

Литература

1. Аннинский, Л. Вероника Тушнова: «Не отрекаются, любя». Александр Яшин: «Не отрекаюсь...» / Л. Аннинский // Литературная учеба. – 2005. – № 3. – С. 132–152.
2. Бобров, А. Спешите делать добрые дела: 90 лет назад родился поэт Александр Яшин / А. Бобров // Парламентская газета. – 2003. – 29 марта (№ 58). – С. 6.
3. Материалы фонда МБУК «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина г. Никольска».
4. Паншев, Л. Александр Яшин на «Усыскине». К 40-летию Сталинградской битвы / Л. Паншев // Авангард. – 1982. – 2 ноября.
5. Российская государственная библиотека им. В.И. Ленина. (РГБ). – Отдел рукописей. Ф. 647. К. 25. Ед. хр. 8.
6. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 613. Оп. 7. Д. 436.
7. РГАЛИ. Ф. 2924. Оп. 3. Д. 269.
8. Столетова, А. С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера : монография / А. С. Столетова ; М-во науки и высш. образ. РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда : ВоГУ, 2018. – 143 с.
9. Столетова, А. С. Военные годы в жизни и творчестве писателя А.Я. Яшина / А. С. Столетова // Социальные процессы, власть и общество России в XX веке: общероссийский и региональный ракурс : сборник научных статей / М-во науки и высш. образ. РФ, Вологод. гос. ун-т; [гл. ред. М.А. Безнин]. – Вологда : ВоГУ, 2018. – С. 101–109.
10. Столетова, А. С. Военные дневники и письма писателя А.Я. Яшина как документы эпохи / А. С. Столетова // Вопросы истории. – 2019. – № 12 (4). – С. 21–33. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi92.
11. Столетова, А. С. Литературная репутация и творчество писателя А.Я. Яшина (исторический контекст) / А. С. Столетова // Вопросы истории. – 2019. – № 11. – С. 158–168. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi21.
12. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 595.
13. ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1266.
14. Яшин, А. Я. Из дневников военных лет / А. Я. Яшин // Октябрь. – 1975. – № 4. – С. 139–190.

A.S. Stoletova

SOVIET WRITER AT THE FRONT: MILITARY PATH OF A. YA. YASHIN

The article examines participation of the Vologodian writer A. Ya. Yashin in the Great Patriotic War. It is based on archival data, published diaries and periodicals. The issue under consideration refers to such a topical area of research as "The Soviet man at the front, in the rear and in the occupied territories". It also determines the prospects for studying the history of the Second World War as the most dynamic and large-scale in the world historiography. The article presents information about the military milestone in the writer's life, allowing to see not only his personal contribution to the events at the front, but also to reconstruct the chronicle of the military history of Russia and to restore its unknown pages.

Writer, A.Ya. Yashin, the Great Patriotic War of 1941–1945, war diary, Baltic Fleet, Oranienbaum bridgehead, blockade of Leningrad, Volga military flotilla, defense of Stalingrad.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1(470.12)

С.Х. Головкина
Вологодский государственный университет

ОБРАЗНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00348 «Энциклопедия “Привычного дела” В.И. Белова»

В статье рассматривается художественное воплощение мира детства в повести В.И. Белова «Привычное дело». Как показывает исследование, описание внутреннего состояния ребенка, особенностей восприятия мира являются наиболее значимыми при раскрытии темы детства. Представлена роль игр и труда в формировании личности ребенка, его культурного и социального опыта. Подтверждается авторская идея преемственности поколений и бесконечности жизненного цикла.

Василий Белов, поэтика прозы, художественный образ, тема, детство, детские образы.

Исследование феномена детства не раз осуществлялось в гуманитарной науке во всем многообразии подходов: психологического, философского, социокультурного, эстетического и др. Изучению детских образов и развитию темы детства в литературном произведении посвящено немало работ, поскольку детство – одна из ключевых тем мировой литературы. Художественное воплощение образа ребенка рассматривается нередко на примере одного или нескольких произведений писателя или поэта [3; 7; 11; 12], проводится также сопоставление детских образов разных произведений нескольких писателей [6], сделаны попытки обобщения представлений о детстве в классической литературе [8; 10], в художественных текстах советского и постсоветского периода [1; 13].

Повесть В.И. Белова «Привычное дело», произведение об истории одной семьи, отражает как традиционное, так и индивидуально-авторское понимание образа детства. Мир детства рассматривается писателем как психологический, культурный и социальный феномен. В отличие от многих произведений советского периода повесть не содержит эпизодов «воспоминания» о детстве. Читатель не сталкивается с описанием переживаний, событий, историй из детства «взрослых» персонажей, например бабки Евстольи, Катерины, Митьки Полякова или Дашки Путанки. Исключение, пожалуй, составляет, единичное, краткое упоминание о детстве Ивана Африкановича. Однако и оно скорее представляет собой формулу «взрослого» поведения труженика, служит характеристикой одной из привычек главы большой крестьянской семьи: «Бывало, еще покойник дед говаривал голоштанному внуку: встанешь раньше, шагнешь дальше» [2, с. 35]. В «Привычном деле» мир детства представлен сыновьями и дочерьми Ивана Африкановича. О существовании других деревенских детей читатель догадывается благодаря отдельным упоминаниям. Например, в ситуации, когда бабка Евстолья рассказывает сказку о пошехонцах пришедшим домой с прогулки внукам и еще шести их сотоварищам. Тем не менее, писателю удается показать внутренний мир, мировоззрение, взаимоотношения детей разного возраста и пола, поскольку в центре произведения – судьба большой крестьянской семьи.

В начале повести пьяный Дрынов, едущий в деревню с товаром для магазина, перечисляет всех своих детей, пытаясь вспомнить, сколько их – «восемь али девять»: «Значит так: Анатошка у меня второй, Танька первая. Васька за Анатошкой был, первого мая родила, как сейчас помню, за Васькой Катюшка, после Катюшки Мишка. После, значит. Мишка. П-п-погоди, а Гришку куда? Гришку-то я забыл, он-то за кем? Васька за Анатошкой, первого мая родился, за Васькой Гришка, после Гришки… Вот ведь, унеси леший, сколько накопил! Мишка значит, за Катюшкой, за Мишкой Володя еще, да и Маруся, эта меньшуха, родилась в межумолоки…». С тем, «который в брюхе-то», получается девять [2, т. 2, с. 9]. Рождение девятого ребенка происходит на третий день после возвращения Ивана Африкановича в деревню. В шутку Иван Африканович называет всех своих детей «клиентами», приехавший из города брат Катерины Мишка – архаровцами, бабка Евстолья – оравушкой и санапалами. Перечисление детей в начале повести ведется от старших к младшим, тогда как дальнейшее их описание в отдельной главе «Детки» осуществляется уже в обратном порядке.

Несущественным для В. Белова оказывается подробное описание внешности детей глазами «взрослого наблюдателя». Писатель ограничивается лишь указанием на их общее сходство с матерью. Выбор имени для лежащего в люльке шестинедельного младенца

становится своего рода компенсацией за внешнее несходство с отцом: «Как парня-то назовем? <…> Хоть и не в мою породу, а я бы Иваном» [2, с. 23]. Любопытно, что самого младшего ребенка Дрыновых на протяжении повести в отличие от других детей повествователь или персонажи произведения вообще очень редко называют по имени. Имя младенца (Иван, Ваня, Ванюшко, Иванушка) упоминается сначала в момент регистрации в сельсовете, затем в сравнении особого состояния Ивана Африкановича и мироощущения новорожденного спящего в люльке Ивана, а также время от времени в типично «материнских» беседах бабки Евстольи с младенцем («Ванюшко, ты мой Ванюшко, выспался у меня Ванюшко? Выспался, золотой парень, ну-ко, сухо ли у тебя тут? Сухо-то пресухо у Иванушка, ой ты дитятко, светлая свичушка, вон, ну-ко этой-то баушке покажись. Вон, скажи, баушка, я какой!» (Там же, с. 34)) и разговоре Катерины с сыном («А вот мы с Ванюшком и пробудилися, вот мы с маленьким проголодалися, а где-то сейчас папка-то наш? Оставил нас наш папка, на машине уехал, куда уехал, и сам не знает» (Там же, с. 91)).

При отсутствии портретного описания Белов дает возрастную характеристику каждого ребенка и нередко передает внешние признаки детей через их действия, поступки. Четырехлетняя Маруся качает в люльке шестинедельного Ивана и полуторагодовалого Володю. Ревущий в люльке Володька будит утром старших Катюшку с Гришкой. Гришка учится в третьем классе, Катюшка – в четвертом. Близнецам Мишке и Ваське по шесть лет, шумные, бойкие, спят одинаково, даже штаны и валенки надевают одинаково. «Из-за перегородки пахло жареной картошкой, шумел у шестка самовар. Васька дотронулся пальцем до самовара, и Мишка дотронулся, Мишка подул на палец, и Васька подул» (Там же, с. 27). Близнецы с любопытством рассматривают «нового», который в отличие от Володьки совсем не ревет. Но только этим пока и интересен он для них, ведь бегать по деревне и играть пока не может, потому долго разглядывать его скучно.

О старших детях – Тане и Анатошке, живущих далеко от дома, читатель узнает только со слов Катерины, Ивана Африкановича и бабки Евстольи. Разлученные с семьей, дети скучают по дому. Пришедшей в гости Степановне Евстолья с грустью рассказывает, что Анатошка «уже в шестых, всю неделю в школе и живет, а как приедет на выходной, так и заплачет: “Не посылай, – говорит, – бабушка, меня в школу-то, лучше, – говорит, – буду солому возить”» (Там же, с. 34). Танюшка, оторванная от семьи, живет в Мурманске, «напостылело» ей в няньках, богатые люди ей платья купили, башмаки, «учиться по вечерам велят», а она совестливая – «в магазин ходит, стирает, посуду моет» (Там же, с. 34). Прокормить большую семью в деревне, выучить всех детей и устроить их будущее сложно, поэтому старшие дети вынуждены трудиться, жить отдельно от родителей – «в чужих людях», ведь в городе у них есть возможность закончить училище, получить паспорт, устроиться на оплачиваемую работу.

Наиболее значимым для писателя становится изображение внутреннего состояния детей и восприятия ими окружающего «взрослого» мира, осознания себя в этом мире. Так, жизнь новорожденного показана через его физиологическое состояние: непрекращающееся ощущение голода «даже тогда, когда он, насытившись материнским молоком, улыбался белому свету. Даже во сне потребность в насыщении не исчезала» [2, с. 25]. Младенческое восприятие счастья передано как телесное, физическое движение: «Не было и тени отвлеченного, нефизического сознания этого “хорошо”. Ноги почему-то сами двигались, туда-сюда, пальчики на руках, тоже сами, то сжимались в кулачок, то растопыривались» (Там же). Созерцательно-счастливое равнодушие младенца не нарушает даже рев его полуторагодовалого брата Володи, плач которого определяется повествователем как «борьба за люльку». Поведение и реакции ребенка на «выселение из колыбели» новым «существом» показаны в интерпретации писателя как осознание абсолютной несправедливости мира.

Внутреннее состояние Володи определяется как боль, тоска по всегда отсутствующей матери, выливающаяся в жажду завладеть люлькой. Он уже научился ходить, говорит много слов, бабку называет мамой, отца – папой, продолжает сосать резиновую пустышку, от которой бабка Евстолья пытается отучить его разными способами: мажет горчицей, говорит, что соску утащила собака. Оба сына Дрыновых занимают одну большую колыбель и постепенно начинают привыкать друг к другу. Восприятие мира и ощущение одиночества полуторогодовалым ребенком передается В.И. Беловым в звуковых образах: «Он уже знал все звуки родимой избы. Особенно звук двери. У него замирало сердце от тоски, когда бабка с ведром выходила из избы и исчезала. Тогда ему становилось невыносимо тоскливо. <…> Он уже не мог сдерживать слезного крика. Из сжатого горлышка вот-вот бы вырвался этот крик, но вдруг дверь отворялась и бабка Евстолья, живая, настоящая, появлялась в избе…» (Там же, с. 26).

Молчаливость четырехлетней Маруси объясняется в повести обстоятельствами ее рождения: «Она родилась как раз в то время, когда нынешняя корова рогуля была еще телочкой и молока не было, и от этого Маруся росла тихо и все чего-то думала, думала, но никто не знал, что она думала» (Там же). Замкнутость дочери, рано оторванной от матери, не нарушает связи с ней. Одно только упоминание о «мамушке» вызывает на Марусином личике долгую изумленно-тревожную улыбку, радость и восхищение. Описание противоречий внутреннего мира ребенка у Белова осуществляется в результате контрастного изображения реакций на факты окружающей действительности: с одной стороны – тоска, горе, слезы, с другой – радость, счастье, улыбка. Неразрывная духовная связь ребенка с матерью передается писателем как сердечная боль, выражаемая в особых состояниях «молчания», «сдерживаемого внутреннего крика» или «задумчивости». Болезненно воспринимается детьми расставание с матерью, особенно когда ее увозят в больницу с первым гипертоническим приступом: «Катя да Анатошка – эти постарше – сразу стали невеселыми: иной раз несет девка ложку ко рту, да так и не донесет, задумается…» (Там же, с. 47). Возвращение матери рождает противоположное ощущение не-

вероятной радости от встречи, передаваемое через физические действия детей: «Остановилась: от реки с визгом бежал Гришка, за ним, не поспевая, размахивая ручонками, торопились двойники Васька да Мишка, а с поля, с другого конца, бежала голенастая Катя, все радостные, родимые… Прибежали, уткнулись в подол, охватили ручонками ослабевшие ноги…» [2, с. 46].

Тема детства в повести связана с «передачей непосредственности, созерцательности, естественно-природного согласия с миром, бескорыстия и сердечной доброты» [5, с. 11]. Созерцание окружающего мира шестинедельным Иваном описано автором как неосознание «разницы между сном и несном» [2, с. 25], как постепенное физическое ощущение сначала твердого и мягкого, потом теплого и холодного, светлого и темного, голода и насыщения, самостоятельности своего тела. В постоянной задумчивости Маруси как будто кроется что-то непостижимое и трогательное, какое-то неведомое взрослому человеку знание о мире. Детское мировосприятие проявляется в особенностях речи, характере вопросов, которые адресованы взрослым, наивных комментариях происходящих событий, в поступках детей, их поведении в отношении друг к другу, учебе, отдыху и развлечениям. Дети не связаны условностями, стереотипами, ограничениями и предубеждениями, свойственными миру взрослых. Так, например, Гришка честно и бесхитростно сообщает районному начальнику «запретную» информацию о ночном покосе и даже показывает место, где поставлены стога. Социальная оценка и иерархические отношения в обществе не являются ориентирами для поведения ребенка. Прокатиться на лошади или общаться «на равных» с взрослым доставляет мальчишке великое удовольствие. Он искренне недоумевает, почему косить надо в лесу, если в поле трава не кончилась, и почему надо обманывать, что гонял теленка в поскотину, если на самом деле косил в лесу с отцом. Неиспорченность социумом, отсутствие потребности лгать, скрывать что-то и изворачиваться отражает естественное и простодушное детское восприятие мира.

Одной из составляющих «культуры детства» в повести «Привычное дело» оказывается игра. Как справедливо отмечает А.В. Федорова, «игра выступает как способ познания мира и позволяет ребенку получить необходимый для дальнейшей жизни социокультурный опыт» [9, с. 143]. Так, маленькая Маруся постигает женскую модель поведения, играя в «дочки-матери». Описание самой игры писателем не показано, лишь отмечено как факт в наблюдении взрослого повествователя. С одной стороны, действия Маруси характеризуют ее психологическое состояние, компенсируют недостаток материнской заботы и внимания. Катерина с раннего утра и до поздней ночи вынуждена работать на ферме, а для Маруси присутствие «мамушки» – главное условие радости и счастья. С другой стороны, действия девочки в отношении тряпичной куклы – своеобразное подражание поведению матери или няньки, востребованному в реальной жизни: дома и за его пределами. Так, Маруся, помогая бабке Евстолье, качает люльку с младшими братьями, гремит им погремушкой. После смерти матери девочке уготована судьба старшей сестры Танюшки – «жить в няньках». По-видимому, подражание как способ постижения мира отражается и в своеобразной «игре в хозяйку дома или учительницу» у Катюшки. На правах старшей сестры она берет ответственность за младших: укачивает Володьку, следит за тем, чтобы близнецы утром умылись, а Гришка не ленился и выполнил домашнее задание. «И Гришке не было от нее покоя. Вот и сейчас успокоила Володьку – и на него, как учительница, бери то, делай это, усадила за стол и велит примеры решать…» [2, с. 27].

Близнецы Мишка и Васька большую часть времени проводят на улице вместе – в играх и забавах. Тем не менее, «Васька энергичнее брата, у него развита фантазия, он смел и настойчив» [9, с. 146]. Главным образом он оказывается инициатором рассказа «сказки о пошехонцах», именно его сравнивает бабка Евстолья с персонажами сказки, именно Васька с отцовским орденом Славы «на пузе» часами скачет по деревне на патачине (диал. батог, дрын – ‘палка с заостренным концом’). В какой-то мере поведение Васьки своего рода отражение личности и поведения его отца – Ивана Африкановича Дрынова, который и сам в молодости использовал такой батог в деревенских драках. Васька же использует это «оружие», имитируя боевое сражение, ассоциативно отсылающее читателя к разговорам мужиков о фронтовом прошлом Дрынова. «Игра позволяет ему [Ваське] индивидуализироваться, осознать свое «Я» отделенным от «Другого», определить пространство собственной личности, что является необходимым условием взросления ребенка» (Там же).

В повести «Привычное дело» социальный опыт детей с малых лет формируется и в процессе трудовой деятельности. В традициях русской крестьянской семьи уже на шестом году жизни дети включались в трудовую активность взрослых – мальчики обычно пасли телят, овец, гусей; девочки учились прясть и ткать, нянчили младших детей, помогали матери по хозяйству. Воплощение этих традиционных устоев находим и в повести В. Белова. Так, например, Васька загоняет во двор возвратившуюся в пастбища Рогулю, Катюшка ветками черемухи смахивает с коровы комаров во время дойки, Маруся успокаивает лежащих в колыбели Ивана и Володю, Анатошка летом возит в колхозе траву на силос, Анатошка с Гришкой вместе с отцом косят колхозное сено, Гришку в качестве подмоги берет с собой Иван Африканович ночью косить в лесу для личного хозяйства. Изображение детского труда не содержит аксиологических характеристик, свойственных произведениям советской литературы XX века. Работа не показана как тяжкое испытание или непосильный для детей труд. Констатирующее повествование чаще всего создает впечатление простых, посильных и обычных действий, которые воспринимаются как привычная помощь взрослым членам семьи. Особое место в повести занимает сцена последнего покоса, когда Катерина обучает маленькую Катюшку правильно держать косу и срезать траву. Писатель, с одной стороны, отражает ситуацию передачи крестьянского опыта от матери дочери, ответственного отношения к работе; с другой – подчеркивает, какие усилия необходимо приложить для дос-

тижения результата и к каким последствиям может привести такой беспрерывный тяжкий труд. В этом эпизоде читатель видит изменения, происходящие с ребенком. По дороге к покосу Катюшка и Гришка предстают как маленькие дети, бегущие вслед за матерью, во время косьбы с каждым удачным движением Катюшка будто взрослеет на наших глазах, набираясь опыта, и снова превращается в растерянного ребенка в трагической ситуации, когда видит упавшую на траву, умирающую мать. Неожиданность увиденного, страх и бессилие в ситуации предсмертного состояния матери выражаются в детской реакции, воплощенной в звуковом образе «двойного плача» Гришки и Катюшки («заревели в голос, заревели на весь лес» [2, с. 94]).

Смерть матери существенным образом влияет на судьбу детей. В тексте повести отражается устойчивое народное представление о том, что ребенок «без отца – полсироты, а без матери и вся сирота» [4, с. 92]. После смерти Катерины Степановна, идущая навестить Евстолью, видя у реки маленького Гришку, слезно замечает: «Сирота. С эдаких-то годков да без матки…» [2, с. 108]. После смерти Катерины приходится зарезать корову, кормилицу большой семьи. Символично прощание детей с Рогулей, готовой к рождению сразу двух телят: «Было слышно, как в избе взахлеб, горько плакал кто-то из сыновей; глядя на него, заплакал еще один, потом третий…» (Там же, с. 107). Оставшихся без матери детей одному Ивану Африкановичу не вырастить. Бабка Евстолья сообщает Степановне, что двойников Ваську и Мишку пришлось отдать в приют, Анатошку в училище, а Катюшку собираются отправить в Мурманск на место Танюшки, которую Митька на хорошую работу устроил. «Останутся только Гришка да Маруся да в зыбке два санапала» (Там же, с. 110), но и с этими одной бабке Евстолье не справиться, худая стала, годы уж не те. Через день вся деревня говорит, что «нет никого лучше Нюшки заменить Катерининым ребятишкам родную мать, да и коровам прежнюю обряжуху…» (Там же, с. 112). И вот уже в день сорочин Нюшка качает зыбку с младшим сыном Дрынова, ласково утешает ребенка и неловко берет его на руки. И будто в подтверждение идеи жизненного круга «Иван Иванович запрыгал в Нюшкиных руках и пустил губами радужный от солнца пузырь» (Там же, с. 125). На могиле жены Иван Африканович рассказывает о старших детях и о подросшем Ванюшке, который уже и слова говорит, и глазами весь в мать. Так В. Белов обращает читателя к мысли о жизненном круге и продолжении жизни в новом поколении.

Непрерывный жизненный цикл, идея преемственности поколений воплощены В. Беловым и в именовании родителей и детей. Новорожденному младенцу дают имя Иван, одна из дочерей носит имя Катерина. Идея жизненного круга, бесконечного, как остановившееся время, вербализована писателем в сравнении двух Иванов: «Он ничего не думал, точь-в-точь как тот, кто лежал в люльке и улыбался, для которого еще не существовало разницы между явью и сном. И для обоих сейчас не было ни конца, ни начала» (Там же, с. 36). Первый покос Катюшки становится последним для ее матери Катерины. После смерти жены заплутавший в лесу Иван Африканович размышляет о судьбе жены и своей собственной и постепенно приходит к осознанию идеи бесконечности всего сущего. Движение мысли от отдельной личности человека к устройству мира (природного и социального) выражено в логической цепи вопросов, ответы на которые находит Иван Африканович: Для чего рождается человек? Что было до его рождения? Что останется после его смерти? Что там-то, на той стороне? Вот не стало Катерины, где она? Ведь «ничего после смерти не будет, одна чернота, пустое место» [2, с. 122]. Но останутся другие, пусть без него, но жизнь не остановится и уже ради этого стоит продолжать жить. Жизнь не прекращается, находит продолжение в детях, как меняются сезоны, умирает к зиме и возрождается весной природа, так на смену одному поколению (символична в этом отношении смерть Катерины поздней осенью, первый покос дочери и последний матери) приходит другое (рождение маленького Ивана ранней весной). «Конца нет этому круговороту… и не будет» (Там же, с. 123).

Кольцевая композиция подчеркивает философскую проблематику «Привычного дела». Личность погружена в круговорот природной жизни. Повторяемость природного цикла символизирует постоянное обновление жизни человека и рода. С одной стороны, смерть Катерины – нарушение этой гармонии, идеи бесконечности, с другой – дети Ивана и Катерины – продолжение естественной преемственности поколений, непрерывности жизненного потока.

Таким образом, описывая период человеческого развития, когда ребенок учится понимать окружающий мир, тренирует необходимые навыки, усваивает культуру своего общества, В.И. Белов раскрывает значимые для ребенка способы постижения мира: природно-созерцательный, подражательный (игровой), путь социального научения. Образ ребенка создается в результате описания его внутреннего мира, чувств и состояний, отношения к ровесникам и взрослым, особенностей поведения в ситуации игры, развлечений, трудовой деятельности. С одной стороны, дети – продолжатели традиций старшего поколения, часть непрерывного жизненного цикла человеческого рода, с другой – судьба ребенка во многом зависит от возможных изменений деревенского уклада, отношений в семье и обществе. Писатель не ставит целью показать развитие личности ребенка на протяжении длительного периода, поведение детей связано с событиями одного года. Синхронное описание позволяет писателю создать образ ребенка, отражающий нравственную, культурную и социальную ситуацию, сложившуюся в деревне к середине 60-х годов XX века.

Литература

1. Балина, М. Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России / М. Балина // Детские чтения. – 2012. – Т.1, № 1. – С. 43–66.

2. Белов, В. И. Привычное дело / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 2: Повести и рассказы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 7–128.

3. Гусева, Е. В. Мир вещей в раскрытии детской темы у Захара Прилепина / Е. В. Гусева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 3. – С. 92–101.

4. Даль, В. И. Пословицы русского народа. В 3-х томах. Т. 2 / В. И. Даль. – Санкт-Петербург : ТОО «Динамит», 1996.

5. Дворянова, Н. В. Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В.И. Белова 1960–1970-х годов : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат филологических наук / Дворянова Н. В. – Москва, 2008. – 24 с.

6. Дедюхина, О. В. Концепция детства в произведениях Ф.М. Достоевского и В.Г. Короленко / О. В. Дедюхина, О. И. Иванова // Казанская наука. – 2021. – № 9. – С. 18–22.

7. Клыпина, И. В. Художественное осмысление темы детства в рассказах Федора Сологуба / И. В. Клыпина, Е. Ю. Шестакова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2021. – Т. 15, № 2. – 22–30.

8. Ланьи, Л. Образ детства в литературе XIX века / Л. Ланьи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 7. – С. 82–84.

9. Федорова, А. В. Детская игра как прием гендерного моделирования в повести В.И. Белова «Привычное дело» / А. В. Федорова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – № 6. – С. 143–149.

10. Филипповский, Г. Ю. Две концепции детства в европейской и русской поэзии XVIII–XIX в. / Г. Ю. Филипповский // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 3 (22). – С. 8–17.

11. Хадынская, А. А. Детская тема в лирике Г. Иванова / А. А. Хадынская // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (198). – С. 58–66.

12. Царева, О. А. Тема детства в лирике Арсения Тарковского / О. А. Царева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7–1 (49). – С. 198–202.

13. Якимова, Л. П. Образ ребенка в советской литературе 20-х гг. / Л. П. Якимова // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2015. – № 1. – С. 4–17.

S.H. Golovkina

IMAGINARY IMPLEMENTATION OF THE THEME OF CHILDHOOD IN THE STORY BY V.I. BELOV «AN ORDINARY AFFAIR»

The article examines the artistic presentation of the world of childhood in the story by V.I. Belov «An ordinary affair». As the study shows, the description of a child’s inner state and the peculiarities of the world perception is the most significant tool when revealing the theme of childhood. The role of games and work in the formation of a child's personality, his/her cultural and social experience is presented. The author's idea of the continuity of generations and the infinity of the life cycle is confirmed.

Vasily Belov, poetics of prose, artistic image, theme, childhood, children's images

УДК 82

Н.С. Зелезинская
Белорусский государственный университет

НЕ ГЕРОЙ МОЛОДЕЖНОГО РОМАНА И ПРЕКРАСНАЯ ДАННОСТЬ МИРА

В статье рассматриваются трансформации, происходящие с образом героя реалистического подросткового и молодежного романа, указываются причины этих трансформаций. Акцент делается на культурный и социальный контексты XXI века, смену интеллектуальной чувствительности, процессы децентрации и десубъективации, развитие идеи инаковости в европейской культуре и ее художественное преломление. Статья подробно останавливается на статье М.М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности», в которой литературовед объясняет значимость категории инаковости для построения картины мира, указывает на связь образа героя и эстетически завершенной художественной реальности.

Жанр, реалистический подростковый и молодежный роман, идея/идеал, герой, контекст, картина мира, менталитет, децентрация, десубъективация, Я, Другой, аксиология.

Я не герой своей жизни
М.М. Бахтин

Контекстуальная обусловленность смены типа литературного героя вообще и подростковой и молодежной литературы в частности очевидна. Э.П. Хомич отмечает, что «смена типа подростка происходит, как правило, в контексте идеологии, а значит, в контексте эпохи, в контексте социализации. Негероическая эпоха, однообразная повседневность и уходящая традиция – все это стало предпосылкой появления типа “слабака”» [4, с. 325].

Ужас перед террористическими атаками, чудовищные эмоциональные и психологические нагрузки, неуверенность поколения в завтрашнем дне, слабая прогнозируемость будущего, экономическая незащищенность молодежи, неприменимость постмодернистской этики к новым реалиям и другие негативные явления начала XXI века повлекли смену философской парадигмы. Линзы иронии и цинизма были отброшены ради попытки взглянуть на самих себя как мы есть, без прикрас и иллюзий, без игр и метафор, без языковой зависимости от значений и интерпретаций. Как наиболее мобильная категория населения, подростки и молодежь первыми отказались от трафаретов и заявили о своих недостатках и общем нежелании следовать идеалам.

В романе 2012 года двадцатилетняя героиня теряет работу и тут же сталкивается с давлением семьи и бойфренда. Луиза не считает себя умнее других, но и на провокации поддаваться не собирается:

«Чем ты хочешь заняться? Можно пройти переподготовку. Уверен, для таких, как ты, есть субсидии.

– Для таких, как я?

– Для тех, кто ищет новые пути. Кем ты хочешь быть? Как насчет косметолога? Ты достаточно хорошенькая. – Он на бегу пихнул меня в бок, словно это был невесть какой комплимент.

– Ты же знаешь, как я ухаживаю за собой. Мыло, вода, шампунь.

– Послушай… Продавщица. Секретарша. Агент по продаже недвижимости. Ну, не знаю… Ты же хочешь кем-то быть?

Но я не хотела. Мне нравилось работать в кафе. Нравилось знать все на свете о «Булочке с маслом» и следить за жизнью людей, проходящих через нее. Там мне было уютно»[1] [7].

Влияние группы молодых взрослых постепенно росло с момента выделения в самостоятельную (начало XIX века), и в результате повышенной экономической значимости после Второй мировой войны, бэйби-бумов 50-х и 60-х, развитого института детства, инноваций в сфере коммуникационных технологий и высокого уровня перинатальной медицины конца XX века, подростки и молодые люди завоевали ключевое место в социуме. Вслед за повышением социального статуса последовал количественный рост литературы о молодых взрослых и для молодых взрослых. Качественные изменения подросткового и молодежного романа произошли, в первую очередь, за счет различий между поколениями. Молодежь и подростки не разделяют поведенческие стереотипы тех, кто повзрослел в прошлом веке, имеют собственный, уникальный опыт и, следовательно, отчетливые ментальные отличия.

Отдельно стоит упомянуть и постоянное движение децентрации как в культуре в общем, так и в литературе. Отказ от логоцентрической традиции продиктован и желанием увидеть себя здесь и сейчас, и возможностью создавать свои паттерны на основании собственных представлений, ощущений и предпочтений. Таким образом, слабость главного героя продиктована, по сути, силой поколения янгэдалт, которое может, наконец, позволить себе быть собою и не оправдываться за свое поведение, решения либо их от-

[1] Здесь и далее перевод А. Килановой приводится по: Мойес, Дж. До встречи с тобой / Дж. Мойес; пер. А. Киланова. М. : Азбука-Аттикус, 2013. URL: https://www.litres.ru/dzhodzho-moyes/do-vstrechi-s-toboy/chitat-onlayn/.

сутствие, внешний вид и социальный статус, как это происходило десятилетия. Хотя мы согласны с выведенной Э.П. Хомич причинно-следственной связью, тут необходимо отметить, что тип «слабака» далеко не самый актуальный для современного подросткового и молодежного романа. Более того, сам ярлык «слабак» не следует воспринимать буквально. По мнению многих персонажей, именно в слабости можно обрести силу. Чего стоит в этом отношении хотя бы название романа «Хорошо быть тихоней» Стефана Чборски. А вот мнение Луизы по поводу налепленного на нее ярлыка неудачницы:

«Не считая краткого периода в подростковом возрасте, я никогда не хотела выглядеть как Трина или другие девочки. Лет до четырнадцати я предпочитала мальчишескую одежду, а теперь стараюсь себе потакать – смотря с какой ноги встала. Что толку пытаться выглядеть как все?

Мне двадцать шесть, а я так толком себя и не узнала. До того как потеряла работу, я вообще ни о чем не задумывалась. Собиралась выйти замуж за Патрика, нарожать детей, поселиться за пару улиц от родительского дома. Не считая экзотического выбора одежды и довольно скромного роста, меня мало что отличало от других. Вряд ли вы обернулись бы на меня. Обычная девушка, ведущая обычную жизнь. И это совершенно меня устраивало» [7].

Первоначально в литературе децентрации подвергся образ Другого, принимая в круг положительных персонажей людей с физическими и психическими особенностями, нетрадиционной сексуальной ориентацией, социальной дезадаптацией. Но практически сразу произошла и децентрация Я, поскольку центростремительное движение не только видится пока что как необратимое, но естественным образом затрагивает все элементы поэтики романа. Для литературы янгэдалт данная характеристика практически обрела статус жанрообразующей.

«Через две недели после начала занятий Колин поднял руку, и миссис Соренштейн сказала:

– Да, Колин?

Колин прижал руку к левому глазу под очками. Ему явно что-то сильно мешало.

– Можно выйти на минутку? – спросил он.

– У тебя есть уважительная причина?

– Кажется, у меня ресница застряла в пупиллярном сфинктере, – ответил Колин, и весь класс заржал. Миссис Соренштейн отпустила его, и Колин пошел в туалет. Глядя в зеркало, он убрал ресницу из глаза, где и в самом деле находится пупиллярный сфинктер.

После уроков Гассан подошел к Колину. Тот меланхолично жевал сэндвич с арахисовым маслом на широкой каменной лестнице у задней двери школы.

– Слушай, – сказал Гассан. – Я в школе новичок, но уже понял, что говорить можно, а что нельзя. Про сфинктер – нельзя.

– Это такая мышца в глазу, – покраснел Колин. – Я просто умничал.

– Послушай, чувак. Нужно знать свою аудиторию. На съезде офтальмологов ты бы сорвал овацию, но на уроке алгебры никто в толк не возьмет, откуда у тебя там вообще ресница взялась.

И они стали друзьями»[2] [6].

Параллельно децентрации в культуре происходит процесс десубъективации. «У Ницше, Батая, Бланшо опыт имеет целью вырвать субъект у него самого, сделать из него нечто иное, довести его до уничтожения или распада. Такова цель десубъективации» [3]. В подростковом и молодежном романе XXI века субъект не задан, не наделяет мир смыслом и не приписывает значения вещам и событиям, но, наоборот, растворяется, распадается по отношению к самому себе: «И я увидела вещи в ином свете: мне открылся мир, где нет меня»[3] [8].

Следовательно, ни Я, ни Другой не имеют точных значений и оттого теряют оппозиционность по отношению друг к другу. Сегодня в подростковой и молодежной литературе образ Другого выступает лишь средством познания Я, а Я – средством познания Другого и построения отношений с ним, т.е. проявляется в своей символической функции указания на Другого. Более того, центрация сознания на другом Я позволяет увидеть себя как Другого и далее задуматься как над внешним, так и над внутренним модусом сосуществования Я и Другого. В романе «Многочисленные Катерины» Колин – дезадаптированный вундеркинд, Гассан – упитанный ливанец из семьи эмигрантов; Джон Грин не противопоставляет подростков, но наделяет их совершенно разными характеристиками без бинарных оппозиций, без ярлыков «плохой» или «хороший». Так, быть вундеркиндом круто, но слишком обременительно, а говорить на родном арабском логично в кругу семьи, но отчуждает говорящего от окружающих. По отдельности юноши – изгои, но вместе они благополучно справляются с вызовами жизни:

«Критичные оценки Гассана помогали Колину понять, что интересно другим людям, а что – нет. До того как он познакомился с Гассаном, подсказать ему никто не мог, потому что окружающие, за исключением родителей, либо терпели, либо игнорировали его. А в случае Катерин – сначала терпели, а потом игнорировали. Благодаря списку того, что было неинтересно, Колин почти мог поддерживать нормальный разговор» [6].

Сегодня подростковый и молодежный роман, будучи в авангарде мировой литературы, говорит уже не столько об уникальности и разнообразии конкретных Я (это данность), но ставит вопросы о сосуществовании уникальных и несовпадающих Я, об их взаимном соотнесении, их разнообразных связях с внешним миром и о возможности осознания способов их взаимодействия. Натуралистическая концепция сознания и человека в мире как феноменология другого не оставляет места для идеализма, поскольку идеализм занят самопереживанием, но не переживанием Другого.

Отсутствие идеала ведет не только к принятию другого, но и к принятию себя, и в итоге, к принятию мира. Про прошествии ста лет европейский менталь-

[2] Здесь и далее перевод В. А. Зайцева приводится по: Грин, Дж. Многочисленные Катерины / Дж. Грин. М. : Рипол Классик, 2015. 256 с.

[3] Здесь и далее перевод Е. Петровой приводится по: Сиболд, С. Милые кости / С. Сиболд. М.: Эксмо, 2010. URL: https://www.litres.ru/elis-sibold/milye-kosti/chitat-onlayn.

тет, наконец, готов принять тезис М.М. Бахтина «Я не герой своей жизни» [1, с. 98]. Образ мира может быть создан только детерминированной жизнью других людей: «Нужно понять, что все положительно ценные определения данности мира, все самоценные закрепления мирской наличности имеют оправданно-завершимого другого своим героем: о другом сложены все сюжеты, написаны все произведения, пролиты все слезы, ему поставлены все памятники, только другими наполнены все кладбища, только его знает, помнит и воссоздает продуктивная память <…>. Нужно отойти от себя, чтобы освободить героя для свободного сюжетного движения в мире (Там же, с. 99).

Роман «Милые кости» рассказывает о девочке Сюзи, которая после убийства от руки маньяка попадает на небеса и наблюдает за жизнью родных и за поисками убийцы. Это редкий (но не исключительный) случай, когда протагонистом романа на протяжении всего повествования является умерший. При этом автор практически не прибегает к ретроспективе, а образ героини развивается в соответствии с концепцией романа становления. Незримо переживая происходящее с ее семьей вместе с ними, Сюзи приходит к пониманию того, как она любит каждого такими, какие они есть:

«<Бабушка> вернулась на кухню. После смерти я прикипела к ней сильнее, чем могла себе представить в земной жизни. Не поручусь, что в тот момент она решила завязать с выпивкой; но теперь до меня дошло, что привычка заглядывать в рюмку составляла одну из черточек ее удивительного характера. По мне, если эта слабость была самым большим ее грехом, то и на здоровье» [8].

Вывод, несомненно, не слишком популярный для традиционных дидактически направленных произведений детской литературы. Следующий шаг Сюзи – принятие себя, применительно к ситуации, к своему статусу:

«Глядя, как мои родные смакуют шампанское, я размышляла о том, что их жизнь ведет отсчет от моей смерти: до и после, но когда Сэмюел, собравшись с духом, на виду у всех поцеловал Линдси, мне стало ясно, что их судьба круто взмывает вверх и теперь пойдет иными дорогами. На месте пустоты, возникшей с моей гибелью, постепенно вырастали и соединялись милые косточки: одни хрупкие, другие – оплаченные немалыми жертвами, но большей частью дорогие сердцу. И я увидела вещи в ином свете: мне открылся мир, где нет меня» (Там же).

Через откровения Сюзи автор транслирует современную интеллектуальную чувствительность: понимание того, что не все можно изменить, что самые ужасные вещи приходится принимать такими, как они есть, но можно научиться справляться с ситуацией, помогать другим пережить трудности, можно все равно любить, дружить, радоваться… быть! Последние страницы романа о Сюзи наполнены любовью, любованием, спокойствием, принятием и смирением: «Когда я открыла глаза, окошко в дальней стене было залито темным багрянцем, и мне сразу стало ясно, что времени осталось совсем мало. За окном жил и дышал тот мир, который годами открывался мне только со стороны, а сейчас я находилась на той же Земле. Но уже знала, что больше сюда не приду. Отпущенный мне срок я потратила на любовь – против нее я оказалась бессильна, как не была бессильна даже перед лицом смерти; это было бессилие всего сущего, темный багрянец человеческой слабости, движение вслепую, когда на ощупь огибаешь углы, чтобы раскрыть объятия свету, – все, без чего не бывает открытия неизведанного» [8].

Практически любой реалистический подростковый и молодежный роман, фокусирующийся на глобальных проблемах нашего века, заканчивается утверждением жизни. Прекрасная данность мира соткана из многочисленных Я и Других и тем противостоит ужасам реальности. «Понять этот мир как мир других людей, свершивших в нем свою жизнь, – мир Христа, Сократа, Наполеона, Пушкина и проч., – первое условие для эстетического подхода к нему. Нужно почувствовать себя дома в мире других людей, чтобы перейти от исповеди к объективному эстетическому созерцанию, от вопросов о смысле и от смысловых исканий к прекрасной данности мира» [1, с. 100]. Джонатан Фоер пишет о мире мальчика Оскара, его папы, мамы, бабушки, дедушки, Альбера Эйнштейна и Стивена Хокинга и всех проживающих в Нью-Йорке мистеров Блэков. События романа происходят, как заявлено в названии, «жутко громко и чрезвычайно близко» к маленькому Оскару, мальчику, который все время считает, читает, изобретает и не справляется с общением со сверстниками. Пусковым механизмом одиссеи Оскара по Нью-Йорку становится теракт 11 сентября, в котором погиб его папа. Но итог блужданиям и поискам мистера Блэка Оскара подводит «Стивен Хокинг». Знаменитый астроном прочитывает пачку писем от мальчика и отвечает ему:

«Альберт Эйнштейн, мой кумир, однажды написал: “Ситуация у нас следующая. Мы стоим перед закрытым ящиком и не можем его открыть”.

Не мне Вам говорить, что значительную часть Вселенной составляет темное вещество. Непрочное равновесие зависит от вещей, которые нам никогда не удастся увидеть, услышать, понюхать, попробовать или потрогать. Сама жизнь зависит от них. Что реально? Что призрачно? Может, мы вообще задаем неправильные вопросы. От чего зависит жизнь?

Я так ничего и не сделал, чтобы ее защитить.

Что если Вы всю жизнь будете изобретать?

Может, тогда Вам суждено это сделать.

Меня зовут к завтраку, придется закруглиться. Я еще о многом хочу Вам сказать и о многом хочу от Вас услышать. Все-таки несправедливо, что мы живем по разные стороны океана. Как будто мало в мире несправедливостей.

Как же сейчас красиво. Солнце низко, тени продолговаты, воздух прохладен и свеж. Вам еще спать не меньше пяти часов, но мне почему-то кажется, что мы любуемся этим чистым и божественным утром вместе.

Ваш друг

Стивен Хокинг»[4] [5].

Письмо Стивена Хокинга мальчику Оскару есть художественная модель бахтинского завершающего принятия, обусловленное отношением Я к Другому, равновеликих и равнозначных величин, взятых не в

[4] Перевод В. Арканова приводится по: Фоер, Дж. Жутко громко и запредельно близко / Дж. Фоер. М. : Эксмо, 2013. 340 с.

отношении к идеалу – разуму, известности и т.п., но в своей уникальности. Естественно, модусом взаимодействия этих величин «становится не знак, но эмоция» [1, с. 95]. Значимость эмотивной составляющей художественного текста XXI века повышается ввиду ее аксиологической значимости, а наивысшей ценностью XXI века становится эмпатия, поскольку лишь она есть единственный способ со-присутствия, события, бытия Я в Другом и Другого в Я, который дает возможность переживать прекрасную данность мира. Таким образом, образ «негероя» реалистического подросткового и молодежного романа выводит на аксиологию жанра.

«Колин не знал о покере ничего, кроме того, что игра, в которой все зависит от вероятности и решений игроков, – это что-то вроде полузакрытой системы, в которой должна действовать теорема, похожая на его Теорему Предсказуемости Катерин. И когда Гассан продемонстрировал свой фулл-хаус, Колина внезапно осенило: можно создать теорему, объясняющую, почему ты выиграл в покер в прошлом, но ни одна теорема не предскажет, выиграешь ли ты в будущем. Прошлое, как и говорила ему Линдси, это логичная история. Это ощущение того, что произошло. А будущее вовсе не обязано быть логичным, ведь его еще никто не помнит.

И в этот момент будущее, неописуемое ни одной теоремой на свете, протянулось перед Колином: бесконечное, непознаваемое и прекрасное» [6].

Литература

1. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – С. 9–226.

2. Радаев, В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В. В. Радаев // Социологические исследования. – 2018. – № 3. – С. 15–33.

3. Фуко, М. Беседа Мишеля Фуко с Дуччио Тромбатори / М. Фуко, Д. Тромбатори. – Текст : электронный // Гуманитарный портал. – URL: https://gtmarket.ru/library/articles/5389. – Дата публикации: 7 октября 2013.

4. Хомич, Э. П. Проблемное поле подростковой литературы / Э. П. Хомич // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 1 (56). – С. 325– 327.

5. Foer, J. Extremely Loud and Incredibly Close / J. Foer. – Boston : Mariner Books, 2013. – 332 p.

6. Green J. An Abundance of Katherines / J. Green. – New York : Speak, 2008. – 260 p.

7. Moyes, J. Me Before You / J. Moyes. – London : Penguin, 2012. – 385 p.

8. Sebold, A. The Lovely Bones / A. Sebold. – URL: https://onlinereadfreenovel.com/alice-sebold/page,18,31602-the_lovely_bones.html (дата обращения: 22.11.2021). – Текст : электронный.

N.S. Zelezinskaya

NOT THE HERO OF A YOUNG ADULT NOVEL AND THE BEAUTIFUL ENTITY OF THE WORLD

The article examines the transformations of the hero of a realistic young adult novel, specifying the reasons for these transformations. The emphasis is placed on cultural and social contexts of the 21st century, the change of intellectual sensibility, processes of decentering and desubjectivation, the development of the idea of otherness in European culture and its artistic refraction. The article carefully consideres M.M. Bakhtin's article *The Author and the Hero in Aesthetic Activity*, in which the literary critic explains the significance of the category of otherness for the construction of the world picture, points out the connection between the hero and the aesthetically completed artistic reality.

Genre, young adult novel, idea / ideal, hero, context, world picture, mentality, decentering, desubjectivation, I, Other, axiology.

УДК 821.112.2

Е.А. Красильникова
Российский государственный гуманитарный университет

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ В. КАМИНЕРА «RUSSENDISKO»

Статья посвящена изучению проблем межкультурного взаимодействия в сборнике рассказов В. Каминера «Russendisko». Рассматриваются вопросы, связанные с проблемами адаптации мигрантов в новой культуре, формирование их гибридной идентичности, вопросы билингвизма и толерантности.

Литература мигрантов, межкультурная коммуникация, адаптация при вхождении в чужую культуру, гибридная идентичность, стереотипы, билингвизм, толерантность.

Изучение миграционной литературы в последние годы стало одним из ведущих направлений исследований. Интерес к подобной литературе обусловлен тем, что появляется все больше авторов с миграционным опытом, которые описывают свой личный опыт и опыт своих друзей и своих семей, а также авторов, которые наблюдают за миграционными процессами со стороны, описывая судьбы беженцев, переселенцев, репатриантов и других категорий мигрантов. В исследовательской литературе существует несколько терминов, используемых как для обозначения литературы писателей-мигрантов, так и самих авторов. Широко используется термин гибридная литература, а также в научный дискурс вводится понятие «кросскультурная или мультикультурная литература “писателей-мультикультуралистов”» [1, с. 178]. С.П. Толкачев пишет о развитии теории «мультикультурной литературы постколониального пространства» [2], немецкоязычная исследовательница Сандра Власта заявляет о транснационализации литературной сферы (transnationalisation of literary fields) [3].

В работах некоторых исследователей по отношению к писателям-мигрантам используется термин авторы-экзофоны (exophone AutorInnen), под которым подразумеваются «авторы, пишущие на неродном или не только на родном для себя языке» (exophone AutorInnen, das heißt SchriftstellerInnen, die nicht bzw. nicht ausschließlich in ihrer Erstsprache schreiben) [4, с. 10]. Соответственно, также применяется термин «exophones Schreiben» (письмо на неродном языке) (Там же, с. 11).

В немецкоязычном пространстве также широко используется термин „литература мигрантов и авторов с миграционным прошлым“ (die Literatur von MigrantInnen und AutorInnen mit Migrationshintergrund) [5, с. 4], а также целый спектр других наименований: „Ausländerliteratur“, „Gast-“, „Immigranten-“, „Emigrations-“, „Migranten-“ oder „Migrationsliteratur“, „Minderheitenliteratur“, „interkulturelle“, „multikulturelle“, „deutsche Gastliteratur“, „Literatur ohne festen Wohnsitz“, „Literatur der Fremde“, „deutsche Literatur von außen“, „Literatur mit dem Motiv der Migration“ oder „nicht nur deutsche“ [там же, с. 4].

В рамках исследований миграционной литературы в центре внимания находятся различные аспекты миграционных процессов, вопросы мультикультурализма, билингвизма, многоязычия и идентичности. Эти аспекты являются типичными для иммигрантской литературы. Как отмечает исследователь исландской литературы в Америке А.В. Коровин, «первостепенной задачей для иммигрантов становилась борьба за место в новом обществе, что зачастую подразумевало слияние с местным населением, ассимиляцию, неизбежно приводящую к потере родного языка, привычек, культуры; и этот путь был единственно возможным для большинства переселенцев в Новом свете» [6, с. 194].

В сборнике рассказов В. Каминера „Russendisko“ в фокусе внимания автора оказываются близкие темы, связанные с адаптацией мигрантов в новой культуре, а также предлагается богатый материал, иллюстрирующий различные коммуникативные ситуации и аспекты межкультурной коммуникации.

Владимир Каминер – немецкий писатель-эмигрант российского происхождения. В своих романах он пишет о жизни эмигрантов в Германии, среди которых оказываются представители целого спектра национальностей, религий, культур и субкультур. Коммуникация между этими индивидами и социально-культурными группами представляет большой исследовательский интерес, поскольку, проживая в новой для себя стране и общаясь на неродном для себя немецком языке, они репрезентируют различный культурно-исторический бэкграунд.

Изучением творчества В. Каминера занимались многие исследователи, как например: Б. Хоге, Е. Хаусбахер, А. Ваннер, А.В. Белобратов, Д.А. Чугунов, А.А. Анохина и др. Как отмечает в своей диссертации А.А. Анохина, «выбранный писателем жанр коротких рассказов обусловливает многоплановость создаваемых образов и позволяет читателю лучше познакомиться со многими сторонами жизни человека в миграции: работа, бытовая сфера, общение с органами правопорядка, друзья, соседи-мигранты, любовь, семья. Имя Владимира Каминера неразрывно связано

с темой миграции в ФРГ, адаптации мигрантов в немецкоязычном пространстве. Писатель не стремится “адаптироваться” в чужой стране, а наоборот, подчеркивает свое мигрантское прошлое, разговаривая с ярко выраженным русским акцентом и часто затрагивая тему России в теле- и радиовыступлениях» [7, с. 93].

В данной статье мы обратимся к творчеству В. Каминера с точки зрения анализа проблем толерантности, бытования национальных, социальных и гендерных стереотипов, проблем адаптации и переживания культурного шока при вхождении в новую культуру, вопросов билингвизма, использования культурно-исторических реалий и др.

Сюжетной основой романа является взаимодействие в разнообразных ситуациях большого количества людей различного происхождения и национальностей, а также различающихся по возрасту, внешности и другим параметрам. Таким образом, одной из центральных тем сборника является описание интернационального сообщества и проблемы толерантности.

Самого себя рассказчик описывает как бежавшего из СССР представителя национального меньшинства еврейской национальности:

Nachdem mein Freund Mischa und ich im Sommer 1990 als *eine aus der Sowjetunion gefluchtete Volksminderheit jüdischer Nationalität* anerkannt worden waren, landeten wir auf Umwegen in dem riesigen Ausländerheim, das in Marzahn entstand [8, S. 27].

Упомянутое общежитие для иностранцев находится в Марцане, который представляет собой один из районов Берлина. В этом месте массово селятся иностранцы: сотни вьетнамцев, африканцев и евреев из России:

Hier wurden *zunächst Hunderte von Vietnamesen, Afrikaner und Juden aus Russland* einquartiert (Там же, S. 27–28).

В. Каминер описывает и заселение другого района Берлина, Prenzlauer Berg, откуда массово стали уезжать на запад местные жители, а в их квартиры стали заселяться те, кто по каким-то причинам приезжал с запада. Среди них были панки, иностранцы, приверженцы церкви Kirche der Heiligen Mutter, странные личности и деятели искусства:

Der Prenzlauer Berg galt damals als Geheimtipp für alle Wohnungssuchenden, dort war der Zauber der Wende noch nicht vorbei. Die Einheimischen hauten in Scharen nach Westen ab, ihre Wohnungen waren frei, aber noch mit allen möglichen Sachen voll gestellt. Gleichzeitig kam eine wahre Gegenwelle aus dem Westen in die Gegend: *Punks, Ausländer und Anhänger der Kirche der Heiligen Mutter, schräge Typen und Lebenskünstler aller Art* (Там же, S. 28).

В рассказе Der Russenmafiapuff также описывается состав группы на курсах, которые посещал Владимир, друг рассказчика. В группе обучались пожилые дамы из Болгарии, три вьетнамца и толстая девушка с Карибских островов:

Die Gruppe bestand aus zwei älteren bulgarischen Damen, drei Vietnamesen und einem dicken Mädchen aus Karibik (Там же, S. 104).

Таким образом, в романе герои постоянно взаимодействуют как с местным населением, так и с множеством иностранцев, среди которых и их же соотечественники. Все они в свою очередь могут быть поделены на группы по множеству других признаков. В отсутствие толерантности подобные ситуации чреваты возникновением непонимания, противоречий и нетерпимости. Поэтому залогом успешной коммуникации является толерантное отношение участников коммуникации друг к другу.

Zusammen mit zwei Dutzend anderen osteuropäischen Künstlern, Polen, Russen, Tschechen und Ukrainer. Unterwegs stellte sich bereits heraus, wie unterschiedlich unser Wandel war. Dementsprechend bildete unsere Gruppe eine ziemlich giftige Mischung. Nur der warme ukrainische Wodka sorgte sich für ein Minimum Toleranz [8, S. 106].

Здесь группа, состоящая из представителей различных национальностей, описывается как «ядовитая смесь», и обеспечить толерантность может, соответственно стереотипам, «лишь теплая украинская водка».

Следует сказать, что в сборнике рассказов упоминаются более десятка национальностей, среди которых русские, немцы, евреи, украинцы, поляки, чехи, французы, болгары, арабы, турки, африканцы, вьетнамцы, цыгане, литовцы и др. Все они взаимодействуют друг с другом, участвуя в разных коммуникативных ситуациях со своим национально-культурным менталитетом и стереотипами.

Следующий аспект, на котором хотелось бы остановиться, это стереотипы и культурно-исторические реалии. У представителей любой нации имеются определенные стереотипы о своих соседях, что особенно свойственно мультикультурным сообществам, где люди проживают в тесном контакте. Подобное интенсивное взаимодействие строится на противоречивой основе из ожиданий, представлений о «нормальном» для тех или иных групп, опасений, предрассудков и страхов.

В произведениях В. Каминера представлено довольно много стереотипов о русских. Так, например, в главе Die Birkenfrau («Березовая женщина») речь идет о русском ансамбле *Die Birke («Березка»)*, что объяснимо типичным стереотипом о любви русских к этому национальному символ:

Eine solche Frauenbrigade war damals gerade in Berlin zu Gast. <…> Das Ensemble nannte sich *Die Birke*, weil sie in ihren Liedern Birken und andere einzigartige Nationalhölzer priesen (Там же, S. 124).

Это пример автостереотипа, так как русский ансамбль представляет себя таким образом иностранцам и демонстрирует свою национально-культурную идею.

В рассказе *Mein erster Franzose* рассказчик описывает своего французского приятеля, который, по его мнению, вполне соответствует клишированному представлению о французах: легкомысленный, поверхностный, открытый миру, зацикленный на женщинах и поющий Интернационал:

Der erste Franzose, den ich in Berlin kennen lernte, hieß Fabrice Godar. <…> Er entsprach völlig der klischeehaften Vorstellung, die ich von Franzosen hatte: Er war leichtsinnig, oberflächlich, weltoffen und frauenfixiert. Wir sangen zusammen die Internationale… (Там же, S. 43–44).

В качестве стереотипов зачастую используются блюда и напитки национальной кухни. Ожидаемый стереотип о русских – национальный напиток *водка*, который приводится в тексте наряду со стереотипным напитком немцев – *пивом*:

Unterwegs kauften wir noch die Nationalgetränke beider Lände – drei Flaschen Wodka und eine Kiste Bier [8, s. 125].

Еще один стереотип о русских, связанный с еще одним национальным напитком, – их привычка всегда пить чай. В рассказе *Alltag eines Kunstwerks* рассказчик и его русский друг скульптор Сергей (der russische Bildhauer Sergei), говоря и размышляя об искусстве, пьют чай:

Wir tranken zusammen Tee und unterhielten uns über Kunst (Там же, S. 46).

So trafen wir uns, denn diese Nachricht erforderte eindeutig eine Diskussion. Wir unterhielten uns über Kunst, tranken Tee und wechselten dann zu Wodka (Там же, S. 47).

Стереотипное представление о евреях также включает штампы, связанные с едой и национальными традициями, в соответствии с которыми евреи едят мацу, не едят свинину и соблюдают субботу, а не ходят на пробежки.

Viele beschwerten sich beim Aufsichtspersonal, dass ihre Nachbarn falsche Juden seien, dass sie Schweine äßen und am Samstag rund um die Wohnblöcke joggten, was man als echter Jude nie tun dürfte (Там же, S. 28).

Для повествования В. Каминера характерно несколько особенностей: с одной стороны, это зачастую отсутствие политкорректности. Например, пожилые люди, люди с инвалидностью и иностранцы ставятся в один ряд как низшие слои населения, у которых крайне мало шансов на рынке труда:

Der erste Franzose, den ich in Berlin kennen lernte, hieß Fabrice Godar. Wir beide und ein arabisches Mädchen wurden von einem ABM-Theaterprojekt angestellt, er als Kameramann, ich als Tontechniker und das Mädchen als Kostümschneiderin. Diese Arbeitsbeschaffungsmaßnahmen waren speziell für die unteren Schichten des Volkes, *die sonst kaum Chancen auf dem Arbeitsmarkt gehabt hätten: ältere Menschen, Behinderte und Ausländer* (Там же, S. 43).

Такие выводы, вероятно, можно объяснить как настроениями в социуме, так и менталитетом главного героя-повествователя, выходцем из советского общества, где политкорректность существовала еще только в зачаточном состоянии и была неактуальна.

Отдельно следует остановиться на таком аспекте стереотипов, как их оценочность. Анализ рассказов В. Каминера позволяет сделать вывод о том, что штампы и стереотипы могут быть нейтральными, положительными или отрицательными. Важным моментом является то, что актуализация того или иного стереотипа определяется политической и идеологической установкой субъекта – носителя стереотипа. Например, идеологически негативная установка официального советского телевидения к американскому капиталистическому обществу актуализирует социальный штамп о голодных американских бездомных, спящих в коробках за мостом:

Dort, hinter dieser Brücke schlafen die hungrigen Arbeitslosen in alten Pappkisten [8, S. 19].

Носителями стереотипов являются в той или иной мере все члены общества, однако степень осознанности определяет то, насколько сильно стереотипы или предрассудки будут на коммуникацию влиять, упрощать или усложнять.

Таким образом, стереотипы представляют собой яркие зрительные образы и создают своеобразную иконографику, которая визуализирует представления одного сообщества о другом.

Интересный аспект представляет собой определение и поиск идентичности. Так, в романе ставится вопрос об идентичности русских евреев пятой волны эмиграции в начале 90-х годов. По внешности идентифицировать национальную принадлежность почти невозможно, вероисповедание также не является уже релевантным признаком, основой для идентичности становится происхождение и наличие записи в паспорте:

Die russischen Juden der fünften Welle zu Beginn der Neunzigerjahre konnte man weder durch ihren Glauben noch durch ihr Aussehen von der restlichen Bevölkerung unterscheiden. Sie konnten Christen oder Moslems oder sogar Atheisten sein, blond, rot oder schwarz, mit Stups- oder Hakennase. Ihr einziges Merkmal bestand darin, dass sie laut ihres Passes Juden hießen. Es reichte, wenn einer in der Familie Jude oder Halb- oder Vierteljude war und es in Marienfelde nachweisen konnte [8, S. 13].

Однако отметки в паспорте не всегда было достаточно, и вновь приехавшие подвергались экзамену в синагоге, целью которого было установить то, насколько новые евреи действительно были евреями:

In Köln, zum Beispiel, wurde der Rabbiner der Synagoge beauftragt, durch eine Prüfung festzustellen, wie jüdisch diese neue Juden wirklich waren (Там же, S. 14).

Экзаменуемые должны были ответить на вопросы раввина, с чем справлялись далеко не все. Поэтому, чтобы избежать сложной процедуры проверки знаний, некоторые мужчины решались совершить собственноручное обрезание, что, по их мнению, являлось неоспоримым признаком, устанавливающим идентичность:

Manchmal beschnitten sich irgendwelche Männer sogar eigenhändig, einzig und allein, um solche Fragen zu vermeiden (Там же, S. 14).

У иностранцев в Германии формируется двойственная или, иначе говоря, *гибридная* идентичность: с одной стороны, они сохраняют свою и остаются русскими, евреями, эфиопами, турками. С другой, формируется второй слой идентичности: иностранец (в отличное от местных жителей), что формирует разные типы взаимоотношений между ними, от враждебности до единства и солидарности. В какой-то момент между арабами, евреями, китайцами и турками возникает чувство единства и солидарности, так как они все принадлежат друг другу, они иностранцы:

Die Ausländerfeindlichkeit war vorübergehend ein großes Thema, und plötzlich entsteht ein Gefühl der Zusammengehörigkeit bei vielen, die nicht zusammengehören und früher vielleicht gar nichts voneinander wissen wollten – Araber, Juden, Chinesen, Türken –, weil sie genau diese „Ausländer“ sind (Там же, S. 74).

Одним из признаков, определяющих идентичность, является язык. Подавляющее большинство эмигрантов в определенной мере овладевают языком принимающей страны и становятся билингвами. При этом многие говорят с акцентом, что определяет их идентичность как иностранцев. Так, рассказчик отмечает наличие у себя русского акцента:

Mit meinem russischen Akzent wurde ich sofort eingestellt [8, S. 43].

Акцент определяет и подкрепляет стереотипы. Так, например, когда в театре нужны были актеры на роль варваров, были выбраны русские с акцентом, так как всем понятно, что варвары – это те, кто прибыли издалека и говорят по-немецки с русским акцентом.

An der Berliner Volksbühne sind an der „Titus-Andronkus"-Inszenierung zwei russische Schauspieler beteiligt. <…> Die Hauptübeltäter, die Barbaren, werden von Russen gespielt. Denn offenbar ist jedem klar, dass Barbaren diejenigen sind, die von weiter kommen und Deutsch mit russischem Akzent sprechen (Там же, S. 146–147).

Интересно отметить, что некоторые эмигранты не только овладевали языком принимающей страны, но и неплохо владели языком своих соседей. Так, описываются африканцы, которые по вечерам пели русские песни и хорошо знали язык, поскольку учились в Москве:

Die Afrikaner …, abends sangen sie russische Volkslieder. Sie hatten erstaunlich gute Sprachkenntnisse, viele hatten in Moskau studiert (Там же, S. 27).

Таким образом, в рассказах В. Каминера затрагиваются довольно острые темы, связанные со сложностями адаптации мигрантов в новой для себя лингвокультуре. При этом автор зачастую рисует карикатурные образы, в которых чрезмерно акцентируются те или иные аспекты. Наличие их правомерно, поскольку они действительно имеют место быть как характерные, хотя и несколько преувеличенные, особенности поведения или бытового уклада. Разумеется, в реальности эти отдельные элементы не так заметны на фоне массы других, но у В. Каминера они становятся крупными штрихами, определяющими их репрезентацию и восприятие.

Источники

1. Толкачев, С. П. Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе С. П. Толкачев / Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. – 2013. – № 2. – С. 177-182. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-gibridnoy-identichnosti-v-sovremennoy-multikulturnoy-literature/viewer (дата обращения: 12.03.2021). – Текст : электронный.

2. Толкачев, С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература / С. П. Толкачев. – Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение. – 2003. – № 1. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/ (дата обращения: 12.03.2021).

3. Vlasta, S. Literature, Migration and the Transnationalisation of Literary Fields – Austria and Great Britain / S. Vlasta. – Text : electronic // 900 Transnazionale 2, 1 (Marzo 2018). – P. 1–12. – URL: https://www.academia.edu/40851104/Literature_Migration_and_the_Transnationalisation_of_Literary_Fields_Austria_and_Great_Britain (дата обращения: 12.03.2021).

4. Brüchige Texte, brüchige Identitäten. Avantgardistisches und exophones Schreiben vonder klassischen Moderne bis zur Gegenwart / N. Bachleitner, I. Hein, K. Kókai, S. Vlasta (Hg.). – Göttingen, 2018. – URL: https://www.academia.edu/35467063/Br%C3%BCchige_Texte_br%C3%BCchige_Identit%C3%A4ten_Hg_Norbert_Bachleitner_Ina_Hein_K%C3%A1roly_K%C3%B3kai_Sandra_Vlasta_G%C3%B6ttingen_Vienna_University_Press_Vandenhoeck_and_Ruprecht_2018 (дата обращения: 12.03.2021). – Text : electronic.

5. Sibel, K. Migrationsliteratur: Eine neue deutsche Literatur? / K. Sibel. – Berlin : Heinrich-Böll Stiftung, 2009.

6. Коровин, А. В. Исландская литература в Америке (к вопросу о национальных границах в литературе) / А. В. Коровин // Studia Litterarum. – 2016. – Т. 1, № 1–2. – С. 192–210. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islandskaya-literatura-v-amerike-k-voprosu-o-natsionalnyh-granitsah-v-literature/viewer (дата обращения: 12.03.2021). – Текст : электронный.

7. Анохина, А. А. Поиск идентичности в немецкой прозе мигрантов из бывшего СССР (рубеж XX–XXI веков) : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская)» : диссертация на соискание ученой степени кандидат филологических наук. – Калининград 2019. – URL: https://kantiana-old.kantiana.ru/upload/iblock/a4f/Anokhina_dissertatsiya.pdf (дата обращения: 12.03.2021). – Текст : электронный.

8. Kaminer, W. Russendisko / W. Kaminer. – München : Goldmann, 2000.

E.A. Krasilnikova

PROBLEMS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN V. KAMINER'S NOVEL "RUSSENDISKO"

The article is devoted to the problems of cross-cultural communication in the book of short stories by Vladimir Kaminer «Russendisko». The article analyzes the questions connected with the issues of migrants' adaptation in a new culture, their hybrid identity, bilingualism, tolerance.

Literature of migrants, intercultural communication, adaptation when entering a foreign culture, hybrid identity, stereotypes, bilingualism, tolerance.

УДК 821.161.1

А.В. Марков
Российский государственный гуманитарный университет

ЭСТЕТИКА ПИРАНЕЗИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРОТОКУРАТОРСТВО ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Хотя систематического восприятия наследия Пиранези как конструктивной эстетической программы в русской литературе не было, необходимость примирить классицистский образ Петербурга с притязаниями авангарда на изобретательность иногда приводила литераторов к созданию пространств, напоминающих Пиранези. В статье рассматриваются два примера такого русского пиранезианства: спор писательницы Мариэтты Шагинян и философа Михаила Лифшица о стилистике Михайловского замка и прилегающего пространства и поэтический экфрасис Марии Веги возможного памятника Ломоносову на стрелке Васильевского острова. Раскрываются ограничения в видении архитектурных комплексов Петербурга всеми авторами, которые и потребовали компенсаторно создать вариант «бумажной архитектуры», близкой эстетике Пиранези. Доказывается, что усвоение эстетики Пиранези было определено усложнением представлений о публичном пространстве и структурными противоречиями литературного описания публики сложно организованных пространственных комплексов, так что смыслы пиранезианства были восстановлены самим порядком описания в своеобразном виртуальном кураторстве, наследующем некоторым особенностям «петербургского текста».

Пиранези, протокураторство, коммеморация, экфрасис, бумажная архитектура, публика, эстетика архитектуры, петербургский текст

Введение

При всей высокой восприимчивости русской культуры к самым разным художественным стилям и способам построения искусства как института, до сих пор в литературе в широком смысле как письменной рефлексии над живописными и графическими формами выразительности почти не присутствуют два имени: Арчимбольдо и Пиранези. Тем удивительнее, что за каждым из этих имен стоит способ отношения к миру и свой способ выстроить мир, как мы говорим «мир Кафки» или «мир Пруста». В литературе в предпочитаемом нами широком смысле, включая журналистику, очерк и публицистику, оба имени начинают звучать на страницах журнала «Химия и жизнь», в котором поощрялись эксперименты с обновленной сюрреалистической иллюстрацией. Введение имени Арчимбольдо [2] и Пиранези, хотя бы как того, кому посвящены объемистые альбомы в библиотеке Эрмитажа [4], обосновывало иллюстративную программу журнала и значимость искусства как модели для понимания сложных процедур химического эксперимента и внедрения химического производства, в том числе как социального института, в повседневность. Таким образом, уже на этом примере мы подходим к главной проблеме нашего исследования: как публика, компетентная в устройстве современной науки, которая расширялась, была склонна воспринимать не просто визуальные произведения, из которых можно извлечь какие-то выводы, но сложно организованные и сложно работающие с пространством изображения, – которые принимаются так же, как достижения науки, со своим режимом времени и собственными критериями, что именно явится «подлинным» и «научно обоснованным».

Такую победу принятия факта сложной организации над эмоциональными режимами реагирования на отдельные образы мы называем протокураторским, исходя из главной задачи кураторства – создания публики, которая не столько самоорганизуется, пусть даже в соответствии с тем порядком, который Бодлер и Беньямин называли «фланёрством», сколько направляется самими условиями существования пространства сложных установок (сооружений), исчерпывающих все возможные смыслы данного места. Такая неопределенная публика должна расширяться благодаря самому своему целенаправленному движению, и в этом смысле она отличается, при многих сходствах, от публики авангарда, которая уже вовлечена в действие.

При этом такой порядок публичности подразумевался проектом Пиранези, который, как показала недавняя его реконструкция Л. Кантор-Казовской [6], представлял собой гротескную попытку вычесть греческий элемент из исторической римской архитектуры и тем самым превратить любое восприятие древности в реализацию ряда отвлеченных идей, таких как идея стиля, конструкции, инфраструктуры и других – которые прежде реализовывались в «бумажной архитектуре», рассчитанной на профессионалов (коллег и заказчиков), а теперь стали частью нормы публичного восприятия любого специфического визуального объекта. Применяя методологию Кантор-Казовской к русскому пиранезианству, мы вскрываем, в какой мере в русской литературе советского периода стал возможен не просто переход от «бумажной архитекту-

ры», от воображаемых пространств, к анализу реальной публичности, но соединение, часто парадоксальное, режима индивидуального воображения и режима публичного действия структуры, вызывавшее свои споры и недоумения.

Основная часть

Впервые имя Пиранези как способ обозначить впечатление от лестничных площадок и внутренностей здания появляется в романе Г. Алексеева «Зеленые берега» (1984), где с эффектами Пиранези сравнивается «Золотистая пыль в узком оранжевом солнечном луче» [1, с. 149] – что более чем удивительно, учитывая черно-белую графику *темниц* и лабиринтов Пиранези. Но это связано с общим смыслом эпизода, исследованием того, насколько последовательность аффектов позволяет человеку утратить контроль над собой, забыться, и тогда возвращение контроля над аффектами требует воспринять цвет как способ отчетливо переживать вполне сюрреалистический опыт лестницы, и тем самым сохранить над собой контроль. Когда имя Пиранези названо, то вопрос о кураторском превосходстве структуры над индивидуальными эмоциями, и непосредственном переживании уже структуры, а не эмоции ввиду визуальных образов, с наличием непременного эксперимента с оговоренными условиями, уже решен. Но нас интересует то, как стало возможно это превосходство, когда оно было еще проблемой, а не решением.

В советской культуре существовало более раннее пиранезианство, точнее, эстетика прощания с бумажной архитектурой в пользу особого публичного эффекта реальности, которое могло не осознаваться именно как подражание данному художнику, но следовало из особых предпосылок отдельных писателей. Мы рассматриваем два самых ярких примера такого пиранезианства, и оба раза они связаны с городом на Неве и укоренены в «петербургском тексте»: это видение Михайловского замка, которое отстаивала Мариэтта Шагинян в начале 1950-х, и проект памятника Ломоносову на стрелке Васильевского острова, экфрасис которого дала поэтесса-реэмигрантка Мария Вега уже во второй половине 1970-х, когда она вернулась в СССР и провела остаток дней в основанном ее крестной матерью Марией Гавриловной Савиной Доме ветеранов сцены.

Следует отметить ряд сходств между обеими писательницами: символистская генеалогия и позднесимволистская поэтика стихов, принятие советской культуры как народной и разделяемой большинством потенциальных читателей, а не как части собственного литературного проекта, определенная игра с массовой культурой и умелое использование ее штампов (скажем, шпионский детектив «Месс-Менд» Шагинян и романс «Институтка», который принято приписывать Веге, и который по образности ничем не противоречит ее устойчивой поэтике), восторженное внимание к музыке, архитектуре и пластическим искусствам, бытовая честность на протяжении всей жизни, несмотря на идеологические уступки, и наконец, переживание масштабного строительства как чего-то очень живого, даже интимно существенного.

Наша гипотеза состоит в том, что перед обеими писательницами встал вопрос, как соединить режимы ностальгии, неизбежные в центре Ленинграда, где всё уже построено и всё имеет свой собственный культурный смысл, размещенный в прошлом, с общим патетическим переживанием необходимости новых строек как народного дела. Такое соединение и давало гротескные образы, которые можно назвать пиранезиевскими, которые исходят из того, что проектный характер Петербурга должен быть сохранен, но новый тип компетентной публики требует полного отказа от тех образов и культурных ассоциаций, которыми славится Петербург, в пользу постоянной реконструкции замыслов, постоянного возвращения к начальному проектному характеру города, к концепту, который все время проясняет себя. И в случае Шагинян, и в случае Веги это был своеобразный платонизм, принимавший именно проектирование Петербурга за подлинную сущность Петербурга и переживаемый прямо здесь и сейчас – такой подход Шагинян и вызвал гнев философа Михаила Лифшица, с его строгим историзмом и антиплатонизмом, который увидел в оптике Шагинян пример своеобразной бесхозяйственности, неумение видеть в структуре хозяйство, поддерживаемое специалистами, а не публики.

В развернутой и нашумевшей рецензии на книгу путевых дневников Шагинян философ постоянно возмущался тем, что писательница, видя те или иные явления в хозяйстве из окна автомобиля или при беглом разговоре, быстро создает схему, иногда с привлечением консультантов, – но всякий раз эта схема не работает, оказывается непроизводительной, банальной, упрощенной или ошибочной, так что практические выводы из нее только повредили бы делу. Явно Лифшиц видел в этих дневниковых записях нечто противоположное настоящей философии, которая, всматриваясь в явления, подбирая нужный метод, осторожно экспериментируя, и позволяет понять действительные процессы и улучшить их. Не является исключением и поездка по Ленинграду, где, как считает Лифшиц, Шагинян показывает незнание истории архитектуры.

Шагинян писала, что закрытый главный фасад не существовал в начальном проекте замка, что этой «крепостной замкнутости» в проекте Росси «не было» [8, с. 166], что архитектор проектировал открытую аллею, и хвалит современных ленинградских архитекторов, превративших пространство перед дворцом в публичное, что они «сняли стену, прорезали ход к Инженерному замку и открыли садик для народа». Для Шагинян это изменение пространственной среды и есть настоящее исполнение замысла архитектора – замена любых закрытых пространств открытыми, а значит, и возможность напрямую непосредственно соприкасаться с историей. Лифшиц считает, что Шагинян спутала Михайловский замок и Михайловский дворец – но на самом деле Росси руководил и засыпкой каналов и организацией пространства вокруг дворца, так что права была Шагинян, а не Лифшиц, говоря, что проект Росси подразумевал создание единого и не рассекаемого никакими оградами пространства.

Лифшица [7, с. 230] раздражало панибратство писательницы с историей, и поэтому он изложил свою

реконструкцию истории Михайловского замка. Он как раз был открытым с самого начала: «Он стоял как бы на острове, открытый со всех сторон», когда не были засыпаны Церковный и Вознесенский каналы. Рост деревьев, затенивших замок – необратимый процесс, а желание Шагинян видеть «еще молодую, широкую аллею, помолодевший облик мрачного замка» – это простое мечтательство, никак не отвечающее собственным законам истории, где публичное пространство усложняется и становится другим, чем оно было раньше. «Дать ему [замку] столько света в настоящее время не представляется возможным». Получается, что если Шагинян исходит из того, что публичное пространство можно в любой момент восстановить, поскольку образцы и свидетельства говорят об общей идее дворца как идее открытости, то Лифшиц замечает, что замок строился как крепость, и поэтому любое отношение к этому памятнику прошлого будет иметь дело с идеей замкнутости, а не разомкнутости, и только достоверное и точное знание прошлого, всех обстоятельств строительства и работы замка, позволит нам самим не впасть в эту замкнутость, вредную для хозяйства.

Но интересно, что Лифшиц считает, что когда замок был на острове и система каналов отделяла замок и горнверк с памятником Петру от города, тогда он и получал больше всего света. Лифшиц мыслит живописно и антипиранезиански, исходя из того, что возможность представить замкнутый предмет – это и есть возможность видеть его с наибольшей наглядностью. Тогда как Шагинян выступает как пиранезианка – она исходит из того, что любая замкнутость, любая ограда делает замок более мрачным. Лифшиц считает, что стеной Шагинян назвала хозяйственную ограду, и придумывает свою историю, что этот забор не имел отношения к архитектуре, он функционален и никак не связан с восприятием архитектуры. Лифшиц и говорит, что Шагинян «плохо разбирается в дворцах» – иначе говоря, принимает какие-то отдельные операции по реставрации объекта за действительные режимы существования объекта. Тогда как в оптике Шагинян, наоборот, всё функциональное и хозяйственное входит в готовую конструкцию, что вполне отвечает современной реконструкции идеи *темниц* Пиранези [6], обозначенной в нашем Введении.

При этом Лифшиц считал, что «[д]ворец, построенный для удовлетворения рыцарских претензий Павла, имел вид крепости с внутренним двором, подобием готического шпиля и подъемными мостами через рвы, наполненные водой». На самом деле, крепостная функция вовсе не требовала никакого специфического готического стиля: каркасный шпиль не имеет ничего общего с каменными шпилями настоящей готики. Но общая культурная легенда о замке как мрачном и запутанном сооружении, наподобие рыцарских замков, оказывается здесь сильнее реальных наблюдений над тем, как этот замок устроен, в котором анфилада парадных залов и зеленый тронный зал меньше всего напоминают залы в орденских замках, действительно для собрания рыцарей, но соответствуют стандарту дипломатических приемов конца XVIII века. Тогда как, бесспорно, Шагинян, несмотря на непродуманность многих замечаний в путевых заметках, обладала несравненно большей культурной интуицией, чем ее критик: она исходила из того, что дворец XVIII века имеет общую схему, а любое обновление территории, от Росси до наших дней, и позволяет увидеть замок в соответствии с некоторой общей идеей дворца. В этом смысле, Лифшиц, конечно, противник любого такого доверия к обновлению как «модернизма», исходящий из того, что в истории всякая новая форма становится неповторимой, что возвращения к прошлому нет, что бы в истории ни происходило.

Мария Вега, вернувшись в СССР и обосновавшись в Доме ветеранов сцены, основное внимание уделяла локальной мифологии этого дома, но думала и о Ленинграде как особом месте памяти и забвения. Ее гимн Ломоносову заканчивается экфрасисом циклопического сооружения, которое, судя по размещению, должно занять часть Васильевского острова, в том числе вобрав в себя Университет:

Быть может, Ленинград, наш верный друг,
Отдаст свой долг Великому Помору, –
На Стрелке будет выстроен помост
И к саркофагу поведут ступени,
Чтобы лежал, челом касаясь звезд,
Крестьянский сын, великий русский гений.
И толпы потекут к нему тогда
Со всей земли для низкого поклона…
Темна, темна летейская вода,
И у причала спит ладья Харона [3, с. 254].

Этот пример бумажной архитектуры нужен поэтессе опять же, чтобы противопоставить открытое закрытому, футуристическую установку-мавзолей – усыпальнице Александро-Невской Лавры, где ученому приходится лежать «у летейских вод» «среди великосветской черни», то есть противопоставить старой публичности эмоций новую публичность пиранезиевского типа, с постоянно переизобретаемыми и обновляемыми как бы архетипическими формами архитектуры. Но общим образом для реальной и воображаемой усыпальницы оказывается образ Леты, забвения среди дождей и непогод, могил «Изъеденных дождями и веками» – бумажная архитектура может быть осуществлена только в перформативном жесте, и Ломоносов остается на своем кладбище. Едкие дожди в стихотворении Визи, вероятно, пришли из «Лаодамии» Иннокентия Анненского, где Гермес предвосхищает свое будущее как религиозного факта, необходимого для интерпретации культуры, как свое будущее в Петербурге и общее будущее Петербурга и Летнего Сада:

Когда веков минует тьма и стану
Я мраморным и позабытым богом,
Не пощажен дождями, где-нибудь
На севере, у варваров, в аллее
Запущенной и темной.

Конечно, идея музея-обсерватории как наиболее продуктивного места памяти, и создающего правильную перспективу развития наук, высказывалась многими мыслителями от Афанасия Кирхера до Н.Ф. Федорова. Также очевидны аллюзии и на хрестоматий-

ное «Все флаги в гости будут к нам» и «во лбу звезда горит», и на образ человека как микрокосма, способного своим гением не только познать мир, но и подчинить стихии. Но важно, как устроено это сооружение: к нему можно прийти пешком, подражая Ломоносову, но сам ритуал подразумевает некоторую исключительность события, которой все оказываются причастны. Таким образом, пиранезиевское и антипиранезиевское начало оказываются примирены, а не разведены как в случае спора Шагинян и Лифшица, в том, что все архетипическое в архитектуре объявляется уже необходимой частью переживания Петербурга, переприсваивается в таком протокураторстве петербургскому тексту, где есть дожди, печаль, замыслы и целый космос культуры.

На самом деле, такой конфликт между пиранезианским и антипиранезианским видением Петербурга был предопределен еще опытами XIX века, такими как знаменитый очерк В.Ф. Зотова [5], долгое время приписывавшийся (в том числе А.А. Блоком) Аполлону Григорьеву. Согласно Зотову, Петербург представляет собой особый тип публичного пространства, как раз делающего невозможной простую прогулку как перемещение на дальние расстояния. Этому мешают особенности инфраструктуры, начиная с устройства мостовых: «Для красы или какой-нибудь другой тонкой цели, о которой мы не догадываемся, они посыпаются еще сверху толченым кирпичом, который при малейшем ветре засыпает глаза прекрасною пылью, а при дожде марает платье очень эффектного цвета грязью» (Там же, с. 38). В этой фразе замечательно соединение двух оптик: свободной прогулки, когда вдруг неожиданный ветер и может нанести пыль в глаза, и вынужденного передвижения под дождем, когда гулять особенно не хочется. Таким образом, перед нами мир частого вынужденного передвижения, в котором просто инфраструктура не позволяет передвигаться до конца свободно, и пиранезианство полного принятия Петербурга как сложной инфраструктуры публикой уравновешивается антипиранезианством неприятных эмоций.

Другое противоречие очерка Зотова – рассуждение о разнообразии или однообразии петербургских улиц. Зотов говорит, что петербургские улицы не больше похожи друг на друга, чем Пекин на Варшаву или Калькутта на Царевококшайск (нынешнюю Йошкар-Олу). Но чем они отличаются, если везде «желтые стены с красными крышами», если «какой-нибудь эксцентрик окрашивает их замысловатою краскою светло-лосиного или гнедо-розового цвета, то это где-нибудь на Песках или в отдаленных линиях Петербургской стороны»? (Там же, с. 35) Получается, что основанием различения становится не сама архитектура, а ее лабиринтная общая структура, необходимая для крупного города, та сложная сеть магазинов и складов, делающая передвижение по любой улице движением по замкнутому пространству. Зотов каталогизирует запахи города, которые только как-то и могут дать представление о невидимой конфигурации магазинов и складов, непрозрачной и пугающей. Таким образом, утверждается, что пиранезианство может существовать на уровне не проектов, а интуиции, вроде нюха, что, конечно, сближает его не с бумажной архитектурой, а с той общечеловеческой интуицией мироздания, где вдруг рядом будут Пекин и Варшава, где циклопизм окажется просто необходимой частью высказывания этой интуиции, как это и происходит у Веги в строках, переносящих Ломоносова из мира кладбищенской помпезности в мир всемирного архитектурного воображения.

Согласно Зотову, единственным публичным пространством Петербурга оказывается мост, что сразу напоминает помост в стихах Веги: на нем люди едят, встречаются, покупают товары, разговаривают, любопытничают, сморят на реку как на зрелище – Зотов иронически сравнивает мосты с римским форумом. Но при этом форум, вполне в духе Лифшица, указывающего на поздние дворцовые заборы, сравнивается с пространством у хозяйственного забора, прагматического сооружения, которое и позволяет нам понять необратимость истории. Зотов говорит, что если торговля или общение не удаются на мосту, они вполне получаются около забора, который тоже оказывается и местом зрелища (глядеть сквозь щели), местом посиделок рядом, торгового обмена и долгой остановки зевак. Тем самым оказывается, что здесь Зотов мыслит как Лифшиц, который видел в практической ограде свидетельство того, что никакого публичного пространства создать невозможно усилием воображения, можно только зафиксировать действительную социальную жизнь в этот период, но при этом поддерживает скорее позицию пиранезианскую, где всё же само это ограниченное пространство может поддерживаться архетипической архитектурной структурой, а не историческими знаниями.

И когда речь заходит о белых ночах, Зотов мыслит как раз скорее как Шагинян, видя в этом явлении возможность молчаливой мысли, которая вопреки повседневной суете города и может осуществиться как некоторое обособленное и обновленное видение каждого предмета, как музыкальности города. Романтическая экстатичность выстроена здесь не прямо, а от противного, в противопоставлении суете жаркого делового дня, и иконическое видение ночи, что всё замерло, позволяет выстроить и особое чувство обновления и мысли, и жизни, возможность проникать мыслью до любого предмета в городе и понимать, насколько он стал ясным именно в данный момент. «Не схватить никакому живописцу тех чудных красок и цветов, которые переливаются на небе, отражаются в реке, как на коже хамелеона, как в гранях хрусталя, как в поляризации света. Не переложить музыканту на земной язык тех глубоко проникнутых чувством звуков, поднимающихся от земли к небесам и снова, по отражении их небесами, падающих на землю» [5, с. 46]. Таким образом, именно цветные нюансы помогают понять, как устроен сам предметный мир города, прежде казавшийся загадочным, что вполне отвечает тому пиранезианству Алексеева, с которого мы начали.

Выводы

Итак, мы можем сказать, что русское пиранезианство было немыслимо в той мере, в какой был мыслим петербургский текст или вообще текст культуры,

в котором каждый момент памяти обладает своим режимом, и нет общей нормы публичности, которая подчинит себе все воспоминания. При этом оно появилось не в рамках социального проектирования авангардного типа, а в своеобразном археоавангарде вроде бы не самых замечательных авторов из писавших об архитектуре, но исходивших из того, что существует корреляция публичного признания и обновления и что публичное признание не может быть сведено даже к самому лучшему набору эмоциональных реакций окружающих. Думая о расширяющейся публичности, рассматриваемые авторы и пришли к пиранезианскому пониманию архитектурного замысла, как отражающего не столько эпоху или индивидуальность архитектора, сколько некоторую архетипическую идею. Этот платонизм мог оспариваться взвешенной философской критикой, как в случае полемики Лифшица против Шагинян, но он оказывался незыблемым, если ни в чем не противоречил общему видению Петербурга как места переменчивых настроений, каждое из которых поддерживается возвращением к архетипическому архитектурному замыслу и внеисторическим созерцанием Петербурга как всемирного города, как в стихотворении Веги. Такое видение было задано еще в XIX в. в очерке Зотова и при этом оказалось востребовано на разных этапах кризиса петербургского текста. Перспектива данной работы – анализ петербургской прозы последних четырех десятилетий, в диапазоне от Нины Катерли до Аллы Горбуновой, с пониманием степени пиранезианства разных изводов «фантастического реализма».

Литература

1. Алексеев, Г. Зеленые берега / Г. Алексеева. – Санкт-Петербург : Новый Геликон, 1996. – 381 с.
2. Варшавский, А. С. Пелика с ласточкой / А. С. Варшавский // Химия и жизнь. – 1967. – № 3. – С. 18–24.
3. Вега, М. Ночной корабль: стихи / М. Вега. – Москва : Водолей, 2009. – 518 с.
4. Дьяков, Л. А. Странные картины Джузеппе Арчимбольдо / Л. А. Дьяков // Химия и жизнь. – 1975. – № 11. – С. 54–56.
5. Зотов, В. Ф. Заметки петербургского зеваки / В. Ф. Зотов // Заметки петербургского зеваки : очерки. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. – С. 30–46.
6. Кантор-Казовская, Л. Современность древности: Пиранези и Рим / Л. Кантор-Казовская ; авторизованный пер. с англ. Кирилла Асса. – Москва : Новое литературное обозрение, 2015. – 368 с.
7. Лифшиц, М. А. Дневник Мариэтты Шагинян / М. А. Лифшиц // Новый мир. – 1954. – № 2. – С. 206–231.
8. Шагинян, М. С. Дневник писателя / М. С. Шагинян. – Москва : Советский писатель, 1953. – 509 с.

A.V. Markov

PIRANESI'S AESTHETICS IN RUSSIAN LITERATURE: PROTOCURATION OF PUBLIC SPACE

Although there was no systematic perception of Piranesi's legacy as a constructive aesthetic program in Russian literature, the need to reconcile the classicist image of St. Petersburg with the avant-garde's claims to inventiveness sometimes led writers to (re)imagine spaces reminiscent of Piranesi. The article examines two examples of such Russian Pyranesianism: the dispute between the writer Marietta Shaginyan and the philosopher Mikhail Lifshits about the style of the *Mikhailovsky Castle* and its adjacent space and the poetic ekphrasis of Maria Vega of a possible monument to Lomonosov on the Spit of *Vasilievsky* Island. A.V. Markov analyses the limitations in the vision of the architectural complexes of St. Petersburg by all the authors, which demanded to develop a compensatory version of «paper architecture» close to Piranesi's aesthetics. It is proved that the assimilation of Piranesi's aesthetics was determined by the complication of ideas about *public space* and the structural contradictions of the literary description of the public of complex spatial compositions, so that the meanings of Pyranesianism were restored by the very order of description in a kind of virtual curatorship, taking some sense from the Petersburg text of Russian culture.

Piranesi, protocuration, commemoration, ekphrasis, paper architecture, public, aesthetics of architecture, Petersburg text.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1

Н.Ю. Баженов
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева

ТРАДИЦИОННАЯ ЭТИКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ОБРАЗНОЙ СЕМАНТИКЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ РЕЧИ)

Настоящая статья посвящена исследованию соотношения семантических признаков наименований речи в русских говорах. Особое внимание уделяется метафорическим наименованиям: связи образной и лексической семантики; метафорического значения и его лексического воплощения. Автор обосновывает закономерную связь смыслового наполнения образа и значения лексических и фразеологических наименований, обнаруживаемую при лексико-семантическом варьировании метафоры, не только логикой метафоризации, но и этическими установками традиционной культуры русского народа. При этом влияние традиционной этики на картину мира диалектного социума проявляется широко: не только в ярко образной внутренней форме слов и фразеологизмов, но и в лексическом наполнении семантического макрополя речи в русских говорах.

Диалект, русские народные говоры, лексическая семантика, метафора, языковая картина мира, речь.

Обширное поле наименований, относящихся к речи, детально исследовано на материалах как литературного языка, так и отдельных говоров. В то же время недостаточно изучены междиалектные связи в лексике и фразеологии на всей территории распространения русского языка и его говоров. Причин тому несколько. Во-первых, сам сбор материала для диалектологического исследования (особенно в полевых условиях) ориентирован на конкретный говор или группу говоров и нацелен на изучение языкового ландшафта конкретного региона.

Вторая причина кроется в ограниченности методического аппарата структурно-семантических исследований диалектной лексики. Эта ограниченность может быть не заметна при описании диалектных систем в пределах отдельной местности (края, области, района, населенного пункта и т.д.), однако отчетливо проявляется при расширении ракурса исследования, когда в фокусе оказывается лексика говоров разных территорий, при этом говоры могут различаться в типологическом отношении и не быть генетически связаны. И хотя единство языкового сознания русскоговорящих не вызывает сомнения, исследователи испытывают недоверие к понятиям «макросистема», «диалектный язык», которые не имеют коммуникативной реализации, в отличие от реализуемой в речи, но «относительно замкнутой системы» конкретного говора [1, с. 191–200].

Мы придерживаемся определения, предложенного О.Д. Кузнецовой и Ф.П. Сороколетовым: диалектная макросистема – это «…совокупность микросистем <…>, которая характеризуется чертами, отличающими в пределах данной макросистемы одни микросистемы (или группы их) от других» (Там же, с. 464]. В лингвистическом отношении общность русских диалектов и их связь с литературным языком является следствием их генетического родства и взаимосвязи в ходе исторического развития [1, с. 199].

Однако синхронное описание диалектной лексики и фразеологии с выделением категории макросистемы сталкивается с объективными трудностями, касающимися определения ядерно-периферийного структурирования семантического поля. Невозможно представить объективную картину частотности употребления собственно диалектных слов и фразеологизмов на всем пространстве русского языка. В связи с этим исследователь вынужден руководствоваться несколько условным критерием определения степени ареальной представленности ЛФЕ. Это, впрочем, вполне удовлетворительно для решения задач диалектологических исследований, в центре которых традиционно оказываются собственно диалектные единицы, непосредственно отражающие региональную специфику говора, но в большинстве своем относящиеся к пассивному словарному запасу или вовсе не известные молодому поколению жителей обследуемых регионов – а значит, слабо представленные в реальной речевой коммуникации.

Более того, собственно диалектные номинации оказываются в центре внимания благодаря самой методике исследования. Так, первые десятилетия XXI века ознаменовали появление работ с применением сравнительно новых для диалектологии лингвокогнитивных методов. Диалектная лексика и фразеология предстает репрезентантом национальной картины мира в ее изначальном, традиционном, архаическом варианте. По мысли Т.И. Вендиной, «в языке именно традиционной духовной культуры лежит то исконно

русское, что определяет ее национальное своеобразие» [2, с. 13].

В частности, исследователи обращают внимание на функционирование метафор в диалектных номинациях – например, в работах [3; 4]. Главной категорией и единицей описания языкового материала становится метафорическая модель, центрируемая образом – концептом, регулярно воспроизводимом при образовании метафоры [5, с. 20].

Более широкий аспект исследования охватывает воплощение в народной речи важнейших культурных концептов, к которым в русской культуре, помимо прочих, относится и *слово*. Этот концепт с точки зрения русского языкового сознания слово «представляет собой культурное творение, которое нельзя объяснить, не обращаясь к истории народа, его традициям и религии» [2, с. 13].

Именно наличием значительных напластований прагматического, социокультурного и морально-этического характера объясняется сложность семантической структуры диалектных ЛФЕ, сочетающаяся с выразительной, ярко образной внутренней формой. Именно внутренняя форма наименования, как утверждает Т.И. Вендина, «позволяет понять те субъективные мотивы, которые послужили толчком для языкового словотворчества, и вместе с тем выявить общие закономерности мышления людей, принадлежащих одной и той же эпохе, поскольку субъективные мотивы, как правило, репрезентируют более общие, объективные закономерности» (Там же, с. 12).

Мы осуществили описание структурных связей в диалектной лексике и фразеологии на примере обширного макрополя наименований речи, которое включает свыше 6500 вариантов[1] лексико-фразеологических единиц (ЛФЕ). Являясь продуктом сложного психологического процесса – речевой деятельности – и элементом речевой коммуникации, в денотативном плане речь содержит большое количество ситуативных признаков, которые могут служить основой для чрезвычайно разветвленной семантической дифференциации. Однако при наличии большого количества вариантов классификации признаков денотата семантические структуры поля речи в литературном языке и говорах в целом идентичны[2].

Специфика диалектных парадигм речевых обозначений заключается не в количественном преобладании коннотативно нагруженных ЛФЕ, составляющих периферию поля (6280 ЛФЕ, 96%)[3], а в семантическом наполнении конкретных групп наименований, отражающих значимые содержательные и коммуникативные признаки речи.

В частности, важнейшими критериями социальной оценки речи являются соответствие истине, актуальность и смысловая наполненность речи, уместность (адекватность условиям, в которых протекает речевая ситуация), коммуникативное намерение говорящего, проявляемые в речи отношения между участниками общения. При этом в количественном отношении превалируют наименования «ненормальной» речи, отклоняющейся по тем или иным признакам от представления о «правильном» речевом поведении (6051 ЛФЕ, 94,5% от общего количества проанализированных единиц).

Обращает на себя внимание сближение внешних (артикуляционно-акустических) качеств речи с признаками, отражающими ее содержание и особенности речевой ситуации в целом (взаимоотношений говорящего и второго участника речи, нацеленности/ненацеленности на общение, коммуникативных намерений говорящего, эмоциональной составляющей речи, коммуникативных конфликтов, уместности/неуместности высказывания). Отмечаемая в семасиологических исследованиях (например, [6, с. 36]), эта особенность оказывается принципиально важной для осмысления логики метафоризации, при которой значимыми оказываются признаки речи, обрисовывающие ее тональность с различных сторон – и в плане звучания, и в плане содержания, и с точки зрения речевой коммуникации.

Одними из типичных путей концептуализации речи в говорах являются *предметная, зооморфная, физиологическая, пространственная* и некоторые другие виды метафор, такие как *образ путаницы, беспорядка* и *образ физического противостояния*. Предметный интерес представляет **предметно-звуковая метафора**, так как, по нашим наблюдениям, данная образная модель характеризуется развитым лексико-семантическим варьированием.

Суть предметно-звуковой метафоры заключается в том, что слова, развивающие значение речевого действия при вторичной номинации, в прямом значении с говорением не связаны, а имеют денотативную связь со звуками, издаваемыми предметами различной субстанции (твердой или жидкообразной).

Источниками звука, информация о котором содержится в первичном плане семантики диалектной ЛФЕ, могут быть:

а) звон металлического предмета (часто – колокола или маленького колокольчика, а также бубна, бубенцов): вят. **колоко́лить** ‘говорить, болтать, слишком громко разговаривать’ (ОСВГ, вып. 4, с. 72); яросл. **как громоту́шка греметь** ‘очень громко разговаривать’ (ЧРДФ, с. 160);

б) стук (деревянных или иных неметаллических предметов, стук молота о наковальню): самар. **клепа́ть** ‘лгать, сплетничать; наговаривать, клеветать на кого-либо’ (ТССГ, с. 158); сиб. **бо́тало базарное** ‘болтун, пустомеля, врун, сплетник’ (ЧРДФ, с. 157), где *бо́тало* – ‘деревянный звонок; колокольчик, побрякушка из железа или меди; колокольный «язык»’ (Там же);

в) звук струнного музыкального инструмента: **бря́нчать** ‘настойчиво просить что-либо’ (арх.; ср. **бря́нчать** ‘бренчать; бренчать по струнам’, влад.,

[1] Единицей подсчета избран лексико-семантический вариант (ЛСВ), поскольку в макросистеме говоров одна и та же ЛФЕ зачастую фиксируется в значениях, формулировки которых не совпадают буквально.

[2] Подробное описание структуры поля речи приводится в работе [7].

[3] В литературном языке преобладание периферийных зон, наполненных коннотативно окрашенной и стилистически маркированной лексикой (которая при этом характеризуется низкой частотностью употребления), среди наименований речевого общения отмечает М.В. Шаманова [8, с. 57].

Даль) (СРНГ, вып. 2, с 231); **затрéнькаться** ‘заиграться на балалайке’ (Даль), ‘заговориться, заболтаться’ (вят., Даль) (Там же, вып 11, с. 105);

г) звучание барабана: волог. **барабáнить** ‘пустословить’ (СГРС, т. 1, с. 44); орл. **барабáниха** ‘о женщине, которая говорит очень много и быстро’ (*Ну барабаниха, как у барабан бьёть*) (СОГ, вып. 1, с. 60);

д) скрежет, дребезжание, скрип, треск, постукивание (телеги и др.): твер. **дрезженéть** ‘издавать неприятный звук, дребезжать’, ‘говорить без умолку, перебивать в разговоре других; трещать, тараторить’ (СРНГ, вып. 8, с. 182); иркут. **трещать, как старая телега** ‘о том, кто много говорит, ворчит’ (*Ну что ты целыми днями трещишь, как старая телега?*) (ЧРДФ, с. 164).

При этом издаваемый твердым предметом звук может быть образован в результате колебания самого предмета или физического воздействия извне, в частности, колебания или удара, ср.: **тарантéть** ‘дребезжать, вибрировать’ (забайкал.), ‘говорить быстро, торопливо, тараторить’ (курск.) (СРНГ, вып. 43, с. 278), с одной стороны, с другой – **бя́кать** ‘стучать, ударять, колотить’ (*Бякай молотилкой лён-от*. Арх.), ‘говорить’ (*Бякать я не могу сегодня – голова шибко болит.* Волог.) (СГРС, т. 1, с. 199).

Причиной образования звука может быть падение (удар предмета о землю): ***бýркать*** ‘бросать, кидать; кидать, бросать с силой, так, чтобы брошенный предмет падал с шумом; падать с шумом’ (перм., костром., пск., нижегор., симб., пенз., тамб., курск. и др.), ‘вертеть что-либо с силой и шумом’ (Даль), ‘произносить, говорить; тихо говорить’ (арх., пск., твер., калуж.) (СРНГ, вып. 3, с. 289).

Анализ показал, что наиболее частотна предметно-звуковая метафора при обозначении речи по содержательному признаку – объему сказанного и по акустическому признаку – громкости. Эти же признаки способны актуализироваться наряду с другими:

а) ‘громко’ + ‘много’: **бубанеть**, **дрезженеть**, **лещать**, **как громотушка греметь**;

б) ‘громко’ + ‘много’ + ‘не по делу’: **тарабанить**;

в) ‘громко’ + ‘быстро’: **балабóнить** (в знач. ‘быстро и громко говорить’); **тарабанить** (в знач. ‘громко, крикливо и быстро говорить’);

г) ‘много’ + ‘быстро’: **выщёлкивать**, **застрекотать**, **дрезженеть**, **заторить, барабаниха**;

д) ‘много’ + ‘не по делу’: **тарантúть** (в знач. ‘болтать, много говорить попусту’); **звонарить**, **в звóны бить**;

д) ‘много’ + ‘не по делу’ + ‘ложь’: **как бубено болтать**, **ботало базарное**;

е) ‘много’ + ‘ворчание’: **трещать как старая телега**;

Кроме того, семантически диффузными являются признаки:

1) в акустическом плане – ‘быстро’ + ‘невнятно’: **балабóнить** (в знач. ‘говорить быстро и невнятно’);

2) в содержательном плане:

а) ‘хвастовство’ + ‘ложь’ + ‘сплетни’: **бýхвóстить** (в знач. ‘сплетничать’, ‘хвастать, врать’;

б) ‘ложь’ + ‘пустословие’: **балабóлить** (в знач. ‘болтать, пустословить; врать’); **брякотýн**, **брякотýша**, **брякотýшка** ‘врун, врунья, пустомеля’;

в) ‘ложь’ + ‘сплетни’ + ‘клевета’: самар. **клепáть** ‘лгать, сплетничать; наговаривать, клеветать на кого-либо’;

г) ‘ложь’ + ‘вздор’ + ‘невпопад’: **сгрóхать** (в знач. ‘сказать невпопад, некстати, не подумав’, ‘сказать большую небылицу, что-нибудь вздорное, нелепое’, ‘соврать, солгать что-либо; сказать явную неправду’).

Наличие переноса по звуковой аналогии закономерно именно при выражении акустико-физиологического аспекта говорения, поскольку именно в таком случае актуализируется интегральная сема ‘звучание’. Однако, как показал анализ материала, предметно-звуковая метафора продуктивна и для выражения содержательного и коммуникативного аспектов речи. По-видимому, в восприятии диалектоносителей ложь, сплетни, пустословие, ворчание равнозначны не просто неоправданному шуму, мешающему окружающим. Примеры слов с компонентами значения ‘сплетни’, ‘клевета’ (самар. **клепáть** ‘лгать, сплетничать; наговаривать, клеветать на кого-либо’ (ТССГ, с. 158); пск., твер. **звонюга** ‘сплетница’, … СРНГ, вып. 11, с. 223) демонстрируют актуализацию семы ‘слышный многим’. Следовательно, распространение шума (информации), может быть невыгодным для кого-либо. Пустословие характеризуется метафорой механического звучания для подчеркивания того, что в содержательном отношении такая речь не представляет ценности. Так, в самар. **шармáнка** ‘сплетница’ можно выделить семы ‘механический (звук)’, ‘слышный многим’, и, по-видимому, ‘праздный’, ‘бесполезный’. Распространение ложной информации, информации, касающейся третьих лиц, и пустословие в традиционной культуре не вызывают одобрения.

Таким образом, предметно-звуковая метафора задействуется преимущественно при номинации признаков, которые мыслятся как отклоняющиеся от представления об «идеальной» речи.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Речь – значимый объект осмысления и оценки в русской традиционной народной культуре. При этом диалектный материал можно рассматривать как важное дополнение к общей картине образного моделирования ситуации речи в русском языке.

Источники

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / под редакцией В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. – Киров, 1996–2008. – Вып. 1–5.

СГРС – Словарь говоров русского Севера. – Екатеринбург, 2001–2009. – Т. 1–4.

СОГ – Словарь орловских говоров : учебное пособие по русской диалектологии. – Ярославль, 1989–1991. – 160 с. – Вып. 1.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / главные редакторы Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург, 1965–2014. – Вып. 1–47.

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. IV. / под редакцией Т. В. Кирилловой, Л. Н. Новиковой. – Тверь : ТГУ, 2005. – 191 с.

ТССГ – Баженова, Т. Е. Тематический словарь самарских говоров / Т. Е. Баженова. – Самара : СГСПУ, 2020. – 192 с.

ЧРДФ – Алексеенко, М. А. Человек в русской диалектной фразеологии : словарь / Алексеенко М. А., Литвинникова О. И., Белоусова Т. П. – Москва, 2004. – 238 с.

Литература

1. Сороколетов, Ф. П. Избранные труды / Е. Ф. Сороколетов. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 477 с.
2. Вендина, Т. И. Слово в языке традиционной духовной культуры / Т. И. Вендина // Мир русского слова. – 2016. – № 4. – С. 12–18.
3. Блинова, О. И. Образная лексика русского языка / О. И. Блинова, Е. А. Юрина // Язык и культура. – 2008. – № 1. – С. 5–13.
4. Сомова, Ю. Ю. Особенности диалектной метафоры / Ю. Ю. Сомова // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2016. – № 9–10 (113).
5. Илюхина, Н. А. Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты : коллективная монография / Н. А. Илюхина, И. А. Долгова, Н. О. Кириллова. – Самара : Самарский университет, 2016. – 188 с.
6. Бессонова, Ю. А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах / Ю. А. Бессонова // Филологические науки : Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 1 (8) – С. 33–37.
7. Баженов, Н. Ю. Лексико-семантическое поле «Речь» в русских говорах : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Баженов Н. Ю. – Самара, 2019. – 24 с.
8. Шаманова, М. В. Русская коммуникативная лексика: состав, семантика, употребление : монография / М. В. Шаманова. – Ярославль : ЯрГУ, 2013. – 292 с.

N.Yu. Bazhenov

TRADITIONAL ETHICS AND ITS REFLECTION IN THE FIGURATIVE SEMANTICS OF A DIALECT WORD (ON THE MATERIAL OF SPEECH-ACT VERBS)

The article studies the correlation of semantic features of speech-act verbs in Russian dialects. Special attention is paid to the metaphorical aspects: the connections between figurative and lexical semantics; metaphorical meaning and its lexical representation. According to the author the logical connection between the semantic content of the image and the meaning of lexical and phraseological units is based not only on the logic of metaphorization, but also on the ethical attitudes in the traditional culture of the Russian people. The influence of traditional ethics on the worldview of a dialect society is widely manifested: not only in the vividly figurative internal form of words and phraseological units, but also in the lexical content of the semantic macrofield “Speech” in Russian dialects.

Dialect, Russian folk dialects, lexical semantics, metaphor, language world view, speech.

УДК 81.161.1'373.2+81'27

Н.В. Бубнова
Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Российской Федерации
им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В УЧЕБНЫХ ЛИНГВОКРАЕВЕЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОГО МАТЕРИАЛА)

В статье предлагается подход к описанию антропонимической лексики в региональном (смоленском) ономастическом словаре и демонстрируется способ представления содержания ассоциативно-культурного фона антропонима как заголовочной единицы. Главным критерием определения единиц словника словаря является вхождение онима в состав общеобязательных региональных фоновых знаний, основным методом выявления которых послужил масштабный ассоциативный эксперимент, по результатам которого была сформирована электронная База данных, включающая 1212 онимов. На основе критериев частотности и распространенности в структуре фоновых знаний смолян были выделены ядро, периферия и единичные реакции, что нашло отражение в ядерно-периферийной организации макроструктуры словаря. На уровне микроструктуры словаря выделяются зона предметных сведений, зона языковых сведений и зона дополнительных сведений, объем и содержание которых диктуются индивидуальными свойствами описываемого онима, в частности антропонима.

Языковая личность, имя собственное, фоновые знания, ассоциативно-культурный фон, антропоцентрическая лексикография, лингвокраеведческий словарь.

Одной из характерных особенностей отечественной лингвистики конца XX – начала XXI века является так называемый «лексикографический бум». Доказательства такого суждения содержатся в работе В.Д. Черняк, которой было проанализировано 2600 словарей и выявлено, что бóльшая их часть издана или переиздана в последние 20 лет [5, с. 172]. Как отмечают исследователи, «лексикографический бум рубежа веков отмечается многими исследователями как один из ключевых признаков современной лингвистической и – шире – социокультурной ситуации». Не случайно М.А. Кронгауз назвал один из своих очерков в книге «Русский язык на грани нервного срыва» «Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить» [3, с. 45]. На наш взгляд, одной из определяющих причин возросшего интереса исследователей к лексикографированию является то, что высокие темпы развития современного информационного общества обусловили актуальность разработки способов структурирования и представления знаний с учетом особенностей их функционирования и использования, и одной из эффективных форм систематизации и языкового оформления знаний является именно словарь.

Особо востребованными в начале XXI века на фоне общих антропоцентрических тенденций лингвистики являются словари антропоцентрического типа. Идеи антропоцентричности по отношению к словарному делу обозначены в работах В.Г. Гака, Л.А. Новикова, Ю.Н. Караулова, В.В. Морковкина, В.П. Беркова, П.Н. Денисова, В.И. Зимина, Л.П. Крысина, Г.Н. Скляревской и многих других отечественных лингвистов второй половины XX века.

Лексикографирование имен собственных представляет собой особую отрасль антропоцентрической лексикографии. На фоне приоритетного внимания лексикографии к терминологической и общеупотребительной лексике длительное время была особенно заметна почти полная неохваченность лексикографированием ономастических единиц. В работе «История русской лексикографии» (под редакцией Ф.П. Сороколетова) представлен подробный анализ русских лексикографических источников, начиная с глоссариев X–XVII веков и заканчивая лексикографией XX века (БАС и МАС). В результате анализа авторы приходят к выводу о том, что собственные имена были лишь единично представлены в некоторых источниках, а в целом они «остались за пределами словарей» [2, с. 370].

На современном этапе развития ономастики, когда имя рассматривается как своего рода культурный знак, очевидно то, что «наличие у имен собственных многопланового национально-культурного фона, группового и индивидуального, предполагает необходимость его выявления и лексикографического отражения. Особенно явственно такая необходимость выступает при описаниях языка, ориентированных на учебные цели, что обусловлено рядом причин. Во-первых, имя собственное является одним из основных, наряду с термином, языковых носителей информации. Во-вторых, полноценное усвоение информации, сопряженной с данным именем собственным, несомненно, предполагает усвоение ассоциативно-культурного фона (АКФ) имени» [4, с. 200–201].

По результатам исследования имен собственных в структуре региональных фоновых знаний смолян (см. подробнее: [1]) нами разрабатывается учебный лингвокраеведческий словарь имен собственных. Словарь посвящен описанию ключевых имен Смоленского края, сквозь призму которых история, география,

культура Смоленщины предстают в живом воплощении. Новизна предлагаемого словаря определяется уже тем, что отбор имен собственных, включенных в словарь, производится на основании широкого ассоциативного эксперимента, в результате которого были выявлены имена собственные, которые сами смоляне устойчиво связывают с понятием Смоленщина. В эксперименте приняли участие 1650 респондентов, различных по возрасту, уровню образования, профессии и другим показателям предварительного анонимного анкетирования. При обработке полученного материала была создана электронная База данных, включающая 1212 онимов-реакций (13 471 употребление).

Важной особенностью словаря является его комплексный характер: в структуре словарной статьи объединены сведения о носителе имени (предметная информация) и лингвистическое описание самого имени собственного (языковая информация). Таким образом, из словаря можно не только узнать основные биографические, историко-культурные, географические данные о носителе имени, но и уточнить особенности ударения, словоизменения, словообразования, происхождения имени собственного. Кроме того, многие словарные статьи дополняются иллюстративными текстами смоленских авторов, списком литературы для чтения и т.д., что расширяет познавательную емкость словаря.

В Словаре представлены наиболее значимые смоленские онимы различных разрядов: названия административных территорий Смоленской области (25 современных районов) и их центров, названия основных рек, озер, населенных пунктов, событий, памятных мест и др., а также имена известных людей, родившихся на Смоленщине или так или иначе связанных со Смоленским краем.

Особенностью структуры словарной статьи является выделение в ней нескольких словарных зон: зоны предметных сведений (ПС), зоны языковых сведений (ЯС), зоны дополнительных сведений (ДС).

Предметная зона словарной статьи включает сведения о носителе имени и строится в соответствии с типом и статусом заголовочной единицы. Элементами языковой зоны являются: акцентологическая, грамматическая, словообразовательная характеристики имени и сопутствующие сведения (о переходе имени собственного в разряд нарицательных, о его фразеологической ценности, об этимологии и др.). В зоне дополнительных сведений приводятся иллюстративные тексты (преимущество отдается смоленским авторам), литература для дополнительного чтения, другие сведения, входящие в ассоциативно-культурный фон имени.

Тип словарной статьи определяется характером заголовочной единицы, степенью ее информативности и местом в структуре той культурно-исторической сферы, к которой принадлежит имя собственное. Топонимам и антропонимам соответствуют два типа базовых словарных статей, различающихся степенью полноты характеристики заголовочных единиц.

В структуру ПС словарной статьи, где заголовочной единицей выступает антропоним, входят следующие позиции: время и место (если оно связано со Смоленщиной) рождения, род деятельности носителя имени; основные события, сопутствующие биографии; произведения; указание связи со Смоленским краем.

К числу ЯС об антропонимах относится указание: формы родительного падежа, образованного от антропонима имени прилагательного (имени существительного), этимологии антропонима. В составе фразеологического гнезда (после знака ♦ – темный ромб) могут приводиться высказывания носителя имени, которому посвящена словарная статья.

Дополнительные сведения (ДС) расширяют ассоциативно-культурный фон имени. Здесь могут быть отсылки к другим словарным статьям, имеющим отношение к носителю данного имени, фрагменты произведений, посвященных носителю имени, литература для дополнительного чтения и т.д.

В качестве примера приведем словарную статью, описывающую «смоленского соловья России», – М.В. Исаковского (иллюстративный материал (портретное фото), который предполагается в словаре, опущен; курсивом выделены имена собственные, являющиеся отдельными заголовочными единицами словаря):

ИСАКО́ВСК|ИЙ Михаи́л Васи́льевич (1900–1973)
ПС: Поэт, Герой Социалистического труда (1970). Родился в деревне Глотовка ныне Угранского района *Смоленской области*. Сам поэт так писал о своем детстве:

…Есть во Всходском районе деревня такая,
Где оставил я детство свое.
И, куда б я ни шел, мне звучал, не смолкая,
Теплый ласковый голос ее…

В Смоленской губернии, в хате холодной,
Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля – бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно было счастье – по будням ненастье,
По будням ненастье, а в праздники – дождь…

После окончания начальной школы учился в гимназии, но из-за тяжелого материального положения ушел из 6-го класса и начал работать. После Октябрьской революции был секретарем волостного Совета. С 1919 года работал редактором газеты в *Ельне*. С 1921 по 1930 год работал в редакции смоленской газеты «Рабочий путь». С 1931 года жил в Москве. Писать начал в школе. В Смоленске вышли три книжки стихов, но началом своей литературной деятельности Исаковский считал 1924 год, когда были напечатаны стихотворения «Подпаски», «Родное» и др. В 1927 году в Москве вышла книга «Провода в соломе», которую высоко оценил М. Горький. Многие стихи Исаковского стали народными песнями: «Прощание», *«Катюша»* (1939), «Огонёк» (1943), «Враги сожгли родную хату» (1946), «Одинокая гармонь» (1945) и др. В 1978 году вышли воспоминания «На Ельнинской земле». В 1987 году опубликована поэма «Сказка о правде» о хождении русского крестьянина за счастьем. По форме и языку поэзию Исаковского отличают ясность, народность и музыкальность.

ЯС: *род.* Исако́вск|ого Михаи́л|а Васи́льевич|а, *м.* ♦ Советская Россия! Родная наша мать! Каким высоким словом мне подвиг твой назвать?; Летят перелетные птицы ушедшее лето искать, Летят они в жаркие страны, а я не хочу улетать. А я остаюся с тобою, родная моя сторона, Не нужно мне солнце чужое, чужая земля не нужна!

Этим. Первоначально фамилия М.В. Исаковского звучала как Исаков (от имени Исак, Исаак), однако старший брат поэта, работник исполкома, выписывая документы на имя брата, изменил фамилию на Исаковский (распространенность фамилий на -ский издревле является отличительной чертой Смоленщины и Белоруссии) (Ю.А. Федосюк).

ДС: *См. ткж.* **Музей имени М.В. Исаковского, Памятник М.В. Исаковскому, Улица Исаковского.**

Тексты

«Да, я родился и вырос на Смоленщине. И хотя я прожил там в общей сложности меньше, чем в других местах, земля смоленская и до сих пор остается для меня самой близкой, самой родной. И это не потому, что я меньше люблю ту большую, великую землю, которую все мы называем своей матерью – Родиной – Родиной с большой буквы… Дело тут, по-видимому, в другом. Места, где я родился и вырос, кажутся мне самыми родными и незабываемыми потому, что там как бы осталась часть моей жизни, часть меня самого. Там – в этих смоленских местах, родилось и возникло то, что потом стало целью моей жизни, – возникла моя поэзия. Это она, смоленская земля, дала мне свои думы, свои напевы, свои слова, свои краски» (М.В. Исаковский).

М.В. Исаковский. На Ельнинской земле (1969).

Такая организация словарных статей позволяет использовать словарь как справочное пособие для выяснения правильного написания, произношения и употребления имени собственного и его производных (в том числе – в составе фразеологических единиц в их широком понимании), а также для получения общих сведений о носителе данного имени. Словарь может быть средством повторения и обобщения предметных знаний по различным школьным дисциплинам. Дополнительные возможности для этого предоставляет включение в Словарь алфавитного и тематического указателей.

Словарь предназначен для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Смоленщины, он может использоваться как своего рода практический путеводитель по Смоленскому краю.

Литература

1. Бубнова, Н. В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. В. Бубнова. – Смоленск, 2011. – 285 с.

2. История русской лексикографии / под редакцией Ф. П. Сороколетова. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 610 с.

3. Козырев, В. А. Словари в меняющемся мире / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Язык в меняющемся мире : межвузовский сборник статей. – Киров : ВятГГУ, 2013. – С. 44–49.

4. Максимчук, Н. А. Ассоциативно-культурный фон личных имен и его лексикографическое отражение / Н. А. Максимчук // Идеи христианской культуры в истории славянской письменности. – Смоленск : СГПУ, 2000. – С. 200–205.

5. Черняк, В. Д. Стратификация языка в зеркале словаре / В. Д. Черняк // Стратификация национального языка в современном российском обществе. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2013. – С. 172–177.

N.V. Bubnova

PECULIARITIES OF THE DESCRIPTION OF ANTHROPONYMIC VOCABULARY IN EDUCATIONAL LINGUISTIC REGIONAL AND CULTURAL DICTIONARIES (ON THE SMOLENSK MATERIAL)

The article proposes an approach to the description of anthroponymic vocabulary in the regional (Smolensk) onomastic dictionary. It also suggests how to represent the content of the associative-cultural background of an anthroponym as a headword. The main criterion for selecting the vocabulary for the dictionary is whether the onyms are included into the compulsory regional background knowledge or not. The main method to identify it was a large-scale associative experiment, which resulted in the formation of an electronic database containing 1212 onyms. Based on the criteria of frequency and prevalence in the structure of the background knowledge of Smolensk residents, the nucleus, periphery and single reactions were identified. It is reflected in the nuclear-peripheral organization of the dictionary macrostructure. The microstructure of the dictionary distinguishes the zones of subject, linguistic and additional information. The volume and content of the zones depend on the specific features of the described onym, or the anthroponym in particular.

Linguistic identity, proper name, background knowledge, associative and cultural background, anthropocentric lexicography, linguistic regional and cultural dictionary.

УДК 811

Ю.Н. Ильина
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

СПОСОБЫ ТОЛКОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ В АВТОРСКОМ СЛОВАРЕ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00593 «Грани духовного наследия Усть-Цильмы: фольклор, книжность, язык (новые источники)»

Материалом для статьи стал авторский словарь жителя Усть-Цилемского района Республики Коми. В статье на примере наречий, осмысляемых диалектоносителем как местные слова, выявляются и описываются ведущие способы их толкования. Такими способами является предъявление парадигматических и синтагматических связей лексем. Наречия в авторских комментариях обнаруживают прочную сочетаемость с глаголами главным образом конкретной семантики, которые последовательно фиксируются в неначальной форме, что позволяет, в том числе, составить представление об идиолекте диалектоносителя.

Наивная диалектная лексикография, печорские говоры.

Лексикографическая практика носителей языка, в том числе диалектоносителей, находится в ряду «классических» объектов внимания лингвистов. Выявление в ходе экспедиции или работы в архиве авторского словаря и знакомство с ним получает свое логичное продолжение в его разноаспектной характеристике [Бондаренко, 2016; Казакова, 2012; Шевченко, 2011]. При этом словари непрофессиональных лексикографов, в том числе в основной своей единице – в словарной статье, сочетают универсальные и индивидуально-авторские черты, что делает ценным обращение к каждому выявленному словарю такого типа.

Материалом для настоящей статьи послужил рукописный словарь местных слов, составленный Леонидом Федоровичем Соловьевым, 1934 года рождения, жителем с. Замежная Усть-Цилемского района Республики Коми, которое расположено на левом берегу реки Пижмы, притоке Печоры [Бунчук, 2008]. Фотокопии словаря и аудиозаписи устных авторских комментариев к нему хранятся в Усть-Цилемском собрании Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина.

Словарь – это особый жанр дистанционного общения его автора с читателями, который, ориентируясь на адресата, дает справку о том или ином факте языка и прежде всего – толкует его значение. Способ семантизации лексической единицы в авторском словаре обусловлен рядом факторов. Так, он зависит от типа языковой личности, сформированной местом рождения и проживания, полученным образованием, родом занятий и т. д. Очевидными ориентирами при выборе стратегии толкования слова становятся также заложенные в самом лексическом значении его аспекты. Маркерами при комментировании слова могут стать три составляющие лексического значения: собственно значение слова, его значимость в системе языка и функционирование. Наконец, важным фактором в выборе способа истолкования значения является тип лексической единицы: ее частеречная принадлежность, семантические особенности и др.

Остановимся на небольшой по количеству, компактной и потому удобной, на наш взгляд, для демонстрации основных способов толкования значений группе слов, оцениваемых Л.Ф. Соловьевым как диалектные, – на наречиях.

Одним из мыслительных действий по истолкованию значения слова, совершаемых автором словаря, является классифицирование: малоизвестное или неизвестное адресатам местное слово поясняется более известным или общеизвестным словом, тождественным или близким по значению. Ср.: *нато́дель – постоянно*; *мо́диком – т.е. постепенно*; *ковды́ле – когда-то*; *осене́сь – прошлой осенью*; *лани́ – прошлым летом или годом*. Для достижения точности и полноты объяснения, которое было бы понятно любому адресату, автор словаря иногда приводит не один, а пару литературных синонимов и/или синонимических выражений: *е́водека – тут, здесь*; *наусторо́нне – в стороне от всех, с глаз подальше*; *нато́дель – постоянно или всё время*; *ёмче – ловчее, удобнее*; *ди́вно – много, многовато*; *до́сталь – вдоволь, досыта*; *хро́быско – быстро очень, яростно* и др.

Единично, при толковании наречия *ланесь*, автор словаря опирается еще на один тип системных отношений в лексике – гипо-гипонимический: в объяснении наречия литературное синонимическое выражение *прошлое время* как родовое получает в скобках видовые уточнения через приведение ряда однородных лексических единиц тематической группы «время» *(неделя, м-ц, полгода, год, два...)*.

В грамматической структуре русского языка наречие имеет прочные связи прежде всего с глаголом: наречие призвано сообщать определенные характеристики различных элементов ситуации, которая преимущественно обозначается глаголом. Эта базовая характеристика наречий предопределяет следующий способ их толкования в словаре Л.Ф. Соловьева: литературный синоним объясняемой диалектной лексемы предъявляется не изолированно, но вместе с гла-

голом или глагольной группой в синтагматической последовательности. При этом литературное слово или словосочетание, тождественное или близкое по значению диалектному наречию, как правило, находится в таких толкованиях в препозиции относительно глагола: *стяпушо́м – ч/з край наложили*; *неторопко – бежит, течёт не быстро*; *зама́нно – до́лго делать что-то*; *ёмче – ловчее, удобнее*; *ёмче – ловчее, удобнее работать с ней или с ним* и др.

Обратим внимание на то, что в авторском толковании двух последних описанных диалектных лексем использована форма глагола, отвечающая принципам составления профессиональных словарей, – инфинитив: *делать*, *работать*. Этот факт, вероятно, может свидетельствовать об уровне образованности автора словаря, его возможном знакомстве с вариантами словарного описания. Вместе с тем, отличия в работе по толкованию наречия *ёмче* профессионального лексикографа и непрофессионального составителя словаря очевидны: первый указывает наречие в начальной форме, в форме положительной степени сравнения – *ёмко*, а второй – в форме сравнительной степени, очевидно, руководствуясь принципом частотности употребления в речи, – *ёмче*.

Ориентированность составителя авторского словаря при толковании слова на его реальное использование, предъявление его в живой речи проявляется и во встречающейся в подавляющем большинстве словарных статей форме глагола, к которому примыкает наречие: это не инфинитив (как в приведенных выше двух словарных статьях), а форма 3-го лица настоящего времени или мужского или женского рода единственного числа прошедшего времени. Отмечен один пример, когда в толковании использована форма 2-го лица единственного числа простого будущего времени: *На спу́тье – вдоль дороги там по пути увидишь*.

Нередки случаи, когда одна лексема толкуется в словаре несколько раз, с использованием обоих из описанных способов: собственно синонимического и комбинированного, с предъявлением еще и глагольной формы, отражающей личный речевой опыт говорящего: *га́мозом – гуртом, сообща*, *га́мозом – гуртом (вместе, скопом)* и *га́мозом – всей кучей бегут*.

Субъективность дефиниций в авторском словаре диалектоносителя, апелляция к личному опыту составителя словаря проявляется при выборе не только формы глагола, к которому примыкает объясняемое наречие (форма не начальная, не абстрактная), но и семантической группы этого глагола: почти всегда это глагол конкретной семантики (глаголы речи, движения и пр.). Глагол абстрактной семантики *делать/сделать* в толковании местных слов встречается редко. Покажем это на примере вариантов объяснения наречия *хро́быско*. Наряду с синонимическим способом толкования: *хробыско – быстро очень, яростно* – Л.Ф. Соловьев использует и второй из описанных выше вариантов объяснения – комбинированный: *хро́быско – резко дёрнул* и *хробыско – резко дернул (что-то* сделал *резко)*. Только в последнем примере в скобках толкователь приводит добавочное, второстепенное замечание, переводящее комментирование слова на уровень обобщения, но не окончательно – глагол *сделать* употреблен в форме прошедшего времени, «оживляющем» и это объяснение.

Способы и само содержание толкований наречий, представленных в словаре Л.Ф. Соловьева, позволяют составить представление об идиолекте диалектоносителя – совокупности формальных и стилистических особенностей, свойственных его речи как отдельного носителя языка. Например, характеризующей речь автора словаря может быть сочетаемость наречия. Так, наречие *внаро́к* устойчиво соединяется им в словаре во всех вариантах толкования с глаголами движения: *внаро́к – специально пришел; приехал; специально заехал; специально пошла туда; специально поехал*. Иллюстративная зона словарной статьи для слова *внарок*, представленная в Словаре русских говоров Низовой Печоры, дает несколько иной ряд глаголов, к которым примыкает толкуемое наречие: не только *ездить*, но и *запускать (корову)*, *посылать*, *ставить (жердь)*, *созвать (женку)* [СРГНП, т. 1, с. 77]. Подобная разница в сочетаемости обозначает речевые стереотипы носителя языка, позволяет составить портрет слова в индивидуальном употреблении.

Таким образом, оптимальными для автора словаря местных слов способами толкования наречий являются способы, отражающие их парадигматические и синтагматические связи. Значение слова представляется как элемент зафиксированной в сознании носителя языка системы синонимических (единично – иерархических) связей слов и их сочетательностных способностей. При этом предпочтительной, ведущей при интерпретации наречия оказывается демонстрация его сочетаемостных возможностей с глаголом.

Особенность толкования слов в дневнике Л.Ф. Соловьева, на наш взгляд, заключается в комбинации субъективно-личного и научного[1] (регламентированного) комментирования лексем. В авторском словаре местных слов получают реализацию универсальные лексикографические принципы: принцип множественности описаний одного и того же круга явлений языка и речи, принцип ориентированности на адресата (представителя другой лингвокультуры) и принцип полноты описания. Кроме них способы толкования лексем воплощают личный речевой опыт диалектоносителя.

Источники

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры. Санкт-Петербург : Филологический ф-т СПбГУ, 2003– 2005. Т. 1–2.

Литература

1. Бондаренко, Е. Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бондаренко Е. Д. – Екатеринбург, 2016. – 371 с.

[1] Эта установка получает свое подтверждение в названии, которое Л.Ф. Соловьев дает перечню местных слов в окончательной редакции: «Лексика местного изречения – говора. 1976 год, 2001–2018 гг. Леонид Федорович Соловьев». Название включает элементы научного описания: термин «говор», используемый для пояснения словосочетания «местное изречение», а также указание на автора-составителя словаря и годы работы над ним.

2. Казакова, Е. Д. Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект / Е. Д. Казакова // Народная лингвистика: взгляд носителей языка на язык : тезисы докладов Междунарной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 г.). – Санкт-Петербург, 2012. – С. 26–28.

3. Шевченко, Е. В. Толкование значения слова как форма выражения метаязыкового сознания диалектоносителя / Е. В. Шевченко // Вестник Омского университета. – 2011. – № 1. – С. 152–155.

4. Бунчук, Т. Н. Старинная пижемская лексика, собранная Л. Ф. Соловьевым: к вопросу о языковом сознании диалектоносителя / Т. Н. Бунчук // Русское слово: литературный язык и народные говоры : материалы Всероссийской научной конференции (Ярославль, 25–27 октября 2007 г.) / отв. ред. Т. К. Ховрина. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2008. – С. 84–90.

Yu.N. Ilyina

INTERPRETATION OF MEANINGS IN THE AUTHOR'S DICTIONARY OF A DIALECT SPEAKER

The article deals with the author’s dialect dictionary compiled by a resident of the Ust-Tsilemsky district of the Komi Republic. The analysis of adverbs, considered by the dialect speaker as local words, results in the detection and description of such methods of their interpretation as presentation of paradigmatic and syntagmatic relations of lexemes. The author's comments to the dictionary reveal a strong compatibility between adverbs and verbs, mainly of specific semantics. The fact that the verbs are presented in finite forms helps to get the idea of the idiolect of the dialect speaker.

Naive dialectal lexicography, the Pechora dialects.

УДК 811.161.1

Ю.В. Коренева
Московский государственный областной университет

СЛОВА С КОРНЕМ -СВЯЩ- В СЛОВАРЕ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ

Слова с вариантом корня *-свящ-*, входящие в этимолого-словообразовательное гнездо праславянского корня **svęt-*, включают в себя 30% единиц, сохранивших свою активность в современном русском языке. Словарь И.И. Срезневского как исходный исторический словарь русского языка фиксирует древнюю лексику, сравнивая которую с современным состоянием русского языка, можно делать выводы о семантическом развитии как отдельных слов, так и слов целого гнезда. Из 15 современных единиц данного гнезда в статье сопоставляется древняя и современная лексикографическая семантика четырех слов, два из которых сохраняют древнюю семантику неизменной, при этом одна лексема терминологична, одно слово расширяет со временем свой семантический объем, один производящий глагол имеет позднее происхождение.

Корень -свящ-, семантика, религиозный дискурс, словарь, И.И. Срезневский.

Этимолого-словообразовательное гнездо и.-е. корня *k'uen-to в двух русских рефлексах *-свят-* и *-свящ-*, восходящих к праславянскому **svęt-*, в современном русском языке представлено рядом лексем, которые, во-первых, имеют, как правило, книжный стилистический статус, во-вторых, дискурсивно детерминированы – принадлежат религиозной сфере – и, в-третьих, отличаются вполне устойчивой в диахроническом плане семантикой. Как показало наше статистическое исследование слов данного гнезда, словарь И.И. Срезневского насчитывает 104 единицы данного гнезда, которые распределяются по корневым морфам неравномерно: для варианта *-свят-* дано 46 единиц, для варианта *-свящ-* дано 56 единиц [1]. В ряд слов с корнем *-свящ-* в словаре И.И. Срезневского (Срезневский) входят такие слова[1], как: *несвященный*, *новосвященный*, *освящати*, *освящение*, *освященный*, *посвящание*, *просвященный*, *пресвященный*, *свящати*, *священник*, *священнический*, *священнованый*, *священноделатель* + *священнодетель*, *священнодети*, *священнозижитель*, *священнокрадение*, *священноокрадный*, *священнолепно*, *священномученик*, *священноначалие*, *священноносие*, *священноносица*, *священноокрадник*, *священноподобно*, *священнопроповедник*, *священнословие*, *священнослужитель*, *священноученик*, *священноучити*, *священнотаибник* + *священнотаинник*, *священнотайный*, *священноумервщляти*, *священноявитель* + *священноявленник*, *священноявленно*, *священноявленный*, *священный*, *священничество*, *священнодиаконский* + *священнодиаконская*, *священнодостояние*, *священнодействовати* + *священнодетельствовати*, *священноинок*, *священский*, *священствие* + *священство*, *священствовати*, *священие*, *священнейшество*, *сосвященник*, *всесвященный*, *священноучение*, *священноиноческий*.

Знаком + отмечены словообразовательные варианты с идентичной семантикой, без них количество слов с этим корнем сокращается до 50, в сопоставлении с единицами корня *-свят-* распределение корневых вариантов примерно равное. Это может свидетельствовать о том, что оба корня в своих словообразовательных возможностях примерно одинаковы, несмотря на то, что вариант *-свящ-* деривационно вторичен.

При анализе перечня слов с корнем *-свящ-* видно, что в современном русском языке из этого списка в употреблении той или иной степени активности осталось несколько слов, о чем свидетельствуют данные современных словарей русского языка (БТС; МАС): *освящать*, *освящение*, *освященный*, *священник*, *священнический*, *священномученик*, *священнопроповедник*, *священнослужитель*, *священный*, *священничество*, *священнодействовать*, *священский*, *священство*, *священствовать*. Слова *священие*, *священноначалие*, *священноинок*, *священноиноческий* не фиксируются толковым словарем, но даны на портале «Грамота» (Грамота) как единицы словаря орфографического, что может свидетельствовать о востребованности понимания их письменного использования как слов устаревших. Отдельного внимания заслуживает лексема *посвящание*, которая в таком варианте в современном языке не функционирует, нужно говорить о варианте *посвящение*. Таким образом, из 50 слов из словаря И.И. Срезневского с этим корнем в современном русском языке (с учетом некоторых исторических формальных трансформаций) функционирует 30% (всего 15 единиц), следовательно, язык с течением времени, во-первых, избавился от дублетных вариантов, во-вторых, из него исчезли те слова, потребность в которых снизилась до нуля, и, в-третьих, появились на базе этого же корня новые слова, вошедшие в русский лексикон, например *преосвященство* как титулование епископа (БТС).

[1] Лексемы из словаря даются в современной графике, за исключением одной графемы, специфика которой объясняется далее.

Те единицы, которые остались в употреблении, и представляют интерес с позиций исторической семантики: изменилось ли со временем и как изменилось значение таких слов. Подобное исследование может подтвердить или не подтвердить гипотезу о семантической консервации слов религиозного дискурса. Слова с корнем *-свящ-*, как было сказано выше, дискурсивно детерминированы, т. е. являются частью русской религиозной концептосферы и частотны в своем употреблении, как правило, в текстах религиозной сферы либо, если религиозная семантика в употреблении таких слов не актуализирована, в контекстах книжных, стилистически маркированных.

Также важно обратить внимание на семантические отношения и лексический статус некоторых лексем выделенной группы: лексемы *священник* и *священнослужитель* между собой синонимичны. Слова в группах (1) *освящать*, *освящение*, *освященный* и (2) *священник*, *священский*, *священнический*, *священство*, *священничество*, *священствовать* между собой связаны отношениями словопроизводства. Такие единицы, как *священномученик*, *священнопроповедник*, имеют статус терминологических номинаций в церковной сфере, собственно, как и *священник* и проч. В связи с этими обстоятельствами можно сузить круг исследования и определить в качестве объекта два глагола *освящать*, *посвящать*, прилагательное *священный* и существительное *священник* с его синонимом *священнослужитель*. Сравнив лексикографическую интерпретацию значения этих слов в словаре И.И. Срезневского и современных толковых словарях, можем получить первичную картину семантического развития или семантической константности каждого слова.

В словаре И.И. Срезневского лексема *священный* объясняется через обобщенное понятие ‘святой’; через конкретизированное понятие ‘святой’; т. е. ‘об угодниках, принадлежащих к святительскому чину’ и ‘о предметах, касающихся церкви и богослужения’; через представление ‘относящийся к учению православной церкви’ и собственно ‘церковный’ [Срезневский, т. 3, с. 315]. В современном русском языке у слова выделяются значения ‘(1) *религ.* обладающий святостью, признаваемый божественным; священный’; ‘(2) почтительный, благоговейный’; ‘(3) =святой (5–6 зн.) (т.е. глубоко чтимый; незыблемый. – *Ю. К.*)’; ‘(4) неприкосновенный’ (БТС). При сопоставлении лексикографических данных[2] из словаря И.И. Срезневского и Большого толкового словаря русского языка видно, что с течением времени лексема *святой* развила свою полисемию по пути метафоричности, т. е. расширила свой семантический объем, а с учетом использования этого слова вне религиозного дискурса – как раз за счет метафоричных семем и других семантических процессов в языке – вошла в активный русский лексикон. Двойственный грамматический статус лексемы – как прилагательного и как существительного – тоже дискурсивен. *Святой* как существительное принадлежит религиозной сфере. *Святой* как прилагательное используется только в качестве стилистически маркированной книжной номинации в определенных контекстах. Доказательством востребованности и частотности этого слова служат данные Национального корпуса: 56280 употреблений за XIX–XX вв. (НКРЯ).

В словаре И.И. Срезневского лексема *священник* [Срезневский, т. 3, с. 312] семантизируется как ‘священнослужитель’, как ‘иерей, принадлежащий к белому духовенству’, как ‘жрец’, как ‘совершитель священного подвига’. *Священнослужитель* – ‘служитель церкви’ (Там же, с. 314). Так, второе – сложносоставное слово – как дублетный синоним не стоит воспринимать, его лексикографическая семантика более общая, чем у слова *священник*. В современном русском языке *священник* объясняется как номенклатурная единица: ‘духовное звание (сан) в православной церкви, среднее между епископом и дьяконом’ или как ‘служитель культа, исполняющий церковные службы и требы; иерей’ (БТС). *Священнослужитель* – почти идентично: ‘в православной и католической церкви: служитель культа, имеющий духовный сан и отправляющий богослужения и требы’ (Там же). Различия между единицами структурные, семантическая разница – в современном восприятии – незначительна, *священнослужитель* более официальная единица. Таким образом, семантика слова *священник* константна и со временем не изменилась, что связано с терминологичностью слова.

В словаре И.И. Срезневского лексема *освящать* определяется однозначно ‘придавать святость’ [Срезневский, т. 2, с. 715–716]; у производящего глагола *освятить* указываются значения ‘освятить’ (sic!); ‘просветить’; ‘посвятить’; ‘поставить во священство’ (Там же, с. 715). Лексема *посвящать* в словаре отсутствует, есть слово *посвящание* как ‘освящение’ (Там же, с. 1232). В современном языке глагол *освящать* – несов. к *освятить*; *освящение* – действ. по глаголу. Сам глагол *освятить*: ‘(1) совершить церковный обряд придания святости’; ‘(2) *перен. книжн.* сделать почитаемым, священным’ (МАС). Таким образом, *освящать* и *освящение* – это номинации процесса придания святости, по отношению к предметам или событиям, т. е. с древних времен базисная семантика глагола осталась неизменной. Аналогичные отношения словопроизводства наблюдаются и у глагола *посвящать*, это итеративная форма к *посвятить*, имеющего значения ‘(1) осведомить о чем-л. тайном, сделать причастным к чему-л’; ‘(2) предназначить, отвести под какую-л. деятельность’; ‘(3) сделать что-то в честь кого-, чего-л. ’; ‘(4) возвести в звание, сан’ (БТС). Показательно отсутствие глагольной пары *посвятить – посвящать* в словаре И.И. Срезневского, также эти единицы отсутствуют в Словаре 11–14 вв. [СДРЯ, т. 7, с. 242]; в Словаре XI–XVII вв. есть единицы *посвятить* и *посвящать* [СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 157], но иллюстративные примеры датированы с 1628 по 1687 гг. Это свидетельствует о том, что данные лексемы закрепились в языке поздно.

В дальнейшем предполагается исследовать по той же схеме соотношение лексикографических данных словаря И.И. Срезневского с другими историческими словарями русского языка, включая и слова с корнем

[2] Лексикографические данные других исторических словарей русского языка намеренно выведены за пределы исследования в целях более контрастного представления итогов, но привлекаются в некоторых случаях.

-*свят*-, устанавливая в пределах данного этимолого-словообразовательного гнезда как специфику отношений между его единицами, так и диахроническую специфику их вхождения в русский лексикон.

Источники

БТС – Большой толковый словарь русского языка: А–Я / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с. – URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 17.06.2021). – Текст : электронный.

Грамота – Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех. – URL: http://gramota.ru/ (дата обращения:17.06.2021). – Текст : электронный.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы. 1999. – URL: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240 (дата обращения: 17.06.2021). – Текст : электронный.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 18.06.2021). – Текст : электронный.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Т. 1–12. – Москва, 1988–2019 (издание продолжается).

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. М., 1975–2019 (издание продолжается). – URL: http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii (дата обращения: 18.06.2021). – Текст : электронный.

Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. – Санкт-Петербург, 1893 [Электронный ресурс]. – URL: http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij (дата обращения: 16.06.2021). – Текст : электронный.

Литература

1. Koreneva, Iuliia. Composition of the word family with the root **svęt-* in historical dictionaries of the Russian language / Iuliia Koreneva // E3S Web of Conferences 210, 21002 (2020). – URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/70/e3sconf_itse2020_21002.pdf (дата обращения: 16.06.2021). – Text : electronic.

Y.V. Koreneva

WORDS WITH THE ROOT -СВЯЩ- IN I. SREZNEVSKY'S DICTIONARY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN HISTORICAL SEMANTICS AND LEXICOLOGY

The words with the root variant -свящ- included in the etymological word family of the Proto-Slavic root * svęt- present 30% of lexical units that have still been active in modern Russian. Being the original historical dictionary of the Russian language the dictionary of I.I. Sreznevsky contains ancient words. After comparing and contrasting them with the modern words, one can draw the conclusions about the semantic development both of single words and of words belonging to the word family. The article deals with the ancient and modern lexicographic semantics of 4 words out of 15 modern lexical units from the word family under consideration. 2 words retain the ancient meanings unchanged, 1 word is terminological, 1 word widens its meanings in the course of time, and 1 derivational verb is of later origin.

The root -свящ-, semantics, religious discourse, dictionary, I.I. Sreznevsky

УДК 81’282.2

Л.В. Недоступова
Воронежский государственный технический университет

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКИХ ПРОЗВИЩНЫХ ИМЕНОВАНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НАРОДНОЙ РЕЧИ

Целью настоящего изыскания становится выявление антропонимических единиц, именующих мужчин по семейным отношениям, материальному состоянию, увлечениям, интересам, особым умениям, званию, месту несения военной службы, членству в организации, уточнение имен-метафор, определение частеречной принадлежности, экспрессивной оценки и продуктивных суффиксов, с помощью которых они образованы, в говоре поселка Высокого Таловского района Воронежской области. Предметом исследования стала речь коренных жителей. В процессе работы рассмотрено 54 прозвища, представленные 5 тематическими группами. Самую многочисленную из них составляют неофициальные имена по особым умениям, малочисленную – по материальному состоянию. Отмечено, что некоторые люди являются носителями 2-х и 3-х прозвищ. Определены именования-метафоры, вызывающие разнообразные ассоциации. Указано, что преобладают антропонимы-существительные, меньше антропонимов-прилагательных. Единично представлены некалендарные имена, выраженные причастием и глаголом. Выявлены продуктивные суффиксы и определена эмоциональная оценка прозвищ.

Народная речь, неофициальное имя, антропоним, прозвище, имена-метафоры.

Введение

Мир имен людей представляет собой особый мир, существующий по определенным законам, связанным с конкретным местом и временем, а также социокультурной средой. В любом обществе он обладает специфической организацией. И если официальные имена даются при рождении и сопровождают человека всю жизнь, то неофициальные имеют иную историю появления, функционирования, особенности.

Обратимся к толкованию терминов, которые будут использоваться в исследовании: «Неофициальный[1] – не имеющий официального значения; лишенный официальности» (3). Антропонимом называют «любое собственное имя (личное имя, отчество, фамилия, псевдоним), которое может иметь человек» (1). Прозвище – это «название, даваемое человеку по какой-нибудь характерной его черте, свойству» (4). Дополним, что «прозвищное имя – личное некалендарное имя, возникавшее из прозвища и выполняющее функцию официального личного имени» (2).

В настоящей работе мы акцентируем внимание на неофициальных именованиях, функционирующих в современной диалектной среде, представляющих интерес для лингвиста.

Следует уточнить, что исследованием антропонимов занимаются многие коллективы и отдельные ученые в разных странах.

Фундаментальную основу для изучения ономастических единиц в России заложили еще А.В. Суперанская [38–42], В.К. Чичагов [46], А.А. Реформатский [34], В.Д. Бондалетов [2–4], В.А. Никонов [24, 25], Н.В. Подольская (5), А.М. Селищев [34] и др.

Известны изыскания по диалектной антропонимике, осуществленные В.И. Тагуновой [44], Н.Т. Поротниковым [30–33], В.А. Флоровской [45], К.Н. Давыдовой [12], Г.А. Архиповым [1], З.П. Никулиной [26–29], Е.Е. Королевой [19], А.Ф. Рогалевым [35], Л.Н. Верховых [6–10], Л.В. Недоступовой [21–23] и мн. др.

Проведенная работа по изучению антропонимии обобщена и в изысканиях наших коллег – болгарских лингвистов: И. Дуриданова, Вл. Георгиева, Л. Андрейчина, Ст. Илчева, Й. Заимова, Н. Ковачева, Ст. Младенова, М. Леонидовой, Р. Русинова, Ст. Георгиева, Т. Стойчева, А. Чолева-Димитровой, М. Ангелова-Атанасовой, Л. Димитрова-Тодоровой, Н. Мичева, М. Москова, Хр. Пырвева, Хр. Тодоров-Бемберски, Г. Христова, П. Чолова, А. Кондукторова-Вылкановой и мн. др. [43, с. 161].

Однако и сейчас имеется необходимость в изучении собственных имен. Об этом говорит Е.А. Москаленко: «Область исследования неофициальных именований является недостаточно изученной и поэтому все чаще становится объектом внимания как российских, так и зарубежных лингвистов, занимающихся изучением антропонимов в различных типах дискурса» [20, с. 114]. Здесь уместно привести и точку зрения Е.Е. Королевой, считающей, что «диалектные прозвища еще недостаточно хорошо изучены и описаны. Современные диалектные словари фиксируют их спорадически» [19, с. 300]. В связи с этим наше внимание акцентируется на народной речи жителей небольшого поселка, находящегося в Центрально-

[1] В роли синонимов для называния неофициальных имен употребляем термины: антропонимы, прозвища, некалендарные именования; для называния говора – диалект.

Черноземной полосе России. Интерес представляют именования лиц мужского пола, зарегистрированные в ходе непосредственного общения автора с представителями старшей возрастной группы. Уточним, что «поселок Высокий сравнительно молод. Он образован в 1922 году в шести километрах южнее Таловой, вблизи дороги, ведущей в Бутурлиновку. Получил свое название по возвышенности <…> Образование поселка связано с последним этапом заселения Воронежского края в начале XX века [11, с. 1–2]. В настоящее время здесь проживает более 1000 человек, отличающихся от жителей соседних населенных пунктов особым трудолюбием и дружелюбностью. Итак, наше очередное изыскание по тематической группе «Человек» проводится в рамках антропоцентрической парадигмы.

Цель и методы исследования

Целью настоящей работы является обнаружение в говоре поселка Высокого антропонимических единиц, именующих мужчин по семейным отношениям, материальному состоянию, увлечениям, интересам, особым умениям, званию, месту несения военной службы, членству в организации, уточнение имен-метафор, определение частеречной принадлежности, экспрессивной оценки и продуктивных суффиксов, с помощью которых они образованы.

Объектом исследования выступают прозвища мужчин. Предметом изыскания стал местный диалект.

При осуществлении изыскания использованы методы: интервьюирование, опрос, наблюдение, описание, сравнение и анализ.

Результаты и дискуссия

Рассмотрим зарегистрированные в высоковском говоре неофициальные именования подробно, сгруппировав их по тематическим признакам.

1. Прозвища по семейным отношениям:

Ба́бушкин, ***Бабу́ня***, ***Бабу́нин*** – ‘прозвище по любви к бабушке’: *Тады́ Вале́рку ба́пка выха́жвала, ради́тили на рабо́ту ра́на и с рабо́ти по́зна*[2]. *У няго́ на у́льцы спра́швають: «Ты чей?» Он гвари́ть: «Ба́бушкин». Вот и прадражни́ли так. А пато́ма уж тут и ста́ли кли́кать Бабуня, Бабу́нин.* ***Ма́мин***, ***Мамэ́лия*** – ‘прозвище по любви к матери’: *Сын мать сваю́ люби́л дю́жа, ва фсём ие́ слу́хал. Да́жи зва́ли яго́ ма́миньтин сыно́к. Када́ падраста́ть стал, нача́ли дражни́ть Ма́мин. А маладёжь падхвати́ла и заву́ть Мамэ́лия.* ***Му́сик*** – ‘прозвище по любви к сыну’: *Ра́ни пасле́душка жале́ли фсе. Вот То́лика ма́тря ласка́ла, называ́ла: «Мой ты Му́ся ма́лентий». А пато́м яго́ фсе так дражни́ть нача́ли – Му́сик.* ***Сла́денький***, ***Сахаро́к*** – ‘прозвище по любви матери к сыну’: *Са́шка Карту́шин пасле́дний у ней ради́лси. И вот ана с ним наси́лася, он краси́вай рос. Как и́дуть с ним па у́льцы, спра́швають, как тибе́ звать, а ма́тря ка́жа: «Сла́денький». Прили́пла к няму́ э́та и́мя. И тут уж по́жжи ста́ли кли́кать и Сахаро́к.* ***Сосу́н*** – ‘прозвище по долгому грудному вскармливанию’: *То́лика тады́ ма́тря до́лга карми́ла гру́дей, он фсё бе́гал за ней, ни хате́л атвыка́ть. Гадо́ф да пяти́ саса́л. Уж и так фсё падря́д ел, и апэ́ть у ма́три прасы́л. Прадражни́ли Сосу́н.* ***Ягоду́син*** – ‘прозвище по любви к сыну’: *Ли́я сы́на сваво́ уж дю́жа жале́ла, хо́лила. Он у ней ади́н, му́жа ра́на ня ста́ла. И вот ана́ причитала́: «Да я́годка ты мая». Ну а на у́льцы услыха́ли, как ана́ заве́ яго́, да и прили́пла Ягоду́син.*

2. Прозвища по материальному состоянию:

Буржуёв – ‘прозвище по богатству и скупости’: *У них в ту вре́мю была́ ла́фка, таргава́ли ани́ крупой. Де́ти бы́ли сы́тыи и нако́рмлиныи. Дражни́ли То́лика Буржуёв, а он Боча́рников.* ***Па́ник***, ***Пани́кин***, ***Па́ников*** – ‘прозвище по благосостоянию’: *Алёха ф сямье́ был ади́н, ани́ ну нужда́лися ни ф чём. У няго́ и адёжка ни така́я, как у ва фсех. И игру́шти бы́ли. Прадражни́ли Па́ником, Пани́киным, Па́никовым.* ***Хохо́л*** – ‘прозвище по благосостоянию и скупости’: *Ми́шка фсю жи́зню при деньга́х. Фсё у няго́ есть, ну жа́дный. Дю́жа ни расшвырне́тца. Хохо́л настая́ший.*

3. Прозвища по увлечениям, интересам:

За́йчик – ‘прозвище по охоте за зайцами’: *Када́ ани́ на Куба́ни жи́ли, он люби́л на ахо́ту за за́йцами хади́ть. Фсяды́ принаси́л дабы́чу. Тут и прадражни́ли За́йчикам.* ***Ко́зырь*** – ‘прозвище по игре в карты’*: Он был зая́длай картёжник, люби́л ка́рты и шуме́л: «Ко́зырь Хре́сти, бей тузо́м». Вот и празва́ли так яго́, а дите́й яго́вых «Казыри́штины», «Казыри́хины».* ***Ни́чка*** – ‘прозвище по игре’: *Игра́ли в расшиба́ли. Кида́ли кру́глаю кало́ду, де́лали чарту́, а за ней де́ньги – пята́к иль три капе́йти. Ни папа́ла, зна́читца пирябра́свать на́да. Вот у няго́ када́ пападда́ла на чарту́, он гвари́л: «Ни́чка». У нас на Куба́ни так гвари́ли: ни чарта́, а ни́чка. Вот яго́ так и празва́ли, а симе́йству яго́ву Ни́чкины.* ***Реза́нец*** – ‘прозвище по игре на гармошке’: *Во́фка как гуля́нка, стака́н вы́пья и дава́й ре́зать на гармо́ни. Вот и палучи́лси Реза́нец.* ***Рыба́к*** – ‘прозвище любителя рыбной ловли’: *Ми́шка тады́ был зая́длым рыбако́м. Фста́ня пара́ни, накапа́я чирве́й и дава́й дёру на пруд за карася́ми. Прадражни́ли Рыба́к.* ***Яро́к*** – ‘прозвище любителя оврагов’: *Люби́л он па авра́гам, па яра́м ла́зить. Асо́бинна када́ вясно́й вада́ разальётца, он ф сапага́х фсе лу́жи пирямéрия. Вот и прадражни́ли Ярко́м.*

4. Прозвища по особым умениям:

Аншéк – ‘прозвище мастера по картёжной игре’: *А тады́ игра́ли в ка́рты на де́ньги. Вот скок рас игра́ють, сток он и выи́гравал. Нихто́ яго́ ня мох абъяго́рить. Ток он фсех апшэ́квал. Вот и прадражни́ли яго́ Аншэ́к, Апшэ́к. Так и да ста́расти он йим был Аншэ́кам.* ***Боксёр*** – ‘прозвище спортсмена по боксу’: *Тады́ в но́вом клу́би была́ се́кция, Во́фка там трыниравáлси. Та́ма и таки́я пярча́тки спица́льнаи бы́ли. У няго́ лу́ччи фсех палуча́лася. Стали кликать Боксёр.* ***Доце́нт*** – ‘прозвище успешного человека’: *Лу́ччи То́лика нихто́ ня мох зде́лать никаку́ю де́лу. Када́ нача́лси разва́л Саю́за, скупа́ли зе́млю, трахтара́. Он, пакэ́дова фсе ду́мали, вязде́ кана́лы нашёл, дагвари́лси, как на́да. И вот табе́: и те́хника у няго́, и паля́ харо́шии, и уража́й бальшо́й. Мо́жа из любо́й ситуа́ции вы́йтить сухи́м. Доце́нт яго́ кли́чка.* ***Е́герь*** – ‘прозвище охотника-любителя’: *Ми́шка Е́герь тады́, как*

[2] В статье используется упрощенная транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный.

ахо́та начне́тца, и лис набье́ть, и на кабана́ хо́дя, и за́йцев застре́ля. Лу́ччи яго́ тут нихто́ ни ахо́тилси. ***Ко́тин*** – ‘прозвище мастера по котлам’: *Када́ нача́ли стана́вить в до́ми у́гальныи катлы́, Вита́лик йих сам вари́л и сам станави́л людя́м. Он дю́жа мастирово́й. Прадражни́ли яго́ Ко́тин.* ***Монтёр*** – ‘прозвище мастера-сборщика машин’: *Во́фка вро́ди невзра́чнинтий, а пагляди́, как учи́лси харашо́. Любу́я маши́ну сабире́ и разбире́. Яго́ лю́ди про́сють, када́ чё пачини́ть тре́баитца.* ***Партиза́н*** – ‘прозвище умевшего хранить тайну’: *То́лик никада́, бува́лача, ничаго́ ни расска́жа. Как маги́ла. Заву́ть Партиза́ном.* ***Понима́ющий*** – ‘прозвище лекаря-самоучки’: *Я́шка тут тады́ скот лячи́л. Как он справля́лси, нииде́ ни учи́лси, ну а ле́карь был ат Бо́га. Прадражни́ли Понима́ющий.* ***Пуля́й*** – ‘прозвище мастера стрельбы’: *Са́шка тады́ стряля́л с друзья́ми из ахо́тничьйига ружьйи́шка. У няго́ палуча́лася лу́ччи иза фсе́х. Как стре́льня, так ни прама́жа. Дра́жнють Пуля́й.* ***Само́шка***, ***Само́ня***, ***Само́шкин*** – ‘прозвище мастера, который всё делает только сам’: *Лёник дю́жа мастирово́й мужучо́к. Он фсяды́ то́ка сам стро́ил, чини́л, никали́ никаго́ ни прасил, ни найма́л. Ба́бы яго́ прадражни́ли Само́шка, заву́ть и Само́ня, и Само́шкин.* ***Тре́нер*** – ‘прозвище мастера игры в футбол’: *Тады́ дитвара́ бяжа́ли на стадио́н, там ганя́ли мяч. Дяли́лися на кама́нды, крича́ть, вишша́ть, дю́жа йим харашо́ была́. А Ми́шка Заха́рич ло́фко игра́л, да фсё патска́звал, как пабяди́ть. Прадражни́ли Тре́нером.* ***Хле́харь*** – ‘прозвище мастера по строительству’: *У Хле́харя фсё па уму́ чё в до́ми пастро́ина, чё ва дваре́. Мастирово́й он, фсё сваи́ми рука́ми. Прадражни́ли Хле́харь, харо́шинтий дядо́к.* ***Чеки́ст***, ***Чека́*** *(ЧК)* – ‘прозвище человека, который всегда впереди (смелый, честный)’: *То́лик Абра́мов па мо́лдасти уж дю́жа сме́лым был, вязде́ он впире́ди, вязде́ на че́сность. Ста́ли дражни́ть Чеки́стом, ну ишшо́ и Чека́.* ***Шама́н*** – ‘прозвище знахаря заговоров’: *Ви́тька люби́тель рыба́лки. Он николи́ никаму́ ни гвари́л куды́ е́дя лави́ть, ну фсяды́ вярта́лси с харошим уло́вам. Яму́ да́ли про́звишшу Шама́н, он знал каки́я-т загаво́ры, бубни́л сабе́ пад нос.* ***Щу́ка*** – ‘прозвище мастера найти выход из любой ситуации’: *Во́фка тады́ ни учи́лси, а спи́ша у рябя́т, и всё прахо́дя. Учи́тель ни заме́тя. И в жи́зни приспасо́билси, вы́йдя хучь аткэ́дова сухи́м. Уме́я жить. Вот пачаму́ да́ли кли́чку Щу́ка.*

5. Прозвища по званию, месту несения военной службы, членству в организации или связанным с этими событиям: Афга́нец – ‘прозвище по службе в Афганистане’: *Ви́тя Ёнин тады́ пе́рвай папа́л на афга́нскаю вайну́. Он, пра́вда, вярну́лси, хоть ра́нитый. А вот с ним ухади́л Ю́рка, э́нтат ни пришёл, уби́ли. С э́нтих пор яго́ ста́ли звать Афга́нец.* ***Бо́цман*** – ‘прозвище по званию на флоте’: *Са́шка папа́л служи́ть на флот, там был бо́цманам на карабле́. Вярну́лси в маря́чти, грудь калясо́м. Прдражни́ли Бо́цман.* ***Генера́л*** – ‘прозвище по встрече с генералом армии на фронте’: *То́лик Чарны́х апасля́ вайны́ вярну́лси при пагонах, хвали́лси чё с сами́м генера́лам здаро́вкалси. Ту́та прадражни́ли Генера́л. Ну он мастирово́й был. Лу́ччи няго́ сунду́к иль две́ри нихто́ ня мох зде́лать.* ***Дуна́й*** – ‘прозвище по службе на Дунае’: *Коли́ в а́рмии служи́л, О́ську перебро́сили на реку́ Дуна́й. Там он и даслу́жвал. Вярну́лси на де́мбиль, а яму́ ма́хом про́звишшу Дуна́й приляпи́ли.*

Капита́н – ‘прозвище по званию’: *Ми́шка димбилизава́лси тады́ капита́нам, на фло́ти служи́л. Пришёл, фся дире́вня яго́ фстрява́ла. Да и мать дажда́лася. Ну тут уж и прадражни́ли Мишку Капита́ном.* ***Комсомо́л***, ***Комсомо́лихин*** – ‘прозвище по членству в комсомольской организации’: *Ра́ни бы́ли камсамо́лы. Камсамо́лы-активи́сты кула́чили багатых. Ерёма был та́ма, вот яго́ и дражни́ли Комсомо́л, Комсомо́лихин.* ***Коммуни́ст*** – ‘прозвище по членству в партии и идеологии’: *Са́шка апасля́ а́рмии сра́зам ту́та фступи́л ф па́ртию. Че́сный чилаве́к, фсяды́ ра́твал за прасты́х, чиб у фсех была́ адина́ква. Фсю жи́зню пражи́л Коммуни́стом.* ***Манд́яр*** – ‘прозвище по службе в армии’: *Мандяро́ф тады́ суды́ сабра́ли ф Хренаву́я, пле́нных афстри́йцаф, румы́наф. Тут йих тыщщ пить́ся́т памёрли. Ани ваява́ли за не́мцаф, йих суды́ сабра́ли ф Хренафско́й лес. И тут ани́ з го'ладу и памёрли… Дани́л ахраня́л э́тих пле́нных, вот яго́ то́жа празва́ли Мандяро́м.* ***Матро́с*** – ‘прозвище по званию’: *То́лик служи́л на фло́ти, на́ пять лет ра́ни атправля́ли. Он был матро́сам, вярну́лси в маря́чки, на главе́ казырёк. Так и дра́жнють яго́ Матро́с.* ***Патру́ль*** – ‘прозвище по обязанности на службе’: *Лёник, када́ служи́л, люби́л хади́ть в патру́ль. На де́мбиль вярну́лси, гвари́л, как он заде́ржвал ади́н престу́пникаф. Ну мужуки́ яго́ и прадражни́ли Патру́ль.* ***Пра́порщик***, ***Пра́пор*** – ‘прозвище по званию’: *О́ська Боча́рников фсю жи́зню прараба́тал в ваенкама́ти, так и дражни́ли Пра́порщиком. Он стипе́ннай был мужи́к. Ну а так яго́ и Прапором кли́кали.* ***Сама́ра*** – ‘прозвище по службе в Самаре’: *То́лика тады́ забра́ли служи́ть ф Сама́ру. Как димбилизава́лси, суды́ наза́д вярну́лси, а яго́ тут ста́ли кли́кать Сама́ра. Фсю жи́зню так и зва́ли, хучь он Боча́рников.* ***Чече́нец*** – ‘прозвище по службе в Чечне’: *Са́шку Шишля́нникова жи́зня помата́ла па гаря́чим то́чкам. Када́ завару́шка в Чечне́ пашла́, яму́ пришло́ся там служи́ть. Кантузило, здаро́вия там фся аста́лася. Награ́ды привёз. Как вярну́лси, так и месные тут яго́ нача́ли звать Чече́нец. Он уважа́емый чилаве́к.*

Итак, в настоящем изыскании мы уделили внимание рассмотрению неофициальных именований представителей мужского пола. **54** антропонимические единицы, зафиксированные в исследуемом говоре, представлены 5 группами. Самую многочисленную (продуктивную) из них составляют *прозвища по особым умениям*: *Аншéк*, *Боксёр*, *Доцéнт*, *Éгерь*, *Кóтин*, *Монтёр*, *Партизáн*, *Пуля́й*, *Понимáющий*, *Самóшка*, *Самóня*, *Самóшкин*, *Трéнер*, *Хлéхарь*, *Чеки́ст*, *Чекá (ЧК)*, *Шамáн*, *Щýка* (18 лексем); далее – *прозвища по званию*, *месту несения военной службы*, *членству в организации или связанным с этим событиям*: *Афгáнец*, *Бóцман*, *Генерáл*, *Дунáй*, *Мандя́р*, *Матрóс*, *Капитáн*, *Комсомóл*, *Комсомóлихин*, *Коммуни́ст*, *Патрýль*, *Прáпорщик*, *Прáпор*, *Самáра*, *Чечéнец* (15 лексем); *прозвища по семейным отношениям*: *Бáбушкин*, *Бабýня*, *Бабýнин*, *Мáмин*, *Мамэ́лия*, *Мýсик*, *Слáденький*, *Сахарóк*, *Сосýн*, *Ягодýсин* (10 лексем); *прозвища по увлечениям и интересам*: *Зáйчик*, *Кóзырь*, *Ни́чка*, *Резáнец*, *Рыбáк*, *Ярóк* (6 лексем). Непродуктивной группой стали *прозвища по матери-*

альному состоянию: *Буржуёв*, *Па́ник*, *Пани́кин*, *Па́ников*, *Хохо́л* (5 лексем).

Как показывает анализ, некоторые люди являются носителями 3-х неофициальных имен: *Ба́бушкин*, *Бабу́ня*, *Бабу́нин*; *Па́ник*, *Пани́кин*, *Па́ников*; *Само́шка*, *Само́ня*, *Само́шкин* (3 человека) и 2-х прозвищ: *Ма́мин*, *Мамэ́лия*; *Пра́порщик*, *Пра́пор*; *Сла́денький*, *Сахаро́к*; *Чеки́ст*, *Чека́ (ЧК)* (4 человека). Это свидетельствует о том, что в микросоциуме к отдельным представителям мужского пола имеется особое отношение. Посредством таких многослойных лексических единиц в народном языке отражен творческий потенциал деревенского человека. Следует согласиться с мнением Т.Т. Денисовой: «Чем ярче личность, тем больше у нее индивидуальных особенностей, тем чаще члены этого коллектива маркируют ее прозвищем» [17, с. 59].

Интересно, что некоторые антропонимические единицы выступают в качестве имен-метафор. Конкретизируем: ассоциирующиеся с участником народного отряда, ведущего борьбу за свободу страны – *Партиза́н*; с сотрудником чрезвычайной комиссии по борьбе с саботажем – *Чеки́ст*, *Чека́ (ЧК)*; с офицерским чином – *Генера́л*; с отрядом воинского подразделения – *Патру́ль*; с представителем класса собственников – *Буржуёв*; с профессией, должностью, занятиями – *Боксёр*, *Доце́нт*, *Е́герь*, *Монтёр*, *Тре́нер*, *Рыба́к*; с женщиной-родителем своего ребенка – *Мамэ́лия*; с женщиной, имеющей внуков, – *Бабу́ня*; с детенышем – *Сосу́н*; с человеком, способным общаться со сверхъестественными силами, – *Шама́н*; с рыбой – *Щу́ка*; со сладким пищевым продуктом – *Сахаро́к*; с сортом лука – *Реза́нец*; с представителем народа – *Афга́нец*, *Манд́яр* (Мадьяр), *Чече́нец*; с названиями рек – *Дуна́й*, *Ни́чка*; с городом – *Сама́ра*; с названием местности – *Па́ник*; с молодежной организацией – *Комсомо́л*; с небольшим зверьком с длинными ушами и ногами – *За́йчик*; с игральной картой – *Ко́зырь*; с оврагом – *Яро́к* и др. Получается, что перенос значения, вызывающий разнообразные ассоциации, происходит благодаря присущим ярким индивидуальным качествам обладателей имен.

Укажем, репрезентированные в работе некалендарные имена образованы:

1) с помощью продуктивных суффиксов ***-ец***, ***-ун-***, ***-ушк-***, ***-у-***, ***-ик-***, ***-их-***, ***-ин-***, ***-эл-***, ***-и-***, ***-а-***, ***-ющ-***, ***-я-***, ***-ан-***, ***-ак-***, ***-к-***, ***-ок***, ***-ист-***, ***-еньк-***, ***-ус-***: *Афга́нец*, *Бабу́ня*, *Ба́бушкин*, *Бабу́нин*, *Буржуёв*, *За́йчик*, *Комсомо́лихин*, *Мамэ́лия*, *Му́сик*, *Па́ник*, *Понима́ющий*, *Пуля́й*, *Реза́нец*, *Рыба́к*, *Само́шка*, *Сахаро́к*, *Сосу́н*, *Чеки́ст*, *Чече́нец*, *Яро́к*, *Ко́тин*, *Ма́мин*, *Пани́кин*, *Па́ников*, *Само́шкин*, *Сла́денький*, *Ягоду́син*;

2) путем увеличения основы за счет *-н-*: *Манд́яр* (от *мадьяр*) и за счет *-эл-*, *-и-*: *Мамэ́лия* (от *мама*);

3) путем укорочения основы слова: *Пра́пор (*от *пра́порщик*);

4) от аббревиатуры, являющейся сокращением названия «Чрезвычайная комиссия»: *Чека́ (ЧК).*

Кроме того, на принадлежность семье указывают имена с ***-ин-***, ***-их-***: *Ба́бушкин*, *Бабу́нин*, *Ко́тин*, *Комсомо́лихин*, *Ма́мин*, *Пани́кин*, *Ягоду́син.* Суффиксы ***-ак***, ***-ист-*** указывают на род занятий и должность человека: *Рыба́к*, *Чеки́ст* и др.

Заметим, что частеречная характеристика неофициальных имен выглядит следующим образом: существительные (*Аншéк*, *Афга́нец*, *Бабу́ня*, *Бо́цман*, *Боксёр*, *Генера́л*, *Доце́нт*, *Дуна́й*, *Е́герь*, *За́йчик*, *Капита́н*, *Ко́зырь*, *Комсомо́л*, *Комсомо́лихин*, *Коммуни́ст*, *Мамэ́лия*, *Манд́яр*, *Матро́с*, *Монтёр*, *Му́сик*, *Ни́чка*, *Па́ник*, *Партиза́н*, *Патру́ль*, *Пра́порщик*, *Пра́пор*, *Реза́нец*, *Рыба́к*, *Сама́ра*, *Само́шка*, *Само́ня*, *Сахаро́к*, *Сосу́н*, *Тре́нер*, *Хохо́л*, *Хле́харь*, *Чеки́ст*, *Чека́ (ЧК)*, *Чече́нец*, *Шама́н*, *Щу́ка*, *Яро́к*); прилагательные, в том числе притяжательные (*Ба́бушкин*, *Бабу́нин*, *Буржуёв*, *Ко́тин*, *Ма́мин*, *Пани́кин*, *Па́ников*, *Само́шкин*, *Сла́денький*, *Ягоду́син*); причастие: *Понима́ющий*, глагол: *Пуля́й.*

Как видно, многочисленны прозвища-существительные (42 именования), меньше прозвищ-прилагательных (10 именований). Единично отмечены антропонимы, выраженные действительным причастием и глаголом повелительного наклонения, что является больше исключением, чем традицией.

Вместе с тем, надо указать на то, что признаками женского рода обладают именования: *Бабу́ня*, *Мамэ́лия*, обозначающие лиц мужского пола.

Экспрессивно-стилистическая окраска раскрывает разные оттенки значения и вызывает определенный эффект. Так, уменьшительное и ласкательное значение просматривается в лексических единицах: *Бабу́ня*, *За́йчик*, *Му́сик*, *Па́ник*, *Понима́ющий*, *Сла́денький*, *Само́ня*, *Сахаро́к*, *Афга́нец*, *Реза́нец*, *Чече́нец*, *Ягоду́син*, *Яро́к.* Благодаря суффиксам: ***-ун-***, ***-чик-***, ***-ик-***, ***-еньк-***, ***-ан-***, ***-ец***, ***-ус***, ***-ок-*** создается позитивная характеристика. Показателем субъективной положительной оценки является и наличие в неофициальных именах суффиксов ***-к-*** и ***-ист-***: *Само́шка*, *Чеки́ст (Чека́).*

Отрицательной оценкой, как кажется, обладают антропонимы: *Буржуёв*, *Манд́яр*, *Сосу́н*, *Хохол*, *Щука*, но они немногочисленны. Данные некалендарные именования ассоциируются с некоторым неодобрением в социуме.

Нейтральную оценку, на наш взгляд, имеют прозвища: *Аншéк*, *Бо́цман*, *Боксёр*, *Генера́л*, *Капита́н*, *Доце́нт*, *Дуна́й*, *Е́герь*, *Ко́зырь*, *Комсомо́л*, *Коммуни́ст*, *Матро́с*, *Монтёр*, *Партиза́н*, *Патру́ль*, *Пра́порщик*, *Тре́нер*, *Хле́харь.*

При определении экспрессивной оценки антропонимических единиц следует согласиться с точкой зрения А.Ф. Рогалева о том, что «без образа, без носителя имени само имя – ничто. Оно представляет, выражает, развертывает, но не диктует, не предопределяет. Волны определенной частоты, исходящие от имен, ощущаются нами и воспринимаются так или иначе – положительно… или отрицательно… Но эти волны не способны формировать в нас разнообразные душевные качества, хотя и вызывают соответствующие эмоции» [35, с. 342].

Заключение

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что высоковские некалендарные имена, репрезентированные в данной статье, настолько индивидуальны, специфичны, свойственны носителям, что заложенные в них значения не только характери-

зуют самого человека, но и существующие внутри маленького социума связи. Они являются отличительными признаками разного рода и яркими особенностями проявления семейных отношений или одного человека.

Более того, именно прозвище в диалектной среде раскрывает многоплановый образ своего обладателя, отражая его черты, точно замеченные и зафиксированные представителями коллектива, проживающего на одной территории, в народной речи. Бытование и функционирование неофициальных имен позволяет увидеть, как человек признается находящимися рядом с ним людьми.

Совершенно очевидно, что интересные образования, репрезентированные в настоящем исследовании разноцветной палитрой имен, свидетельствуют о креативности языка сельских жителей.

Источники

1. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2 т. / под редакцией Т. Ф. Ефремовой. – Москва : Русский язык, 2000. – 1209 с. – URL: https://www.efremova.info/ (дата обращения: 20.05.2021). – Текст : электронный.

2. Значение словосочетания КАЛЕНДАРНОЕ ИМЯ. – URL: https://kartaslov.ru/значение-слова/календарное+имя (дата обращения: 20.05.2021). – Текст : электронный.

3. Словарь русского языка. в 4 т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы. – 1999. – URL: https://gufo.me/dict/mas (дата обращения: 20.05.2021). – Текст : электронный.

4. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / под редакцией Н. Ю. Шведовой. – 4-е изд., дополненное. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с. – URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/прозвище (дата обращения: 20.05.2021). – Текст : электронный.

5. Словарь русской ономастической терминологии / под редакцией Н.В. Подольской. – Москва: Наука, 1988. – URL: https://www.twirpx.club/file/2481190/ (дата обращения: 20.05.2021). – Текст : электронный.

Литература

1. Архипов, Г. А. Прозвища жителей д. Ср. Юри / Г. А. Архипов // Ономастика Поволжья (материалы МОК-3). –Уфа, 1973. – С. 159–161.

2. Бондалетов, В. Д. Ономастика и социолингвистика / В. Д. Бондалетов // Антропонимика. – Москва, 1970. – С. 17–23.

3. Бондалетов, В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения / В. Д. Бондалетов // Ономастика и норма. – Москва, 1976. – С. 12–16.

4. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – Москва : Просвещение, 1983. – 224 с.

5. Верховых, Л. Н. Фамилии с диалектной основой в лексико-семантическом аспекте / Л. Н. Верховых // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2007. – №1(8). – С. 87–95.

6. Верховых, Л. Н. Из истории русских фамилий / Л. Н. Верховых // Русская речь. – 2008. – № 3. – С. 113–116.

7. Верховых, Л. Н. Украинская лексика в воронежской антропонимии / Л. Н. Верховых // Русский язык в диалоге культур : материалы Международной научной конференции: в 3-х частях. Ч. 1. – Воронеж, 2010. – С. 163–169.

8. Верховых, Л. Н. Русско-украинские межъязыковые контакты в воронежской антропонимии / Л. Н. Верховых // Научният потенциал на света. История : материали за 9-а международна научна практична конференция. – София : «БялГРАД-БГ» ООД, 2013. – № 7. – С. 57–59.

9. Верховых, Л. Н. Уличные фамилии с. Абрамовка Таловского района Воронежской области / Л. Н. Верховых // Воронежское лингвокраеведение : межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж : ВГУ, 2016. – № 3. – С. 152–159.

10. Верховых, Л. Н. Фамилии воронежского края начала XIX века в аспекте русско-украинского взаимодействия / Л. Н. Верховых // Воронежское лингвокраеведение : межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж : АНО «Наука – Юнипресс», 2020. – № 4. – С. 77–88.

11. Гриднева, Л. М. Высокий. Время, события, люди. 1922–2007 / Л. М. Гриднева. – Таловая : Таловская районная редакция, 2007. – 44 с.

12. Давыдова, К. Н. Современные прозвища в говорах Красноярского края / К. Н. Давыдова // Лексические и грамматические проблемы Сибирской диалектологии : сборник статей. – Барнаул, 1972. – С. 159–163.

13. Данилина, Е. Ф. «Формы субъективной оценки» от личных имен, возникших в Советскую эпоху / Е. Ф. Данилина // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 68–71.

14. Данилина, Е. Ф. Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имени в русском языке / Е. Ф. Данилина // Ономастика. – Москва, 1969. – С.149–161.

15. Данилина, Е. Ф. Личные официальные и неофициальные имена в современном русском языке : специальность 10.660 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Данилина Е. Ф. – Москва, 1970. – 20 с.

16. Данилина, Е. Ф. Прозвища в современном русском языке / Е. Ф. Данилина // Восточнославянская ономастика: исследования и материалы. – Москва, 1979. – С.281–297.

17. Денисова, Т. Т. Роль «прозвищного самосознания» в формировании личности учащихся / Т. Т. Денисова // Новые педагогические исследования. – Москва, 2006. – № 6. – С. 58–59.

18. Дидковская, В. Г. Сочетаемость глагольных фразеологизмов и фразеологических сочетаний со словом (на материале языка конца XVIII в.) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. Г. Дидковская. – Санкт-Петербург, 1987. – 24 с.

19. Королева, Е. Е. Русские прозвища Латгалии / Е. Е. Королева // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. – Санкт-Путербург : Нестор-История, 2013. – С. 299–312.

20. Москаленко, Е. А. Подходы к определению понятия «неофициальное именование лица» как объекта исследования в прагматическом ракурсе / Е. А. Москаленко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 1(12). – С. 114–115.

21. Недоступова, Л. В. Уличные фамилии в Воронежской области / Л. В. Недоступова // Русская речь. – 2014. – № 3. – С. 107–110.

22. Недоступова, Л. В. Мужские прозвища в Воронежской области / Л. В. Недоступова // Русская речь. – 2016. – № 1. – С. 92–95.

23. Недоступова, Л. В. Функционирование прозвищ в современной речевой коммуникации / Л. В. Недоступова // Воронежское лингвокраеведение : межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж : АНО «Наука – Юнипресс», 2020. – № 4. – С. 177–191.

24. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – Москва : Наука, 1974. – 278 с.

25. Никонов, В. А. Ищем имя / В. А. Никонов. – Москва : Советская Россия, 1988. – 125 с.

26. Никулина, З. П. К вопросу о классификации индивидуальных прозвищ / З. П. Никулина // Вопросы лексики и

грамматики русского языка. Вып. I. – Кемерово : Кемеровский государственный педагогический институт, 1970. – С. 70–71.

27. Никулина, З. П. Отантропонимические прозвища на -юса в говорах Кузбасса (к вопросу о региональных особенностях) / З. П. Никулина // Вопросы исследования лексики и фразеологии сибирских говоров. – Красноярск, 1978. – С. 69–76.

28. Никулина, З. П. О некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища / З. П. Никулина // Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка. – Свердловск, 1980. – С. 116–121.

29. Никулина, З. П. Образование прозвищ на базе рифмующегося компонента усложненного антропонима / З. П. Никулина // Проблемы грамматики и словообразования сибирских говоров. – Красноярск : КГПИ, 1982. – С. 3–5.

30. Поротников, П. Т. Групповые и индивидуальные прозвища в говорах Талицкого района Свердловской области / П. Т. Поротников // Антропонимика. – Москва, 1970. – С. 150–154.

31. Поротников, П. Т. Женские прозвания на -иха в говорах Талицкого района Свердловской области / П. Т. Поротников // Вопросы топономастики. Вып. 4. – Свердловск, 1972. – С. 54–71.

32. Поротников, П. Т. Семантическая и грамматическая классификация прозвищ говоров Талицкого района Свердловской области / П. Т. Поротников // Вопросы топономастики. – Свердловск, 1970. – Вып. 4. – С. 45–53.

33. Поротников, П. Т. О способах образования отфамильных прозвищных именований / П. Т. Поротников // Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. – Свердловск, 1976. – С. 72–74.

34. Реформатский, А. А. Фамилии / А. А. Реформаторский // Семья и школа. – Москва, 1963. – № 2. – С. 42–47.

35. Рогалев, А. Ф. Имя и личность / А. Ф. Рогалев // Материалы по русско-славянскому языкознанию : международный сборник научных трудов. Вып. 32. – Воронеж : Истоки, 2014. – С. 340–352.

36. Селищев, А. М. Избранные труды / А. М. Селищев. – Москва, 1968. – 640 с.

37. Суперанская, А. В. Грамматические наблюдения над именами собственными / А. В. Суперанская // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 79–82.

38. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973. – 366 с.

39. Суперанская, А. В. Восточнославянская ономастика / А. В. Суперанская. – Москва, 1973.

40. Суперанская, А. В. Имя через века и страны / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1990. – 188 с.

41. Суперанская, А. В. О русских именах / А. В. Суперанская, А. В. Суслов. – Ленинград : Лениздат, 1991. – 221 с.

42. Супрун, В. И. Подвиг болгарских ономатологов. Рецензия на книгу: Балкански Т., Цанков К. Енциклопедия на българската. Ономастика / В. И. Супрун. – Волгоград : Известия ВГСПУ, 2011. – С. 161–163.

43. Тагунова, В. И. Современные прозвища в диалектной речи Муромской земли / В. И. Тагунова // Ученые записки Рязанского педагогического института. – Москва : Просвещение, 1967. – Т. 40. – С. 32–48.

44. Флоровская, В. А. Прозвища в русских говорах Кубани / В. А. Флоровская // Этнография имен. – Москва, 1971. – С. 141–144.

45. Чичагов, В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий / В. К. Чичагов // Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. – Москва : Учпедгиз, 1959. – 128 с.

L.V. Nedostupova

CHARACTERISTIC FEATURES AND USE OF RURAL NICKNAMES IN FOLK SPEECH

The purpose of this study is to identify anthroponymic units that name men according to family relations, material wealth, hobbies, interests, special skills, ranks, places of military service, membership in organizations. The article deals with the dialect of the village of Vysoky, Talovsky district, Voronezh Oblast. The author clarifies the meanings of names-metaphors, states their parts of speech, gives their expressive assessment and reveals productive suffixes. 54 nicknames are considered and categorized into 5 thematic groups. The largest group includes nicknames based on special skills, the smallest – on material wealth. It is noted that some people got 2 or 3 nicknames. The author analyses names-metaphors that evoke various associations and proves that anthroponyms-nouns predominate over anthroponyms-adjectives. There are few cases of non-calendar nicknames, expressed by the participle and verb. The article considers productive suffixes and gives emotional assessment of the nicknames.

Folk speech, unofficial name, anthroponym, nickname, names-metaphors.

УДК 81'373.21

Е.О. Орлова
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

НОМИНАТОР И ИНТЕРПРЕТАТОР: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ

Обозначена одна из проблем ономастики на современном этапе – совпадение толкования интерпретатора и замысла номинатора, что выступает условием комфортного общения всех участников топонимического контакта. Представлен исследовательский опыт понимания горожанами значений эргонимов Великого Новгорода. Коммуникативные возможности и границы социокультурного пространства определяются желанием и нацеленностью на общение как автора топонима, так и адресанта, значимостью диалога для всех его участников, а также богатством культурного фона для создания и расшифровки образов-названий.

Номинатор, интерпретатор, эргоним, тождественность значений.

Номинация эргонимов в отличие от номинации годонимов не регламентируется правовыми документами, например Положение о порядке наименования, переименования, восстановления географических названий (топонимов) элементов планировочной структуры и элементов улично-дорожной сети на территории Великого Новгорода, утвержденное в 2011 г. [1]. Следовательно, выбор топонимов определяется культурными предпочтениями имядателя. При этом возникает проблема понимания значения-смысла топонима, заложенного автором. На наш взгляд, проблема имеет два аспекта. С одной стороны, насколько владельцы кафе, салонов красоты, магазинов и т. д. задумываются, смогут ли горожане в полноте осознать значение названия. С другой стороны, насколько те, кому адресованы эргонимы, готовы их осмыслять. Говоря о готовности, мы имеем в виду желание вдумываться в смыслы, образы, представленные в названии (стремление к диалогу с номинатором). Ведь нередко люди просто воспринимают некий знак, не придавая значения его содержанию.

Согласимся с Т.Г. Никитиной, которая, рассматривая культурно-коммуникативный аспект урбанонимов, справедливо замечает, что в исследованиях чаще «основное внимание уделяется замыслу номинатора и средствам реализации этого замысла», ответная же реакция «адресата, по которой можно судить о достижении желаемого коммуникативного эффекта» также должна стать предметом интереса ономастов [2, с. 137]. Обращение исследователя к сленговому словарю (на примере псковских эргонимов) показывает, что горожане, предлагая свои варианты произношения топонима, зачастую шутливо-ироничные, тем самым проявляют свое непонимание или неприятие замысла имядателя. Описанная ситуация подтверждает существование такой проблемы ономастики на современном этапе, как восприятие и толкование интерпретаторами значения-смысла эргонима.

Нами проведено исследование понимания горожанами части эргонимов города Великий Новгород. Было выбрано несколько названий и организован опрос как номинатора, так и нескольких интерпретаторов – случайных прохожих. Автора топонима спрашивали о причине его выбора, остальных о том, как они понимают эргоним.

Представим некоторые результаты опроса. Высказывания интервьюеров переданы максимально приближенными к оригиналу.

Эргоним – кафе «Телеграф».

Версия номинатора: раньше в этом здании находились телефонные будки для междугородней связи, позже зал по обслуживанию клиентов. Место изначально было создано для общения, поэтому и после создания кафе хотелось сохранить именно эту атмосферу с помощью названия. Когда-то сюда торопились набрать номер друзей или родных, живущих за сотни километров, теперь люди спешат сюда, чтобы поесть. Неизменно одно – общение.

Варианты интерпретаторов.

- Телеграф – это телефонная связь. Поэтому мне кажется, что это место для общения (Наталья, 44 года).
- Потому что в деталях интерьера используются какие-либо старинные вещи, например печатная машинка (Татьяна, 22 года).
- В старые времена на этом месте находился телеграф (Сергей, 45 лет).
- Телеграф – это быстрая связь. Также и в кафе происходит быстрая готовка, быстрые знакомства между людьми (Марина, 63 года).
- Из-за внутреннего состояния кафе, его интерьера, либо это было собственное желание владельца (Александр, 21 год).
- Раньше на том месте находился телеграф, и люди спешили туда, чтобы дозвониться до своих родных. Это место было ценно для населения Новгорода, и в честь этого владельцы назвали так кафе (Елена, 43 года).

Отметим, что действительно на этом месте находился центр междугородней телефонной связи. Показательно, что два представителя старшего поколения

указали на связь с историей городского пространства, представление же молодых людей оторвано от памяти места, тем самым у них возникает сложность для понимания замысла имядателя. При этом очевидно, что номинатор в своем объяснении предлагает развернутую образную характеристику эргониму, кладя в основу историческую память, и предполагает, что те, кто читают название, радостно (умиленно, с легкой печалью и т. д.) будут откликаться на знакомый им образ, что они обладают такой же культурно-исторической памятью и смогут в полноте оценить его идею.

Эргоним – отель «Бианки».

Версия номинатора: название связано с выдающимся писателем Виталием Валентиновичем Бианки. Были раздумья по поводу названия. Хотелось как-то связать с Новгородской землей. Так и пришли к отелю «Бианки». Виталий Валентинович часто бывал на Новгородской земле, очень много писал о природе. Мотивы природы можно проследить в интерьере и дизайне номеров: на ресепшене можно заметить прекрасную золотую птицу, в номерах представлены картины с природой и животными.

Варианты интерпретаторов.

- Возможно, в свое время останавливался писатель Бианки (девушка, 21 год).
- Просто название, ни с чем не связано (парень, 19 лет).
- Возможно, хотели заинтересовать туристов, т. к. отель находится в исторической части города. Многие могут подумать, что здесь жил Виталий Бианки. Но мне кажется, что это просто название (женщина, 45 лет).

Писатель Бианки действительно проживал некоторое время на новгородской земле, это были Окуловский и Боровичский районы. Впечатленный красотами местной природы, он назвал этот край *страной див*. В городе есть библиотека его имени. Однако находился он здесь в ссылке и в здании XIX века в тот момент, когда он бывал в Новгороде, отеля здесь не было. Возможно, Бианки даже и не заходил в это строение. Таким образом, номинатор обращается к восприятию образованного человека, который как минимум знает, кто такой Бианки, возможно и то, как он связан с новгородской землей, а как максимум – для него значимо имя писателя, и оно может стать привлекательным для поселения в этом отеле. Т.В. Шмелева в описании ономастического портрета Великого Новгорода отмечает приверженность новгородским реалиям в названиях гостиниц [3]. Предложенные же ответы интепретаторов говорят о том, что фактором, определяющим совпадение позиции имядателя и горожан, выступает включение (погружение) в культурный фон места. Убедительным становится показатель возраста, т. к. уровень просвещенности по теме выше у представителей старшего поколения. Интересно, что женщина 45 лет буквально воспроизвела реакцию 19-летнего интерпретатора.

Следующий пример позволяет говорить, что чем сложнее по наполненности значение топонима, тем меньше совпадений, а соответственно и понимания.

Эргоним – брю бар «Монокль».

Версия номинатора была представлена *многослойная*. Во-первых, хозяйка – поклонница журнала “MONOCLE” на английском языке, который выступает для нее проводником в мир «дорогой простоты». Во-вторых, владелица училась в Академии фотографии и знает, что существует линза «Монокль», которая дает эффект «ретро»; этот стиль использован в дизайне заведения. В-третьих, любимая художница номинатора Тамара Липницкая, которая была завсегдатаем парижского клуба «LeMonocle», открытого для посетителей разного характера, что отражает позицию владелицы: для нее важен каждый гость вне зависимости происхождения, политических взглядов, статуса в современном обществе.

Варианты интерпретаторов.

- Ассоциации с биноклем из театра (женщина, 50 лет).
- Очень манящее название (девушка, 23 года).
- Возможно, где-то в мире существует корабль с таким названием (мужчина, 36 лет).
- Ассоциации с каким-то очень вкусным блюдом (женщина, 40 лет).

Мы видим, что никому не удалось приблизиться хотя бы к одному из смыслов, заложенных номинатором. Возникает вопрос, насколько имядатель задумывался о возможностях понимания тех смыслов, которые он связал с эргонимом. Можно предположить, что имя своему заведению хозяйка придумывала скорее для себя, чем для других.

Сложности в понимании могут возникнуть и тогда, когда имядатель связывает название со своей личной историей.

Эргоним: магазин женской одежды «Kukusiki».

Версия номинатора – основатель и директор магазина: в 2010 году, будучи на 7 месяце беременности, я поймала себя на мысли, что мне не нравятся детские вещички в нашем городе, и для своей дочери я закажу что-нибудь через Интернет. Заказала, понравилось, и тогда я подумала, а почему бы не заказывать и другим. 25 мая 2010 года была создана группа в социальной сети интернет-магазин заказов детских товаров «Kukusiki». Над названием не пришлось долго думать. На протяжении всей беременности муж, шутливо постукивая по животу или прислоняя к нему ухо, говорил «Кукусики». На нашем семейном языке это означало «Приветики». Постепенно популярная молодежная женская одежда вытеснила все остальные товары. Был проведен ребрендинг, имя сохранено, теперь это стильные золотые буквы на темно-сером фоне.

Варианты интерпретаторов.

- Когда слышишь название, то первое, что приходит на ум – Ку-ку, вариант приветствия, может быть сейчас это в тренде среди современной молодежи (Александр, 34 года).
- Название напоминает что-то детское, непосредственное, наивное или похожее на то, как маленькому ребенку в игре говорят: «Ку-ку» (Елена, 45 лет).
- Возможно, создатели магазина решили его так назвать, потому что на слух очень необычно, сразу запоминается (Елизавета, 20 лет).
- Я не имею ничего против этого магазина, но название мне не очень нравится. Лично у меня представление, что этот магазин должен быть детским, хотя там продается взрослая женская одежда. У меня

это название еще ассоциируется с чем-то дешевым, типа б/у одежды (Мария, 18 лет).

- Интересное название, очень необычное, оно написано английскими буквами, поэтому даже не разобрать, что же там такое. Я бы сказала, что там продается какая-то детская одежда. Название уменьшительно-ласкательное что ли (Любовь Александровна, 70 лет).

Видно, что горожане реагируют на оригинальность, оценивая это и как рекламный прием (выделиться), и как проявление творческой натуры автора. Однако в данном случае личная семейная история, отраженная в эргониме, не транслируется самим названием, что вызывает разночтение и вариативность толкования. Вновь возникает вопрос о нацеленности имядателя на полноценный топонимический контакт с горожанами.

Показательна ситуация и с еще одним эргонимом, чье лексическое значение неоднозначно, – парикмахерская «Марафет», где первая буква написана на латинице, читаться должно как «марафет». Сама владелица не может точно сказать, когда она услышала это слово, оно просто крутилось у нее в голове. Другие варианты по типу «Виктория» по собственному имени были отвергнуты в силу банальности. Изначально для выразительности названия было решено поиграть с англо-русским сочетанием букв. При этом имядатель сама отмечает, что такая игра вызвала затруднение у части горожан для понимания смысла-образа, нередко работники салона слышат вариант названия «Тарафет». Изначально номинатор предполагал вызывать у клиентов ассоциации с чистотой и красотой (устойчивое словосочетание «навести марафет»). Надо сказать, что большинство интерпретаторов – пять из шести опрошенных, в том числе и мужчина, – объясняли значение топонима исходя именно из образа чистоты и красоты. Например, «Название дает понять, что в данном салоне можно привести себя в порядок и получить сразу комплекс услуг по красоте и шику» (домохозяйка, мама в декрете, 34 года); «В наше время говорили: “пошла марафет наводить” – нарядиться, прическу сделать, накрасить бровки, реснички, губки и на танцульки» (пенсионерка, 73 года). Однако можно предположить, что у части населения могут возникнуть и иные ассоциации, т. к. одна из участниц опроса – женщина, парикмахер, 52 года – выразила негативную оценку: «Уголовное какое-то название: марафет, рамсы, бугор. Неприятные ассоциации вызывает подобное заведение». Интересно, что и имядатель в интервью упомянула, что некоторые клиенты приходят с шутками подобного рода: «У вас можно намарафетиться»; «Марафет дорого»? и т. д., пропагандируя не лучшее значение данного слова.

Таким образом, достижение тождественности значений эргонима для номинатора и интерпретатора затрудняется в силу многозначности слова-названия, а также при разнице культурного фона, в котором это слово существует в сознании каждого.

Если учреждение адресовано узкому кругу клиентов, то получается, что и название предложено не всем горожанам, только тем, кто является потребителем услуг заведения. Соответственно и понимание может быть достигнуто с избранными интерпретаторами. Показателен пример с магазином кальянов, электронных сигарет, табака, жидкостей и аксессуаров «ПО КАЙФУ| VAPE&HOOKAH». По версии номинатора – выбирали простое, звучное, лаконичное, запоминающееся название. Шли вслед за покупателем, т. к. многие, когда приходят в магазин, просят подобрать товар по запаху или вкусу, чтобы было «по кайфу». Поэтому и было решено так назвать магазин. Версии опрошенных горожан весьма отдалены от замысла имядателя: «Значит отлично, хороший товар, хорошие цены» (мужчина, 23 года); «Я думаю, там замечательно работать, работники получают хорошую заработную плату» (мужчина, 34 года); «Всё хорошо, отлично, замечательно» (женщина, 25 лет).

Итак, представленные примеры позволяют говорить о том, что возможности и границы понимания значений эргонимов в коммуникативном контакте номинатора и интерпретатора определяются, во-первых, нацеленностью обоих на топонимический контакт. Во многом желание имядателя, чтобы его поняли, будет способствовать тому, что он начнет задумываться, как воспримут горожане придуманное им название. Если же для номинатора важнее личное отношение к эргониму, связанное с историей его жизни или желанием самовыражения, то возможности понимания снижаются. Так происходит при прочтении названия магазина «Кукусики» или можно привести подобный пример – кафе «Двин», получившее название в честь древней столицы Армении от хозяина-армянина. Рассчитывал ли он на просвещенность жителей Великого Новгорода, или ему самому было важно так назвать заведение как проявление собственной культурно-национальной идентичности.

Во-вторых, тождественность значений достигается при условии близкого социокультурного фона, когда и память места, его история, и общая образованность номинатора и интерпретатора совпадают, что продемонстрировали примеры с названием кафе «Телеграф» или отеля «Бианки». Когда владельцы сувенирной лавки в Великом Новгороде в название включают средневековое скандинавское имя города – «Сокровища Хольмгарда», то они не только привлекают туристов исторической экзотикой, но и обращаются к образованной публике.

Следовательно, обозначенная проблема ономастики на современном этапе – совпадение толкования интерпретатора и замысла номинатора в ходе топонимического контакта требует дальнейшего исследования, а также показывает необходимость развития топонимической грамотности всех участников диалога.

Литература

1. Положение о порядке наименования, переименования, восстановления географических названий (топонимов) элементов планировочной структуры и элементов улично-дорожной сети на территории Великого Новгорода. – URL: http://duma.nov.ru/obshhestvo/toponimicheskaya_komissiya/polozhenie/ (дата обращения: 12.06.2021). – Текст : электронный.

2. Никитина, Т. Г. Городское ономастическое пространство: диалог номинатора и интерпретатора / Т. Г. Никитина // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 137.

3. Шмелева, Т. В. Великий Новгород: ономастический портрет : научная монография / Т. В. Шмелева ; составитель приложения И. В. Василенко. – Великий Новгород : ТПК «Печатный Двор», 2020. – С. 204.

E.O. Orlova

NAMING AND INTERPRETING: POSSIBILITIES AND LIMITS OF UNDERSTANDING

The article deals with one of the contemporary problems of onomastics, that is the coincidence of the interpretation and the nominator's idea. Such a coincidence provides comfortable socializing for all the participants of a toponymic contact. The author shares the research experience as well as investigations into understanding the meanings of ergonyms by the citizens of Veliky Novgorod. The communication possibilities and boundaries of the sociocultural space depend on the toponym's author's and the addressee's focus on and desire for socializing, significance of the dialogue for all the participants, rich cultural background for creating and interpreting images-names.

Nominator, interpreter, ergonym, identity of meanings.

УДК 811.161.1

А.В. Петров
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

ПРОЕКТ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТИЗМОВ «ЖИВОЕ СЕВЕРНОЕ СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ»

Стихия живой народной речи может и должна быть зафиксирована в художественном литературном творчестве, поскольку такая фиксация является надежным способом сбережения и преумножения речевого богатства народа. Цель создания словаря диалектизмов – не только разъяснить значение непонятного широкому кругу читателей диалектного слова, но и показать, как оно функционирует в художественной речи, какие дополнительные смыслы приобретает, как раскрывает свой выразительный потенциал. Художественный контекст может содержать развернутые, почти энциклопедические описания, проясняющие значение диалектизма, адекватно передающие полноту его семантической структуры.

Диалектизм, этнографизм, северный текст, контекст.

«В краю родникового слова» – назвал Федор Абрамов один из своих очерков, в котором без ложного пафоса заметил: «Быть может, самый большой, самый непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры – это слово. Живое народно-поэтическое слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер» [1, с. 31]. Действительно, Русский Север был и остается источником для изучения подлинно народного словотворчества, живого народного слова.

Стихия живой народной речи может и должна быть зафиксирована в художественном литературном творчестве, поскольку такая фиксация является надежным способом сбережения и преумножения речевого богатства народа. Идейное содержание, образный строй произведения только выигрывают, если писатель умеет эффективно распорядиться почерпнутыми из неиссякаемого родника народной речи номинативными и выразительными средствами.

Значимость для литературы и языка диалектизмов неоспорима. Речь деревни представляет собой пласт, восходящий к истокам народной культуры, народной духовности: «Русская деревня (да и не только русская) связана с сохранением архетипа национальной культуры, национального языка, и именно поэтому так важны диалектизмы для русской литературы» [11, с. 235].

Принято считать, что образность, изобразительность, выразительность – это прерогатива художественной речи, поэтического творчества, однако разве лишена этих черт народная речь, разве нельзя в обыденном разговоре услышать меткое словечко, необычное сравнение, яркую метафору или гиперболу? У Ф. Абрамова читаем: «На Севере издревле вся жизнь, и повседневная, и праздничная, была пронизана многоцветным краснословьем. <…> А как же иначе? Как жить в этом суровом краю без опоры на чудодейственную силу слова?» [1, с. 8].

Ш.З. Галимов отмечает: «Ф. Абрамов очень ценил первоисточник языка – народную речь. Он решительно не соглашался с теми, кто сдержанно, с опаской относился к народной речи, кто считал, что народные речения засоряют язык литературы, портят его. Он выступал за свободу писателя в выборе языковых средств» [6, с. 229]. Федор Абрамов считал, что «писатель должен быть не столько словотворцем, сколько словодобытчиком» [1, с. 489].

В последние годы значительно возрос интерес филологов к изучению локальных художественных сверхтекстов, которые воспринимаются формами выражения национального менталитета в его региональном варианте. На протяжении ряда лет разрабатывается учение о так называемом Северном тексте русской литературы, который отражает особый северорусский вариант национальной картины мира, создает особый мифопоэтический образ Русского Севера. К важным лингвистическим средствам создания этого образа следует отнести диалектизмы, передающие специфику региональной речи.

Живая, исконная, «родниковая» северная речь органично включается в художественный контекст произведений таких классиков северной литературы, как Борис Шергин, Степан Писахов, Алексей Чапыгин, таких ярких представителей деревенской прозы, уроженцев Архангельского Севера, как: Федор Абрамов, Николай Жернаков, Евгений Богданов, Виталий Маслов, Владимир Личутин, Юрий Галкин. Самым талантливым интерпретатором и транслятором живой северной речи в поэзии является, на наш взгляд, самобытная северная поэтесса Ольга Фокина. Северные языковые черты уместны и выразительны в стихах Вадима Беднова, Николая Журавлева, Дмитрия Ушакова, Александра Роскова. Мастерски используют диалектизмы в своем творчестве современные писатели и поэты Архангельской области: Галина Рудакова, Ирина Турченко, Владислав Попов, Ольга Корзова и др. Северную сказовую традицию успешно продолжают Татьяна Бечина, Лилия Синцова, Денис Макурин.

Необходимо отметить, что черты северных говоров в художественном контексте не представляются чужеродными вкраплениями, они являются органичной составляющей речи писателей и поэтов, для которых диалект – родной, материнский язык, они буквально «транслируют» северный говор в художественный дискурс, становясь проводником и защитником родного языка, тем самым повышая его статус.

Диалектизмы в северном тексте выполняют все традиционно выделяемые функции: номинативную – локализация изображаемых событий, создание местного колорита; характерологическую – прикрепление персонажа к определенной этнографической и социальной среде, индивидуализация речи героев; стилистическую – создание художественной изобразительности и выразительности, а также комического эффекта; метрическую – формирование строя поэтического произведения.

На наш взгляд, назрела настоятельная необходимость создания словаря северных диалектизмов, т. е. диалектных лексических единиц, отраженных в художественном тексте. Как справедливо отмечают исследователи, «обычно при составлении диалектных словарей к писательскому творчеству не обращаются: ведь писатель творчески относится к слову, может придать ему новые значения и коннотации, которых не было в народной речи» [5, с. 10]. Кроме того, «художник слова может сконструировать в своем идиостиле единицы, не существующие в народной речи» (Там же, с. 12).

Тем не менее, следует заметить, что в качестве иллюстративного материала художественный текст все-таки используется в некоторых диалектных словарях, например, в «Словаре русских донских говоров» много примеров из произведений Михаила Шолохова [12], в «Областном словаре вятских говоров» есть цитаты из книг Владимира Крупина, Владимира Ситникова и других писателей [9]. Согласимся, что писательское творчество – не самый надежный источник диалектного материала. Однако цель создания собственно словаря диалектизмов нам видится в другом: не только разъяснить значение непонятного широкому кругу читателей слова, но и показать, как оно живет именно в художественной речи, какие функции в ней выполняет, какие дополнительные смыслы приобретает, как раскрывает свой выразительный потенциал.

Словарь диалектизмов «Донское слово в художественном тексте», содержащий более 4 тысяч словарных статей, по мнению его составителей Е.В. Брысиной и В.И. Супруна, «отражает язык региональной художественной литературы, содержит богатые этнокультурные и исторические сведения, дает представление о мировоззрении донского казачества» [5, с. 12]. Автор-составитель словаря «Народное слово в произведениях В.И. Белова» Л.Г. Яцкевич определяет его задачу так: «Раскрытие культурно-исторической значимости народного словаря писателя для понимания и сохранения национальных богатств родного языка» [8, с. 9]. Предисловие к своему словарю «Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина» Г.В. Афанасьева-Медведева озаглавила «Самая русскость нашей русскости», тем самым подчеркнув исконность, глубинность, духовное богатство народной речи [3, с. 9].

Таким образом, словари диалектизмов призваны отражать сущностные, мировоззренческие пласты народной ментальности, культурно-историческую значимость народной речи. Важна и эстетическая роль диалектизмов, в полной мере реализующих свой выразительный потенциал в художественном тексте.

Николай Жернаков, характеризуя язык произведений Федора Абрамова, заметил: «Умеет наш народ, а северный человек в особенности, уместить в слове уйму понятий, зримо показать великую силу его изобразительности. <…> Взять у своего народа его язык, пропустить через творческое горнило и возвратить тому же народу в литературном произведении – такое дано не каждому писателю» [7, с. 3]. На наш взгляд, в этом и состоит сущность деятельности народного писателя – вернуть народу народный язык, обогащенный писательским творчеством. Такое получается взаимообогащение. Как тут не вспомнить знаменитую фразу А.М. Горького о литературном языке как народном языке, обработанном мастерами.

Наиболее показательными диалектизмами являются этнографизмы, обозначающие «местные названия местных вещей». Художественный контекст может содержать развернутые, почти энциклопедические описания, проясняющие значение этнографизма, адекватно передающие полноту его семантической структуры, что, на наш взгляд, должно найти отражение в словарной статье словаря диалектизмов. Рассмотрим в качестве примера некоторые этнографизмы, используемые создателями Северного текста как номинативное и выразительное средство.

Важной хозяйственной постройкой северного крестьянского дома является **пове́ть** ‘верхнее помещение двухэтажного крытого двора’ [13, вып. 27, с. 237], которое предназначалось для хранения сельскохозяйственного инвентаря, сена, соломы, различного домашнего скарба. Художественный контекст позволяет уточнить значение слова, конкретизирует описание данного помещения.

Поветь чаще всего бывает просторной, на нее можно въехать на лошади с возом: *Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений в нем было четыре: изба-зимовка, изба-летница, вышка с резным балкончиком, горница боковая. А кроме них были еще сени светлые с лестницей на крыльцо, да клеть, да* ***поветь*** *саженей семь в длину – на нее, бывало, заезжали на паре, – да внизу, под* ***поветью****, двор с разными стайками и хлевами* (Ф. Абрамов) – в данном контексте наглядно показано устройство крестьянского дома, указывается расположение повети над скотным двором.

Поветь использовалась для хранения сена, соломы: *Вам гули да разгули, – кричала нивесть откуда выскочившая Матрена, – а коровам скоро надавать на ночь будет нечего! Сена-то нету на* ***поветях****!* (Н. Жернаков); *Сено и солому на* ***поветь*** *до прошлой осени Пряслины подымали по* ***взвозу****, бревенчатому настилу, а осенью, когда Михаил был уже в лесу,* ***взвоз*** *обвалился, и корм с тех пор носили на руках* (Ф. Абрамов) – обращает на себя внимание еще одно диалектное слово *взвоз* ‘бревенчатый накат, настил, ведущий на верхнюю хозяйственную часть дома и двора’ [2, вып. 4, с. 75], по которому въезжали с возом: *Дом Степана Андреяновича, большая двухэтаж-*

ная хоромина с малой боковой избой, выходит на улицу ***взвозом*** *– широким бревенчатым настилом с перилами, по которому в прежнее время гужом завозили сено да солому на сенник. У других хозяев* ***взвозы*** *давно уже переведены на дрова, а новые дома строили вообще без них: для одной коровы и на руках нетрудно поднять корм* (Ф. Абрамов).

На поветь необходимо забираться по лестнице из сеней: *В темных сенцах на ощупь отыскал лесенку, поднялся на* ***поветь*** (Ф. Абрамов). Возвышенное положение повети позволяло в половодье спасти скот: *Люди трое суток отсиживались на крышах домов, колхозный скот погиб – во всей деревне осталось несколько коров, которых успели поднять на* ***повети*** (Ф. Абрамов).

Поветь использовали для обмолота зерна: *А теперь овинов нету (все разорили за войну) – суши снопы на печи да околачивай по снопу на* ***повети***; *На* ***поветь*** *втащилась Марья с новой партией сухих, пахучих снопов, и Илья застучал цепом* (Ф. Абрамов). Одно из этимологических толкований слова *поветь* связывает его с глаголом *веять*, поэтому его первоначальное значение определяется как ‘место, где веют зерно’ [4, с. 27].

На повети спали в жаркие летние ночи: *...Не заснуть на* ***повети*** *– / Пахнет сено, как чай* (О. Фокина); *Лягу, как бывало, на* ***повети****, / Под затылок руки положу* (Д. Ушаков); *Белая ночь заглядывала на* ***поветь*** *через щели в крыше, в воротах, запертых на жердяной засов* (Ф. Абрамов) – наличие щелей свидетельствует о том, что поветь построена менее основательно, по сравнению с жилым помещением дома. Поветь не отапливалась, поэтому на ней было прохладно: *Больше всего Михаилу хотелось сейчас забраться на* ***поветь*** *да отлежаться в холоде на траве* (Ф. Абрамов).

Поветь находится сзади избы, по ней можно незаметно пробраться в дом: *Спи-дремли, горластый петя / Постараюсь, не споткнусь, / По задворкам, по* ***повети*** */ До подушки доберусь* (О. Фокина); или выбраться из него: *Знаю колхозную публику. Ты к нему в заулок, а он стрекача через* ***поветь*** (Ф. Абрамов).

Поветь могла стать местом добровольного сведения счетов с жизнью: *Кормилец – в могиле, малец в подолу. / Веревка для петли – в* ***поветном углу*** (О. Фокина); или местом любовных свиданий: *Вспомнил, как белыми ночами ездил к Варваре с Синельги, вспомнил, как под прикрытием ночного тумана крался к ее дому, карабкался по углу на* ***поветь****-сеновал, жадно иссохшими губами припадал к ее сочному податливому рту…* (Ф. Абрамов) – приложение *сеновал* поясняет значение диалектизма.

Поветь может восприниматься как своеобразный музей крестьянской жизни: *С* ***поветью*** *меня познакомил Максим в первый же день (я сперва хотел спать на сеновале), и, помню, я просто ахнул, когда увидел то, что там было. Целый крестьянский музей!* (Ф. Абрамов).

Слово *поветь* может употребляться и в метрической функции в поэтическом тексте: *Ладно, некогда сидеть: / Недоделана* ***поветь****!* (О. Фокина) – скорей всего, здесь речь идет о какой-то починке на повети, а не о ее сооружении.

Приведенные примеры подтверждают следующее суждение: «Диалектное слово на фоне литературной речи может становиться центральным, вбирая в себя основную мысль, создает сложный подтекст» [11, с. 255].

Одним из характерных северных предметов домашней утвари является **брату́нь** – ‘медная (или деревянная) посуда, ковш с носиком для подачи на стол пива или разливания его по стаканам’ [2, вып. 2, с. 106], данное наименование вызывает прочные ассоциации со словом *брат* – ‘братская посудина’, рассмотрим примеры из стихотворений О. Фокиной: *И, строг запрет нарушивши, / Скоренько нацедит / С краями – красномедную / Тяжелую* ***братынь*** – контекст указывает на размер братыни и материал, из которого она изготовлена; из братыни пили не только пиво, но и квас, и брагу: *«Ну-ко-се, жёнки, / Как он, квасок? / Уж извиняйте, / Что – из* ***братыньки****, / Не попеняйте, / Я – по старинке. / Снилась мне ныне / Экая блажь: / Брага – в* ***братыне****... / Тоня, уважь!» – / «Ух!» – / Рукавами / Вытерты рты. / Снова с краями / Полна* ***братынь***; *Чтоб, упаси бог, не было хулы / На градус пива, на духмяность кваса, / На толщину пшеничного ломтя, / На глубину медвяную* ***братыни****…*– эпитет *медвяная* указывает на предназначение предмета, из которого разливают ароматные напитки; в художественном контексте встречается вариант ***брату́ня***: *Любовно шаньги выставят на стол, / Пойдет* ***братыня*** *медная по кругу* (Н. Журавлев).

В северных говорах употребляется и слово **бра́тина** в том же значении [2, вып. 2, с. 105]: *Перед Панькиным и Дорофеем уже стояли чайные стаканы с водкой,* ***братина*** *с квасом, на тарелки навалили гору закуски* (Е. Богданов) – подчеркивается предназначение предмета; *Посиди рядом с братьями, / Выпей браги из* ***братины*** (О. Фокина) – метрическая функция; *Снега не просто стают, а вольются / И в русла рек, / И в* ***братины*** *озер* (Д. Ушаков) – метафорический перенос – чаши озер сравниваются с посудой.

Весьма показательным представляется северный этнографизм **пря́сло** – ‘звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба, кола до другого’ [13, вып. 33, с. 92–93]: *И* ***прясла*** *прежние не сладим, / Не возродим отцовский двор* (Д. Ушаков); примеры из стихотворений О. Фокиной: *У Анюшки смято* ***прясло****, / Ей – больная – не поднять*; чаще поэтесса употребляет данное слово в переносном значении для создания поэтических образов: *Что ж, молодеть – не стариться! / Из дней, где мир и май, / Десятилетий* ***пряслица*** */ Раздерни – и ступай* – отрезки времени; *Понимая собственное благо / Как они, а не наоборот, / Не сроню я это* ***прясло****. / Лягу / Новой жердью в общий огород* – связь лирической героини с нравственными принципами персонажей стихотворения; *Снова нотою щемящею / В городской мотив судьбы / Вплетены дымы стоячие, /* ***Прясла*** *мерзлой городьбы* – метафора, изображающая зимний холод, накладывающий отпечаток на душевном состоянии лирической героини.

Есть у слова ***прясло*** и иное значение, именно оно легло в основу фамилии Пряслины, которую дал главным героям своей тетралогии «Братья и сестры» Федор Абрамов (до появления романа «Дом» трило-

гия носила название «Пряслины»): «На Севере пряслом называют приспособление из продольных жердей на столбцах, предназначенное для сушки хлеба, льна, сена. В прошлом прясла были неотъемлемой принадлежностью северных полей, так как короткое северное лето и частые дожди не позволяли высушить и сохранить хлеб на земле» [14, с. 74]: *Стоя на скамейке у* ***прясла****, она машинально наклонилась к снопам, лежавшим у ее ног, и так же машинально вешала их на жердины* (Ф. Абрамов).

Выбор этой фамилии важен для осознания идейно-художественного содержания тетралогии: «Прясло – основа народной жизни, символ сохранения хлеба, а Пряслины – могучая опора жизни деревни, ее стержень» [14, с. 75]. На одном из своих выступлений писатель заявил: «Пряслины – это соль нашей земли! <…> Они живут, они повсеместно рассеяны, по всей нашей необъятной Родине, и они та могучая опора, на которой держится наша земля» [1, с. 419–420]. Не случайно фамилия этих персонажей приобретает нарицательное значение в контексте стихотворений Вадима Беднова, посвященных памяти Федора Абрамова: *Верил он, что злой напраслины / собиратель – не народ, / что она не сломит* ***Пряслиных*** */ и с дороги не собьёт*; *...нашим* ***Пряслиным*** */ трудная правда / краснословий парадных нужней.*

Развернутую оценку живой северной речи как источника поэтического вдохновения дает в своей статье поэтесса Галина Рудакова, живущая в Архангельской области. Она рассуждает об использовании диалектизмов в творчестве современных северных поэтов, в своем творчестве. Статья интересна тем, что в ней дан именно взгляд изнутри, взгляд творца, интерпретатора и транслятора народной речи. Завершается статья так: «Уходит поколение наших родителей, забывается поморская говоря. Но многие слова, верю, будут жить в поэтической речи. А для того, чтоб употреблять их по назначению, надо изучать их – самостоятельно, а еще лучше – в школе. Ведь слово в музее не выставишь, чтобы потом все смогли смотреть на него. А история развития нашего языка – это часть нашей культуры» [10, с. 55].

Словарь диалектизмов «Живое слово Севера в художественном тексте» призван отразить региональные народные лексические и фразеологические единицы, используемые в Северном тексте русской литературы, раскрыть их семантическую структуру и выразительный потенциал, отметить их культурно-историческое значение, их роль в создании мифопоэтического образа Русского Севера, в формировании мировоззрения его уроженцев и жителей.

Литература

1. Абрамов, Ф. А. Чем живем-кормимся / Ф. А. Абрамов. – Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отдние, 1986. – 526 с.
2. Архангельский областной словарь. Вып. 1–16. – Москва, 1980-2015.
3. Афанасьева-Медведева, Г. В. Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина : Словарь. Т. 1 / Г. В. Афанасьева-Медведева. – Иркутск, 2017. – 432 с.
4. Барашков, В. Ф. А как у вас говорят? / В. Ф. Барашков. – Москва : Просвещение, 1986. – 109 с.
5. Брысина, Е. В. Донское слово в художественном тексте: словарь диалектизмов / Е. В. Брысина, В. И. Супрун. – Волгоград : Фортесс, 2017. – 484 с.
6. Галимов, Ш. З. Федор Абрамов: творчество, личность / Ш. З. Галимов. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1989. – 249 с.
7. Жернаков, Н. К. Северная поэма / Н. К. Жернаков // Правда Севера. – 1972. – 15 августа. – С. 3.
8. Народное слово в произведениях В.И. Белова : словарь / автор-составитель Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2004. – 216 с.
9. Областной словарь вятских говоров. Вып. 3. – Киров, 2004. – 199 с.
10. Рудакова, Г. Н. «Слов родных золотая вязь». Диалектное слово в поэтической речи северян: взгляд изнутри (глазами поэта) / Г. Н. Рудакова // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. – Архангельск, 2010. – С. 50–56.
11. Самотик, Л. Г. Диалектизмы как показатель народной духовности / Л. Г. Самотик // Творчество В.П. Астафьева как воплощение регионального национального самосознания. – Красноярск, 2016. – С. 232–257.
12. Словарь русских донских говоров. Том 1. – Ростов-на-Дону, 1975. – 172 с.
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–45. – Ленинград–Санкт-Петербург, 1965–2012.
14. Чаусова, Т. Л. Функции фамилий в романе Ф.А. Абрамова «Две зимы и три лета» / Т. Л. Чаусова // Федор Абрамов и север. – Архангельск, 1992. – С. 72–81.

A.V. Petrov

DIALECT DICTIONARY PROJECT *LIVE NORTHERN WORD IN FICTION*

Abstract: The author insists that the universe of live folk speech can and should be reflected in fiction. This reflection is considered to be a reliable way to preserve and increase the richness of people's speech. The purpose of creating a dialect dictionary is not just to give definitions of dialecticisms unfamiliar to many readers but also to show how a dialect word functions in creative writing, what additional meanings it acquires, and how it reveals its expressive potential. The fictional context can contain detailed, almost encyclopedic descriptions that clarify the meaning of a dialecticism and adequately reveal its complete semantic structure.

Dialecticism, ethnographism, Northern text, context.

УДК 811.(112.2+161.1)

А.К. Филиппов, К.А. Филиппов
Санкт-Петербургский государственный университет

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ДУБЛЕТНЫЕ СЛОВА В РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ XVIII ВЕКА

В начале XVIII в. в России особую важность приобрел вопрос издания специальной литературы, в том числе переводной – в первую очередь с немецкого языка. Изучение переводных специальных текстов в области грамматики, сельского хозяйства и географии показывает, что в них широко представлены пары иноязычных заимствований и их русских эквивалентов. При этом русские варианты во многих случаях либо служат пояснением к ранее упомянутым иноязычным дублетам, либо средством их последующего введения в текст.

Русский язык, немецкий язык, XVIII в., перевод, специальный текст, дублет.

1. Введение

Начало XVIII в. в России ознаменовалось большим притоком специалистов, прибывших из Европы для обучения россиян науке, технике, ремеслам и мастерству. Важно также упомянуть, что именно «при Петре началось печатание книг светского содержания, начиная от азбук, учебников и календарей и кончая историческими сочинениями и политическими трактатами» [1, с. 52]. Все это наряду с привлечением из-за границы необходимых материалов, инструментов, разнообразной литературы способствовало обеспечению эффективного функционирования Российского государства.

Как известно, в XVIII в. в целом ряде научных (т. е. специальных) дисциплин[1] «еще не было системы сложившихся научных знаний» [3, с. 23]. Такое положение в особенности было характерно для России XVIII в., испытывавшей дефицит научных и технических знаний. В этой связи целесообразно привести разъяснение М.В. Ломоносова, высказанное в предисловии к его переводу «Волфианской экпериментальной физики»: «Сия книжица почти только для того сочинена и ныне переведена на российский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты; <…> Сверх сего принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем чрез употребление знакомее будут» [7, с. 423–425].

Г.В. Колшанский обратил внимание на один из важных факторов, связанных с функционированием переводных текстов, а именно необходимость «учета ситуации, компетенции коммуникантов, значения предыстории того или иного текста» [4, с. 167]. Иными словами, ученый сделал акцент на необходимость внимательного изучения всего, что связано с историей возникновения и публикации текста первоисточника.

В настоящем исследовании под иноязычными дублетными словами мы вслед за авторами немецкого «Лингвистического словаря» Метцлера (*Metzler Lexikon Sprache*) понимаем дублетные словесные формы, возникающие в процессе иноязычного заимствования, в особенности в результате многократного заимствования [13, с. 164].

Материалом настоящей статьи послужили русские специальные тексты XVIII в., переведенные с немецкого языка: «Немецкая грамматика» М. Шванвица, «Готшедова немецкая грамматика» И.М. Греча, «Флоринова экономия» С.С. Волчкова, «Лифляндская экономия» М.В. Ломоносова и «Политическая география» С.Ф. Наковальнина.

Целью статьи является выявление и систематизация случаев употребления иноязычных дублетных слов в указанных текстах, а также описание основных функций, выполняемых соответствующими конструкциями.

2. Виды и функции иноязычных дублетных слов в русских переводных специальных текстах XVIII века

2.1. Словесные дублеты в русских переводных грамматиках XVIII в.

Главной предпосылкой успешной модернизации России, предпринятой Петром I, было создание системы светского школьного и вузовского образования. Важным сопутствующим обстоятельством этого процесса был тот факт, что многие учителя и преподаватели были иностранцами, в основном немцами,

[1] Под специальным текстом мы, следуя классическому определению А.С. Герда, понимаем «текст, главным содержанием которого являются те или иные теории, факты, сведения, рекомендации отдельных наук и отраслей знания» [2, с. 68].

реже англичанами, голландцами и т. д., не владевшими русским языком и проводившими занятия на своем родном языке (см., например, [12, с. 102–103]). При этом, по свидетельству К. Кох, именно немецкий язык преимущественно или даже исключительно использовался в качестве языка обучения в школах и университетах (Там же, с. 155).

По мере формирования национальной системы образования и расширения роли русского языка в образовательной и научной сферах все большее значение приобретал вопрос создания учебной литературы на русском языке. Одним из действенных способов восполнения недостающей учебной литературы в области грамматики оказался перевод на русский язык известных немецких учебников (подробнее о переводных грамматиках немецкого языка в России XVIII в. см. [5]).

Во многих случаях грамматические термины из оригинальных немецких текстов (зачастую слова латинского или греческого происхождения) в русском переводе получают двойные эквиваленты: 1) транслитерированное заимствованное обозначение и 2) дополняющее его русское по происхождению слово или выражение. При этом компоненты таких дублетов находятся друг с другом в изъяснительном отношении – второй не просто служит синонимом первого, но и поясняет его семантику.

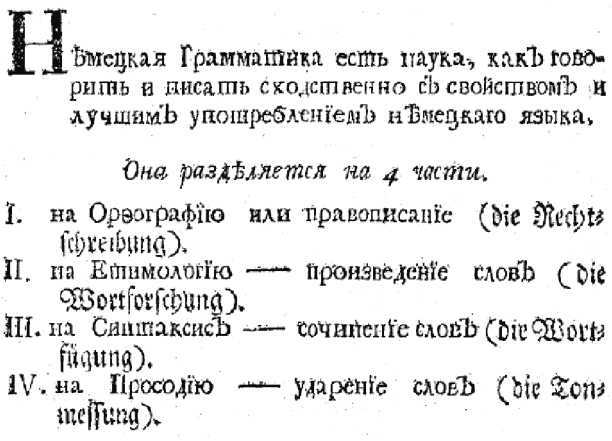
Характерным примером может служить фрагмент параллельного текста «Немецкой грамматики» М. Шванвица (1730), взятый из третьей главы второй части учебника «Об этимологии» (*Von der Etymologia*).

(1) «Das NOMEN ist zweyerlei: **Substantiuum** und **Adiectiuum**. 1. Substantiuum ist ein Wort, so eine gewisse Sache oder Person bedeutet, als: der Mann, die Frau, das Haus…;

Номен есть двоякое: **субстантивум** (**существительное**) и **адъективумъ** (**прилагательное**). 1. Субстантивум есть слово, которое некоторую вещь или персону значит, яко: der Mann, муж, die Frau, Госпожа, das Haus, дом…» [V, с. 146–147].

Появление в русском переводе дублетов *субстантивум – существителное* и *адъективум – прилагательное* отражает стремление переводчика не только привести термины из оригинала, но и прояснить их внутреннюю форму для русского читателя. Можно сказать, что русские дублеты выполняют роль своеобразного глоссария к иноязычным; по сути, отношение между *субстантивум – существителное* функционально близко к *der Mann – муж* из того же примера.

Изъяснительная функция дублетных наименований прослеживается также в «Готшедовой немецкой грамматике» И.М. Греча (1769), представляющей собой свободное сокращенное переложение грамматики И.К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» (1748). В следующем фрагменте ([I, с. 1], см. рис. 1), содержащем перечисление частей грамматики, конструкция с дублетными словами организована иначе, чем в примере 1, однако отношение между компонентами аналогичное:


Нѣмецкая Грамматика есть наука, какъ говорить и писать сходственно съ свойствомъ и лучшимъ употребленіемъ нѣмецкаго языка.

Она раздѣляется на 4 части.

I. на Орѳографію или правописаніе (die Rechtschreibung).
II. на Етимологію — произведеніе словъ (die Wortforschung).
III. на Синтаксисъ — сочиненіе словъ (die Wortfügung).
IV. на Просодію — удареніе словъ (die Tonmessung).

Рис. 1. Фрагмент «Готшедовой немецкой грамматики» И.М. Греча

В данном примере обращает на себя внимание появление третьего компонента – оригинального немецкого термина – в дополнение к заимствованному и русскому обозначениям. Это объясняется тем, что первый компонент триады *орфография – правописание – Rechtschreibung* не является транслитерацией оригинального немецкого термина; напротив, именно второй (*правописание*) представляет собой кальку с немецкого *Rechtschreibung*[2]. Тем не менее, и здесь второй компонент следует рассматривать как пояснение первого, а всю конструкцию – как принятую в учебнике модель такого пояснения. Впечатление системности описания усиливается симметричным расположением компонентов изъяснительных конструкций и связок между ними.

Общими компонентами для обоих приведенных примеров являются иноязычный термин и его русский дублет, выполняющий изъяснительную функцию. Такая структура характерна и для других категорий специальных текстов в России XVIII в.

2.2. Иноязычные дублетные слова в русских переводных сельскохозяйственных текстах XVIII в.

К первой половине XVIII в. относится также появление первых русских переводов немецких сельскохозяйственных трактатов, обусловленное необходимостью перенимать европейский опыт земледелия и домоводства. В числе таких переводных руководств – «Флоринова экономия» (1738) – сокращенный перевод С.С. Волчкова, выполненный с немецкого трактата *Oeconomus Prudens et Legalis* Ф.Ф. Флорина (1702), – и «Лифляндская экономия» (1747) – рукописный перевод за подписью М.В. Ломоносова, сделанный с четвертого издания «Stratagema Oeconomicum» (1688, 1-е изд. 1645) С. Губерта [8, с. 203]. Перед русскими переводчиками этих двух текстов стояла задача передачи специальной терминологии данной предметной области средствами русского языка, а также разъяснения вводимых терминов для читателя.

[2] В оригинале данная формула состоит из двух компонентов – латинского и немецкого терминов: «die Orthorgaphie, deutsch die Rechtschreibung» (подробнее см.: [11, с. 52–53]).

2.2.1. Иноязычные дублетные слова во «Флориновой экономии»

Наиболее показательным текстом с точки зрения введения и толкования элементов специальной лексики выступает «Флоринова экономия». Русский переводчик при описании различных аспектов сельского хозяйства и домоводства вводит в текст множество иноязычных заимствований – как окказиональных, так и вошедших в систему русского языка. При этом далеко не все из них получают объяснение в русском тексте (см. пример 2, содержащий перечисление ингредиентов лекарства от почечной болезни):

(2) «Возьми **гундель ребе**, **глас-краут**, фиольных листов, **хамиллева цвету**, **генистовой**, и **вулькраутной травы** с корнем, черемхова цвету можжевеловых ягод, и все сии травы в ванну положа ими парься» [IV, с. 298–299][3].

Однако наряду с подобными примерами в тексте «Флориновой экономии» можно найти немало фрагментов, содержащих дублетные пары иноязычных и русских наименований. Как и в приведенных выше примерах из грамматик, иноязычный компонент является поясняемым, а русский – поясняющим. Чаще всего подобное изъяснение оформляется при помощи конструкции с союзом *или* (пример 3) или скобок (пример 4):

(3) «Как старым, так и молодым лодешям, по вся месяцы проноснаго лекарства давать. А имянно: **Антимонии**, или **деревянного масла**, в рот вливать, что при том и черви умерщвляет» (Там же, с. 223).

(4) «Желчь, или желтая болезнь, произходит от разлития желчи по всему телу, от чего человек не токмо желт, но и черен бывает, теряет **аппетит** [**позывание на есту**], весьма жаждет, при чем у него во рте горько и сохнет, и все в глазах ему желто кажется» (Там же, с. 281).

В примере 4 русский эквивалент иноязычного дублета представляет собой описательный оборот, что может служить дополнительным свидетельством его изъясняющей функции. Еще более ярко она проявляется в примере 5, в котором также наблюдается еще один прием пояснения – указание на язык, к которому принадлежит каждый из элементов: (5) «**Фиоретто** по Италиански; а по русски называется **цвет, или хлопок, которой от добраго шелку, во время пряжи отдирается**» (Там же, с. 265).

Пример 6 иллюстрирует еще одну стратегию пояснения в тексте «Флориновой экономии» – комментарий к отдельному элементу иноязычного словосочетания:

(6) «Когда овцы от великаго жару весьма ослабеют, то взять **Алант** [везде где **вурцель** упомянется, то **корень** разумей] **Вурцелю**, можжевеловых ягод, вязоваго венику, и лавроваго листу, и все с солью смешав истолочь, и овцам дать лизать» (Там же, с. 246).

Таким способом Волчков вводит в текст не один термин, а целый ряд наименований, образованных по шаблону немецких сложных слов с корнем *-Wurtzel* (подробнее см. [10, с. 198]).

В тексте руководства встречается и обратный порядок – вначале русское название, затем иностранное. В таких фрагментах речь идет уже не о *пояснении* иноязычного термина, а о *введении* его как синонима уже ранее упомянутого наименования, как в примере 7:

(7) «О строении **загороднова двора**, или **меиэр гофа**. **Меиэр гоф** называется, где прикащики с дворовыми и деловыми людьми живет, тут же всякая животина и огороды»[4] [IV, с. 62].

Пример 8 примечателен тем, что в нем оба компонента дублетной пары представляют собой иноязычные наименования: (8) «**Вейд** [по Латыни **гластум**] имеет в себе особливую пользу» (Там же, с. 155). Объяснение можно найти в соответствующем фрагменте немецкого оригинала, в котором реализована функция введения латинского синонимичного термина наряду с немецким: «Es wird die **Weyde** / und **Glastum** genennet / und hat seinen absonderlichen Nutzen» [VI, с. 609].

Таким образом, в тексте «Флориновой экономии» реализованы две различные функции словесных дублетов – пояснение иноязычного термина, в случае если он приводится первым, и его введение как синонима, если он следует за русским обозначением. Зачастую такие дублеты, как и в случае с примерами из грамматик, появляются лишь в процессе перевода ввиду необходимости разъяснения семантики и внутренней формы термина, приведенного в оригинале. В немецком тексте также присутствуют фрагменты с дублирующими друг друга обозначениями (латинским и немецким); при переводе таких конструкций на русский язык опорная роль первого компонента утрачивается, поскольку оба наименования относятся к заимствованиям.

2.2.2. Иноязычные дублетные слова в «Лифляндской экономии»

В отличие от «Флориновой экономии», текст «Лифляндской экономии» не содержит большого количества языковых заимствований и соответственно конструкций с иноязычными дублетами. Основная часть заимствованных слов принадлежит к фитонимам (названиям растений): *калмус* (нем. *Kalmes*), *лецекель* (нем. *Letzekel*), *удран* (нем. *Udra*) и др.[5] В данном тексте удается обнаружить иноязычные дублеты русских обозначений, но дублеты совсем иного рода, нежели рассмотренные выше, – альтернативные переводные эквиваленты в разных контекстах. Так, в одном случае немецкое *Ruschapffel* ‘картофель’ получает эквивалент *земляные яблоки* [2, с. 79], в другом переводится путем транслитерации как *рушапфель* [2, с. 82].

Причиной подобных расхождений мог быть недостаток времени у русского переводчика, выпол-

[3] В оригинале выделенным названиям соответствуют следующие термины: *Gundelrebe* (будра плющевидная, собачья мята), *Glaskraut* (постенница лекарственная), *Chamillen Blumen* (ромашка лекарственная, совр. Echte Kamille), *Genisten-Blumen* (дрок лекарственный, совр. Genista tinctoria), *Wuhlkraut-Blumen* (марь вонючая, совр. Stinkender Gänsefuß).

[4] В оригинале – *Meyer-Hof*.

[5] По поводу семантики приведенных слов см. [8, с. 207, 209].

нявшего данный перевод на заказ [8, с. 203–204]. Следует также отметить, что отсутствие терминологического единообразия не является исключительной характеристикой «Лифляндской экономии», проявляясь, в частности, и во «Флориновой экономии» (подробнее см. [10, с. 198]).

2.3. Иноязычные дублеты в «Политической географии»

В рамках обсуждаемой темы стоит упомянуть также «Политическую географию» (1758) – учебный текст, переведенный С.Ф. Наковальниным с немецкой рукописи [9, с. 256]. Введение иноязычных терминов в этом издании имеет свои особенности. Характерным примером может служить начало первой главы пособия (пример 9):

(9) «Описание воды особливо, называется ***Гидрография***, **Hydrographia**; описание знатной части земли ***Хорография***, **Chorographia**; а описание некотораго места ***Топография***, **Topographia**, кои суть части Географии» [III, с. 1].

В этом примере употребление словесных дублетов следует формуле «транслитерированный термин на кириллице – оригинальный термин на латинице». То есть в тексте отсутствуют эквиваленты, имеющие русскую этимологию, а изъяснительная функция целиком ложится на краткие определения, приводимые в цитированном фрагменте.

Данная модель употребления иноязычных дублетных слов является наиболее характерной для «Политической географии», однако в тексте присутствуют и сочетания типа «русское + иноязычное наименование» (пример 10):

(10) «Каждой циркуль разделяется в 360 градусов, того ради и земля содержит в окружении 360°, а полагая на каждой градус **большаго циркуля** или **экватора** земли по 15 Немецких миль, или по 105 Российских верст, 5400 миль, или 37800 верст» [III, с. 3].

Приведенный пример аналогичен большинству фрагментов, разбираемых в п. 2.1–2.2, и представляет способ введения иноязычного словесного дублета в текст, характерный для русской специальной литературы XVIII в.

3. Заключение

Языковой материал исследования позволяет выделить следующие основные модели иноязычных словесных дублетов в русских переводных специальных текстах XVIII в.:

- иноязычное + русское наименование (изъяснительная функция русского варианта);
- русское + иноязычное наименование (вводная функция русского варианта);
- транслитерированное + оригинальное наименование (функция объяснения переносится на определение).

Наличие эксплицитных определений в большей степени характерно для учебной литературы – грамматик и «Политической географии». Сельскохозяйственные руководства, будучи справочными изданиями, зачастую не дают дефиниций к вводимым терминологическим наименованиям. Вместе с тем, граница между описательным русским эквивалентом и полноценным определением достаточно размыта, поскольку и то, и другое играет роль пояснения к иноязычному термину.

Источники

I. Греч, И. М. Готшедова немецкая грамматика, вновь исправленная, и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная / И. М. Греч. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Морской шляхетский кадетский корпус, 1769. – 421 с.

II. Губертус, С. Лифляндская экономия / С. Губертус ; пер. М. В. Ломоносова // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. – Москва ; Ленинград, 1950–1983. – Т. 11, дополнительный, справочный: Письма. Переводы. Стихотворения. Указатели. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1983. – С. 71–152.

III. Политическая география, сочиненная в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, для употребления учащагося в оном Корпусе шляхетства напечатана. – Санкт-Петербург : Тип. Сухопутн. кад. корпуса, 1758. – 184 с.

IV. Флоринова Экономиа с немецкаго на российской язык сокращенно переведена и напечатана повелением… имп. Анны Иоанновны… / перев. с нем. С. С. Волчкова. – Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1738. – 320 с.

V. Шванвитц, М. Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санкт-Петербургской гимназии / М. Шванвитц. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1730. – 413 с.

VI. Florin, F. P. Oeconomus prudens Et Legalis. Oder Allgemeiner Klug-und Rechts-verständiger Haus-Vatter, bestehend In Neun Büchern / F. P. Florin. – Nürnberg, Frankfurt und Leipzig : Verlegung Christoph Riegels, 1702.

Литература

1. Всемирная история: Эпоха Просвещения / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. – Минск : Харвест, 2003. – 512 с.

2. Герд, А. С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания / А. С. Герд // Прикладное языкознание : учебник / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко и др. ; отв. ред. А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – С. 68–90.

3. Герд, А. С. Введение в изучение языков для специальных целей : учебное пособие / А. С. Герд. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2007. – 60 с.

4. Григорьева, Л. Н. К вопросу о вариативности переводных грамматик в России 18 века / Л. Н. Григорьева, К. А. Филиппов // Немецкая филология в СПбГУ: Вып. VI: Константность и вариативность в немецком языке. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2016. – С. 206–217.

5. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1984. – 176 с.

6. Краткая русская грамматика / под редакцией Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – Москва : Русский язык, 1989. – 639 с.

7. Ломоносов, М. В. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов, императорской Академии Наук член и химии профессор / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. Т. 1. Труды по физике и химии, 1738–1746 / М. В. Ломоносов. – Москва ; Ленинград АН СССР, 1950. – С. 419–530.

8. Паина, Э. С. Примечания: К № 9 [«Лифляндской экономии»] / Э. С. Паина, Н. В. Соколова // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 11 / М. В. Ломоносов. – Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1983. – С. 202–211.

9. Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1: А – И. – Москва : Издание гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1962. – 436 с.

10. Филиппов, А. К. К вопросу об интерференции немецкого и русского научных дискурсов XVIII в. (на материале текстов «Oeconomus Prudens» и «Флоринова Экономия») / А. К. Филиппов, К. А. Филиппов // Русская германистика : Ежегодник Российского союза германистов. Т. 17: Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве. – Москва : Языки славянской культуры: Знак, 2020. – С. 191–207.

11. Филиппов, К. А. Наблюдения над метаязыком концептуальных грамматических текстов эпохи немецкого Просвещения / К. А. Филиппов // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014 год / ответственные редакторы С. С. Волков, Е. М. Матвеев. – Санкт-Петербург : Геликон-Плюс, 2015. – С. 41–58.

12. Koch, K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutschrussischen Beziehungen / K. Koch. – Berlin ; New York : de Gruyter, 2002. – 456 S.

13. Metzler Lexikon Sprache / hrsg. vom H. Glück, M. Rödel. 5. Aufl. – Stuttgart : J.B. Metzler, 2016. – 814 s.

A.K. Filippov, K.A. Filippov

FOREIGN DOUBLET WORDS IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TRANSLATED SPECIALIZED TEXTS

At the beginning of the 18th century, the issue of publishing special literature, including translated literature (primarily from German), was paramount in Russia. The study of the translated specialized grammar, agricultural and geographical texts reveals that the pairs of foreign language borrowings and their Russian equivalents are frequently found in them. In many cases the Russian variants function either as explanations of the previously mentioned foreign language doublets or as means of their subsequent introduction into the text.

Russian, German, 18th century, translation, specialized text, doublet.

УДК 81-23

Е.В. Флянтикова
Гродненский государственный медицинский университет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ЛЕКСЕМЫ «ПИРОГ» (НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются лексико-семантические варианты лексемы 'пирог' на материале данных Национального корпуса русского языка. Сначала выявляются лексико-семантические варианты лексемы 'пирог', представленные в словарях. Затем анализируется использование словарных лексико-семантических вариантов данной лексемы в контекстах, представленных в Национальном корпусе русского языка и отобранных благодаря возможностям семантической разметки. При работе с контекстами был выявлен ряд значений лексемы 'пирог', не представленных в словарях, которые могут претендовать на то, чтобы быть лексико-семантическими вариантами.

Лексема, лексико-семантический вариант, пирог, Национальный корпус русского языка.

Еда и напитки – важная часть культуры каждого народа. Национальные блюда отражают не только быт народа, несут информацию о традициях, но и отражают предпочтения, ценностные установки людей. Поэтому объяснимым является тот факт, что зачастую номинации еды и напитков приобретают символические значения, дополнительные смыслы.

Анализ актуального языкового материала позволяет определить лексико-семантические варианты лексемы, особенности ее употребления. Такую возможность предоставляет Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) [2]. Семантическая разметка НКРЯ позволяет отобрать контексты, в которых присутствует необходимая лексема.

В данном исследовании таковыми являются контексты, в которых присутствует лексема *пирог*. Наш выбор объясняется тем, что пирог относится к традиционным блюдам русской кухни. Также была отмечена высокая частотность употребления данной лексемы в текстах, предоставленных в НКРЯ (2785 документов, 7415 вхождений).

Цель нашей работы – выявить лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) лексемы *пирог* на материале данных НКРЯ.

ЛСВ лексемы отражены в толковых словарях. В таблице приведены ЛСВ лексемы *пирог*, закрепленные в толковых словарях.

Таким образом, лексема *пирог* – полисемант, смысловое содержание которого представлено ЛСВ *кушанье*; *материальные блага.* Однако номинация – это языковой знак, тесно связанный с феноменом действительности, средство материализации мышления, результат сложного процесса опредмечивания объективной реальности [6, с. 12].

Дальнейшая работа проводилась с контекстами, полученными из НКРЯ с использованием возможностей семантической разметки. Суть семантической разметки заключается в том, что при помощи специальных помет в тексте означиваются лексемы, относящиеся к определенному семантическому разряду. В нашем случае таким разрядом является «Еда и напитки». Полученные таким образом контексты затем анализировались с точки зрения того, в каком значении в них используется лексема *пирог*.

В 89 % контекстов, полученных из НКРЯ, лексема *пирог* используется в значении *кушанье*:

Что может быть лучше горячих булочек на завтрак или больших сытных пирогов на обед, красивой сладкой выпечки на ужин к чаю или к приходу гостей [Мастерица. Праздник каждый день! // Даша, 2004].

Таблица 1

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка [5, с. 612]	Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [3, с. 743]	Ефремова Т.Н. Современный толковый словарь русского языка [1, с. 719]	Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка [4, с. 1018]
Кушанье из сдобного теста с какой-нибудь начинкой.	Печеное изделие из раскатанного теста с начинкой.	Мягкое выпечное изделие из раскатанного теста с начинкой.	Выпечное изделие из теста с мясной, рыбной, капустной или иной начинкой.
Общественное или государственное достояния, которое грабительски расхищалось взяточниками и казнокрадами из чиновно-бюрократического аппарата царской России.		Источник материальных благ, средство наживы.	

Также было выявлено использование ЛСВ *материальные блага* (204 вхождения):

Мир становится мобильным, и свой кусок пирога на рынке мобильных сервисов пытаются получить не только традиционные его участники – производители мобильных гаджетов, телекоммуникационного оборудования и операторы мобильной связи, но и производители программного обеспечения, ИТ-решений для бизнеса, банковский сектор, автомобильные компании и многие другие отрасли [Грамматчиков Алексей. Глобальная мобилизация // Эксперт, 2014].

Были отмечены следующие частотные сочетания, в которых реализуется ЛСВ *материальные блага*:

- кусок пирога (44 вхождения):

Это может показаться странным, но Аршавин никогда не считался лакомым куском российского трансферного пирога [Лукьянов Александр. Ржавая консервная банка // Русский репортер. 2008. № 3 (33). 31 января – 7 февраля];

- дележ/разделка/раздел/дележ пирога (28 вхождений):

Но мелкий и средний бизнес Краснодарского края и соседних регионов к официальному разделу олимпийского пирога, по сути, не допущен [Майоров Дмитрий, Дятликов Виктор. Две жизни Сочи // Русский репортер. 2011. № 45 (223), 17 ноября];

- бюджетный пирог (12 вхождений):

В этом, собственно, и будет состоять сотрудничество мэрии и партии: партия будет приносить в город куски федерального бюджетного пирога, а мэрия будет эти кусочки разумно тратить на оговоренные цели (см. выше) [Горбачев Владимир. Соглашение подписано // Богатей (Саратов). 2003. 10 сентября];

- государственный пирог (11 вхождений):

Именно оно диктовало дележ «государственного пирога» основного промышленного капитала, создававшегося многими поколениям [Бурдин Н.А., Моисеев Н.А. О новом Лесном кодексе Российской Федерации // Лесное хозяйство. 2004. 22 июня];

- общий пирог (10 вхождений):

Исследователи считают, что на психологическое состояние российского общества в большей степени влияет не размер «общего пирога», а то, насколько справедливо он распределяется [Маркина Н. Российское общество – взгляд психологов // Наука и жизнь, 2008];

- общественный пирог (9 вхождений):

Передел собственности, новая «нарезка» общественного пирога если и принесут дивиденды, то краткосрочные [Либоракина Марина, Косарева Надежда. Новый передел собственности никому не принесет дивидендов // Известия. 2003. 24 июля];

- пирог власти/властный пирог (7 вхождений*):*

Да и самому Ляшко без куска властного пирога (которого ему, скорее всего, никто не даст) выгоднее оставаться вне коалиции [Мирзаян Геворг. От Украины к Новороссии // Эксперт, 2014].

Также в отобранных контекстах присутствовала актуализация следующих потенциальных ЛСВ лексемы *пирог*:

1. Явление или предмет, состоящее из нескольких частей (85 вхождений):

Сирийский фронт – это не просто слоеный пирог, где перемешаны зоны контроля [неизвестный. Значение перемирия // Эксперт, 2016].

Были отмечены следующие частотные атрибутивные сочетания:

1.1. Слоеный пирог (52 вхождения):

Его вопрос не был праздным: фронт в те дни представлял «слоеный пирог», обстановка менялась с каждым часом, и ошибиться, глядя сверху, было не так трудно [Вишенков С. Испытатели (1947)];

1.2. Многослойный пирог (10 вхождений):

Устройство такого многослойного «пирога» трудоемко и недешево [Айрапетов Д. ...По которому мы ходим // Химия и жизнь, 1966];

1.3. Слоистый пирог (6 вхождений):

Так и было: мы оба не жаловались, но при встрече возникло ощущение, что нам холодно, зябко и что неплохо бы зарыться вглубь (в глубь слоистого пирога времени – его выражение), где много солнца и где с каждым слоем жарче и жарче, потому что ближе детство [Маканин Владимир. Утрата (1984)].

2. Напоминающее по форме пирог (6 вхождений):

Ромка стоит на поляне неподвижный, с налитыми кровью глазами; против него, очень близко, тигровый кот – спина горбатым деревенским пирогом, хвост медленно поднимается и опускается [Пришвин М.М. Ужасная встреча (1925–1940)].

3. Нечто толстое (5 вхождений):

Меж двойных рам – ватные пироги с червяками цветной бахромы [Эппель Асар. Сидящие во тьме на венских стульях (1993)].

Таким образом, нами были выделены ЛСВ, входящие в состав потенциальной семантической структуры лексемы *пирог*: *явление или предмет, состоящее из нескольких частей; напоминающее по форме пирог, нечто толстое*. Производные контекстуальные ЛСВ реализуются за счет актуализации семы *внешний вид*.

Высокая частотность использования полисеманта *пирог* свидетельствует о востребованности данной лексемы. Отмечается высокая частотность использования как ЛСВ лексемы *пирог*, отмеченных в словарях, так и контекстуальных ЛСВ. Смысловой объем данной лексемы развивается в связи с необходимостью отражать социально-исторический опыт общества, национально-культурную специфику.

Литература

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – Т. 1. – 1209 с.

2. Национальный корпус русского языка. – URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.05.2021). – Текст : электронный.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.

4. Толковый словарь русского языка / под редакцией Д. В. Дмитриева. – Москва : Астрель, 2003. – 1578 с.

5. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва : Аделаньт, 2013. – 800 с.

6. Старычонак, В. Д. Мнагазначнасць слова ў беларускай мове. У 3-х кнігах. Кн. 1. Асноўныя тыпы полісеміі, кірункі семантычнай дэрывацыі / В. Д. Старычонак. – Мінск : Колорград, 2017. – 273 с.

E.V. Fliantikova

LEXICAL-SEMANTIC VARIANTS OF THE LEXEME ‘ПИРОГ’ (‘PIE’)
(ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS)

The article examines the lexical-semantic variants of the lexeme ‘пирог’ (‘pie’) based on the material of the Russian National Corpus. The use of the dictionary lexical-semantic variants of this lexeme is analyzed within the Russian National Corpus contexts which are selected due to the semantic markings. When working with the contexts the author reveals a number of meanings of the ‘пирог’ (‘pie’) lexeme which are not presented in the dictionaries but can be considered lexical-semantic variants.

lexeme, lexical-semantic variant, пирог (pie), Russian National Corpus.

УДК 811.161.1

Е.Ю. Шарихин
Санкт-Петербургский государственный университет

О РЕДКИХ ЭМОТИВНЫХ НАРЕЧИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX В. (НА МАТЕРИАЛЕ КАЧЕСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ С ФОРМАНТОМ *-ТЕЛЬНО*)

В статье рассматриваются семантические особенности редких эмотивных наречий с формантом *-тельно* на материале русской прозы XIX в. В частности, показано, что в разных контекстах такие наречия могут выполнять функции внешнего выражения эмоций героя, его эмоционального воздействия, состояния и эмоциональной характеризации. В тексте представлены наблюдения о том, что значения наречий на *-тельно* зачастую лишены оттенка глагольности и обладают абстрактным качественным значением. При этом у других наречий с этим же формантом глагольное значение выражается достаточно ярко.

Русский язык, историческая лексикология и словообразование, семантика, наречие.

Введение

Начиная с первой трети XIX в. эмотивные наречия с абстрактной качественной семантикой становятся ярким средством передачи различных сторон внутреннего мира человека, его эмоционально-психологического состояния и нравственно-этических характеристик. Такая лексика играла роль «эмоционального сопровождения» действия или признака [1, с. 68] и встречалась в языке художественной литературы, публицистике, эпистолярном языке, став одним из важнейших жанровых средств выразительности.

В настоящей статье мы обращаемся главным образом к окказиональным и редким наречиям на *-тельно*, которые были образованы от соответствующих прилагательных. На материале выявленных наречий рассмотрим семантические и словообразовательные процессы, происходившие в данной группе лексики в XIX в., и выясним, каковы были особенности функционирования наречной лексики в текстах этого периода.

В XVIII в. в сфере отглагольного словообразования прилагательных суффикс *-тельн-* принадлежал к числу наиболее активных и продуктивных [5, с. 210]. Однако не все новообразования были удачны (напр., *лишательный*, *отнимательный* или *поспешительный*), поэтому многие из них так и остались окказионализмами (Там же, с. 232). В XIX в. появление прилагательных с формантом *-тельн-* идет быстрее, чем образование подобных наречий. При этом данные словарей показывают, что с первой трети XIX в. численность наречий на *-тельно* довольно быстро увеличивается. Так, в САР-2 отмечено около ста таких новообразований, а в Сл. 1847 их уже около двухсот.

Художественная литература XIX в. предоставляет богатый материал для выявления и исследования редких эмотивных наречий этой модели, относящихся к разным функционально-семантическим классам слов. В текстах девятнадцатого столетия мы обнаруживаем, например, такие наречия: *единительно*, *завлекательно*, *защитительно*, *искупительно*, *исправительно*, *ласкательно*, *обрадовательно*, *плюхо-вызывательно*, *распекательно*, *смутительно*, *ублажительно*, *умирительно* и мн. др. Проанализируем некоторые из них.

Редкие эмотивные наречия XIX в.

В качестве одного из показательных примеров языкового новаторства можно привести индивидуально-авторское наречие *плюхо-вызывательно*, встретившееся в идиостиле В.В. Крестовского (1840–1895). См.:

(1) <...> *Все лицо его <лакея> такъ и вызывало на исторію, такъ и говорило: «голубчикъ, сдѣлай одолженіе, хвати меня!»* <...> *и впутаешься ты у меня въ скандалъ,* <...> *и потому панъ-лакей, въ отвѣтъ на его <Хвалынцева> грозное «что̀!?» вылупя глаза и близко подставивъ ему свою физіономію, съ невыразимо шляхетнымъ нахальствомъ отвѣтилъ:*

– А то! – да такъ и остался предъ нимъ съ нагловылупленными бѣльмами и съ ***плюхо-вызывательно*** *подставленной мордой* [Крестовский, 1870, с. 414].

Окказиональное наречие *плюхо-вызывательно* состоит из двух частей: существительного *плюха* (прост. вариант от слова *оплеуха* – ‘удар рукой по щеке, пощечина’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 911] и наречия *вызывательно*, восходящего к прилагательному *вызывательный*. Семантика данного прилагательного подобна значению причастия *вызывающий* – ‘задорный, выражающий готовность к столкновению’ (Там же, т. 2, с. 1043). Следовательно, семантику лексемы *вызывательно* можно определить следующим образом: ‘задорно, дерзко, нагло, провокационно; выражая готовность к столкновению’, а значение сложного наречия *плюхо-вызывательно* во фрагменте (1) можно описать так: ‘провоцируя на удар по лицу, пощечину’. Выделенную семантику косвенно подтверждает и лексическое окружение рассматриваемого наречия. Так, во фрагменте (1) встречаются словосочетания *лицо <лакея> вызывало на историю*, *близко* ***подставив*** *свою физио-*

номию, ***подставленная*** *морда*, а также императив *хвати* от глагола *хватить* – ‘с размаху, с силой ударить’ [ССРЛЯ, т. 17, с. 79]. Значение исследуемого эмотивного наречия и общий контекст обусловливают отнесение лексемы к функционально-семантическому классу слов внешнего выражения эмоций [1, с. 77]. Эмоционально-экспрессивный характер всего фрагмента (1) подчеркивают просторечные слова *морда*, *плюха*, *вылупить <глаза>*, *хватить*. Исследователи отмечали, что для придания речи различных экспрессивных оттенков писатели XIX в. обращались к специфически разговорным элементам, в том числе эмоционально-оценочным, что «свидетельствовало о заметном расширении границ литературного языка» [7, с. 76].

Заметим, что если до конца XIX в. наречие *вызывательно* встречалось в текстах довольно часто, то в русском языке XXI в. эта лексема не используется вовсе, поскольку в XX в. она была вытеснена[1] отпричастным наречием *вызывающе*.

В качестве другого свидетельства лексико-семантического многообразия этой эпохи рассмотрим редкое эмотивное наречие *умирительно* и его варианты. Данное наречие следует отнести к числу редких слов: выявлено всего 6 употреблений этой лексемы. Для демонстрации динамики в семантике исследуемого наречия обратим внимание на наиболее ранний пример функционирования этой лексемы в тексте переводной пьесы на библейский сюжет «Иудифь», являющейся одной из первых пьес первого русского театра второй половины XVII века [2, с. 41]. См.:

(2) Финеесъ: *Богу сіе досадити, ей, не возможетъ, егда лѣпотно и воздержательно къ сему же и* ***умирительно*** *подкрѣпляемся и увеселимся* [Иудифь, с. 137].

Переведенная с немецкого языка на русский пьеса посвящена библейской героине Иудифи, которая спасла своих сограждан от врагов, осадивших ее родной город Вефулию. Наречие *умирительно* в приведенных выше словах иудейского вельможи Финееса семантически близко наречию *смиренно*. В качестве одного из сдвигов в значении прилагательного *смиренный* ССРЛЯ выделяет следующее: *перен. устар.* ‘скромный, скудный, убогий’ [ССРЛЯ, т. 13, с. 1393]. Таким образом, значение наречия *умирительно* во фрагменте (2) можно определить так: ‘умеренно, скромно’.

Между тем приведенные ниже примеры, относящиеся к XIX в., демонстрируют несколько иную семантику рассматриваемого наречия. См.:

(3) *Если Иванъ Сергѣевичъ <Аксаков> смекнетъ <…> что дѣйствовать* ***умирительно*** *еще дѣйствительнѣе, чѣмъ* ***распекательно****, <…> и что заставить человѣка, даже плутоватого, сдѣлать доброе дѣло еще картиннее, чемъ заставить добраго сдѣлать доброе дѣло, – словомъ, если онъ все это смекнетъ, то надѣлаетъ много добра* [Гоголь, с. 140].

(4) *Спрашиваемъ «Сѣверную Почту», способенъ ли такой порядокъ благотворно и* ***умирительно*** *дѣйствовать на развитіе общественной мысли и слова?* [Аксаков, с. 460].

Наречие *умирительно* является производным от прилагательного *умирительный*. Данное прилагательное отмечено в [Даль, с. 452], однако в словарной статье приведена лишь отсылка к существительному *умиритель* (‘к сему относящийся’), которое, в свою очередь, сопровождается следующим толкованием: ‘примиритель, миритель’ (Там же).

В ССРЛЯ зафиксирован словообразовательный вариант наречия *умирительно* – наречие *примирительно*[2] [ССРЛЯ, т. 11, с. 597]. См.:

(5) *Что касается до мнѣній Германскихъ педагоговъ о Регулятивахъ, то мы почитаемъ совершенно достаточнымъ ознакомить съ ними читателей по тремъ журналамъ различныхъ направленій (...), изъ которыхъ первый вполнѣ раздѣляетъ взглядъ Прусскаго министерства, второй упорно держится противоположныхъ убѣжденій, а третій старается, по-возможности, дѣйствовать* ***примирительно*** [Лавровский, с. 110].

Прилагательное *примирительный* в ССРЛЯ имеет следующие два значения: 1) ‘относящийся к примирению, способствующий миру, примирению между кем-либо’; 2) ‘примиряющий с чем-либо, умиротворяющий, спокойный’ [ССРЛЯ, т. 11, с. 597].

Эмотивное наречие *умирительно* семантически близко наречию *примирительно* и в примерах (3) и (4) имеет значение ‘примиряюще, способствуя миру, спокойствию’. В XIX в. подобные вариантные наречия не обнаруживали существенных различий в значениях, «валентностных и сочетаемостных возможностях» [4, с. 167] и могли замещать друг друга в тождественных или близких контекстах. Семантика и функционирование лексемы в рассмотренных контекстах позволяют отнести ее к функционально-семантическому классу слов эмоционального воздействия (косвенно это подтверждает и глагол *действовать*, располагаемый в примерах (3) – (7) при наречии *умирительно/примирительно*). Категориально-лексическая сема такого класса слов – «вызвать определенное эмоциональное состояние» [1, с. 75].

Примечательно, что в большинстве выявленных примеров наречие *умирительно* сопровождается глаголом *действовать* или его производными (в то же время наречие *примирительно* может встречаться с глаголами *возражать*, *сказать*, *спрашивать*, *проговорить*, *прошептать* и др.). См.:

(6) *Какъ воздухъ свѣжъ и чистъ, какая тишина,*
Какъ ***умирительно*** *здѣсь дѣйствуетъ она!* [Завалишин, с. 233].

(7) *<Александр> расчитывалъ и на то, что слава о его побѣде надъ Скифами подѣйствуетъ* ***умирительно*** *и на возставшихъ Согдійцевъ...* [Григорьев, с. 60].

Семантический неологизм *умирительно* был со временем вытеснен наречием *примирительно*. Как отмечает Е.В. Урысон, «уход какой-либо единицы из языка – это постепенный процесс». Перед выходом лексемы из активного словаря она «перестает употребляться вполне свободно и закрепляется за каким-то кругом контекстов» [6, с. 701].

[1] В XX в. наречие *вызывательно* встречается лишь в романе-эпопее А.И. Солженицына «Красное колесо».

[2] Попутно отметим также и отпричастный дублет *примиряюще* [ССРЛЯ, т. 11, с. 599].

Употребленное в рассмотренном выше фрагменте (3) редкое эмотивное наречие *распекательно* с активным глагольным значением было словообразовательно мотивировано существительным *распекатель* (опосредованно, через звено прилагательного), впервые зафиксированным в Словаре В.И. Даля со значением '<кто-л.> распекающий что, кого' [Даль, с. 57]. Глагол *распекать*[3] в данном словаре имеет два значения. Прямое значение: 'подогрѣть, подпечь, подогрѣть черствый <хлѣбъ>, иногда покрывъ сырой ветошкой', а переносное – 'распыжить, дать головомойку, сильно выговорить кому' (Там же). В примере (3) наречие *распекательно* обладает значением 'выговаривая, отчитывая, ругая кого-л.' и может быть отнесено к функционально-семантическому классу слов эмоционального воздействия.

Стоит отметить, что единственный случай употребления наречия *распекательно* Н.В. Гоголем в письме к С.Т. Аксакову (1844 г.) и использование не зафиксированного в словарях однокорневого прилагательного *распекательный* в языке Ф.М. Достоевского (*распекательный тонъ* [Достоевский, с. 539] – 1866 г.), Е.Э. Дриянского (*распекательный моментъ* [Дриянский, с. 38] – 1858 г.) и Н.П. Макарова (*распекательное значеніе* [Макаров, с. 58] – 1881 г.) может отчасти подтверждать предположение о «кодеривации как основном типе словообразовательных отношений между наречием и прилагательным» [4, с. 165].

Еще одной новацией XIX в., заключающей в себе семантику эмоционально-психологического состояния человека, является редкое наречие *ублажительно*. См.:

(8) *Приговаривая такимъ образомъ, они <хозяева>* ***ублажительно*** *кланялись ей льстивыми поклонами, пока ея древній ливрейный лакей, съ помощью такого же древняго лакея <…> освобождали ея сиятельство изъ-подъ богатой лисьей шубы <…>* [Крестовский, 1867, с. 28].

Эмотивное наречие *ублажительно* восходит к прилагательному *ублажительный*. В толковых словарях встречается лишь прилагательное *ублажательный*, имеющее прямую связь с глаголом НСВ *ублажать*. САР-2 предлагает следующую семантику этой лексемы: 'преклоняющій на милость' [САР-2, с. 850], а в Словаре В.И. Даля приведено лишь словосочетание *ублажательное восхваленіе* [Даль, с. 419]. Обратим внимание на семантику глагола СВ *ублажить*: *разг. Обычно ирон. или шутл.* 'угождать, доставлять удовольствие кому-либо, тешить кого-либо'. ССРЛЯ отмечает также сдвиг в значении глагола: 'задабривать кого-либо (лестью, обещаниями и т. п.), добиваясь расположения, домогаясь чего-либо' [ССРЛЯ, т. 16, с. 61]. Толкование глагола *ублажить* демонстрирует взаимосвязь семантики глагола и прилагательного. Учитывая также и контекст фрагмента (8), в котором присутствуют лексемы *кланяться*, *льстивый*, *поклон*, можно выделить значение наречия *ублажительно*: 'угождая, задабривая, доставляя удовольствие кому-либо'. Семантика лексемы и ее лексическое окружение определяют отнесение ее к классу слов эмоционального воздействия.

Аналогичная картина складывается и с эмотивным наречием *завлекательно*. Данная лексема впервые была зафиксирована в Сл. 1847 со значением 'заманчиво' [Сл. 1847, с. 8]. Во фрагменте (9) семантика новообразования *завлекательно* соответствует значению, выделенному в Сл. 1847. См.:

(9) *Амалія Потаповна прислала ей французскій романъ – одно изъ тѣхъ произведеній, которыя* ***завлекательно*** *дѣйствуютъ на молодое воображеніе, раскрывая передъ нимъ заманчивый міръ сладострастныхъ образовъ и ощущеній...* [Крестовский, 1867, с. 352].

Обратим внимание, что рассматриваемое наречие употребляется с глаголом *действовать*. Семантика данного слова также раскрывается через контекст фрагмента (9). См.: ***завлекательно*** *действуют*, *раскрывая* ***заманчивый*** *мир*. Таким образом, рассматриваемая лексема принадлежит семантическому классу слов эмоционального воздействия.

Между тем в нижеследующем фрагменте (10) мы сталкиваемся с определенным сдвигом в значении этого наречия. См.:

(10) *...Читайте тѣхъ, которые говорятъ вамъ о чистомъ наслажденіи жизнью, о томъ, что человѣку можно быть добрымъ и счастливымъ. Читайте ихъ <…>, думайте – думать* ***завлекательно*** [Чернышевский, с. 526].

Глагол *завлекать,* являющийся словообразовательной базой для исследуемого наречия, имеет следующее значение: 'вовлекать, увлекать, заманивать' [ССРЛЯ, т. 4, с. 308]. Значение наречия *завлекательно* в примере (10) качественное и его можно определить как 'занятно, интересно, увлекательно', что обусловливает отнесение этой лексемы к функционально-семантическому классу слов эмоционального состояния.

К классу слов эмоциональной характеризации можно отнести редкое эмотивное наречие *искупительно*. Лексема имеет специфически книжный характер: несколько употреблений отмечаются исключительно в церковно-книжных текстах, наполненных славянизмами. Однако нам встретился и контекст из литературно-политического журнала «Дело». См.:

(11) *Западъ въ ту пору не поспѣшилъ на выручку нашей Руси,* ***искупительно*** *для него принявшей на себя одну всѣ удары азіятской орды* [Отъ С.-Петербургскаго, с. 5].

Наречие *искупительно* восходит к прилагательному *искупительный* со значением 'относящийся к искуплению' [ССРЛЯ, т. 5, с. 465]. В свою очередь, существительное *искупление* имеет в качестве одного из значений *устар.* 'освобождение, избавление от бедствий, несчастий' (Там же, с. 466). Таким образом, во фрагменте (11) наречие *искупительно* обладает значением 'принося избавление от бедствий, несчастий'.

Подобно наречию *искупительно*, эмотивное наречие *смутительно* имеет схожую сферу употребления: оно встречается в текстах религиозной тематики. См.:

(12) *Объяснивъ, что они, бѣдніи и горько-нищіи выговляне, <…> содержатъ ко спасенію душевному дѣйства, чины и уставы, яже древле православная содержаше церковь, что различная клевето-наношенія,*

[3] По данным словаря М. Фасмера, корень слова восходит к праславянскому **рестъ : пеку*; ср. др.-инд. *paktis* – 'варка, вареное кушанье', греч. πέψις – 'варка, жарение' [Фасмер, т. 3, с. 256].

смутительно *оглашающія слухъ его всепремудрѣйшаго архипастырства, нелѣпы…* [Барсов, с. 211].

Однако нами выявлены и контексты из художественной литературы. См.:

(13) *Хотя давно уже обстоятельства заставили его <Николая Чечевинского> покинуть свое родовое старинное имя <…> однако же, это имя, внезапно услышанное теперь изъ устъ пьяной и безобразной развратницы <…> какъ-то нехорошо и* ***смутительно*** *захлестнуло въ немъ щекотливое чувство прирожденно-гордаго аристократическаго достоинства.* [Крестовский, 1867, с. 98].

Наречие *смутительно* восходит к прилагательному *смутительный* со значением ‘нарушающий спокойствие; вызывающий душевное смятение, тревогу, расстройство’ [ССРЛЯ, т. 13, с. 1433]. Контексты (12) и (13) показывают соответствие значений прилагательного и наречия и позволяют определить семантику наречия *смутительно* следующим образом: ‘нарушая спокойствие; вызывая душевное смятение, тревогу, расстройство’. Значение наречия позволяет отнести его к функционально-семантическому классу слов эмоционального состояния.

Заключение

Рассмотренные примеры с новообразованиями показывают, что эмотивные наречия осуществляют связь с носителем эмоций опосредованно, через действия героев или их отличительные качества. Эмотивные наречия, имея в качестве своей задачи эмоционально окрасить действие или углубить признак, позволяли сделать любой персонаж многомерным, а его поведение динамичным.

Анализ редких наречий на *-тельно* показал, что, с точки зрения их семантики и контекста, такие наречия могут выполнять функции внешнего выражения эмоций героя, эмоционального воздействия, эмоционального состояния и эмоциональной характеризации.

Несмотря на наличие у рассмотренных лексем суффикса *-тельно*, имеющего глагольную семантику, в некоторых случаях значения наречий могут быть лишены оттенка глагольности и вместо него приобретать качественное значение (например, наречия *плюхо-вызывательно*, *обрадовательно*, *смутительно*). При этом у других наречий глагольное значение выражается достаточно ярко, как, например, в контекстах с наречиями *умирительно*, *примирительно*, *распекательно* и *завлекательно* (фрагм. 9), для которых характерно употребление в сочетании с глаголом «действовать».

Новообразования *обрадовательно*, *смутительно* и *умирительно* (фрагм. 1) показывают, что часть наречий, образованных по модели на *-тельн-*, имеют специфически книжный характер. Свидетельством этому является употребление выявленных нами новообразований в текстах с определенной жанровой спецификой.

Источники

1. Аксаков, И. С. О нецѣлесообразности системы предостереженій / И. С. Аксаков // Сочиненія И. С. Аксакова. Общественные вопросы по церковнымъ дѣламъ (1860–1886). – Москва, 1886. – Т. IV.

2. Барсов, Е. В. Семен Денисович Вторушин, предводитель русского раскола XVIII века / Е. В. Барсов // Труды Кіевской духовной академіи. – Киевъ, 1866. – Т. II.

3. Гоголь, Н. В. 21 декабря 1844 г. / Н. В. Гоголь // История моего знакомства с Гоголем. Русскій архивъ. Историко-литературный журналъ. – Москва, 1890. – Т. XXVIII. Ч. II.

4. Григорьев, В. В. Походъ Александра Великаго въ западный Туркестанъ / В. В. Григорьев // Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія. – Санкт-Петербург, 1881. – Ч. CCXVII.

5. Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка / В. И. Даль. – Петербург ; Москва, 1863–1865. – Ч. IV.

6. Достоевский, Ф. М. Игрокъ (изъ записокъ молодаго человѣка) – Ф. М. Достоевский // Полное собраніе сочиненій Ѳ.М. Достоевскаго. – Санкт-Петербург, 1905. – Т. III.

7. Дриянский, Е. Э. Квартетъ / Е. Э. Дриянский // Библіотека для чтенія, журналъ словесности, наукъ, художествъ, критики, новостей и модъ, издаваемый подъ редакціею А. В. Дружинина. – Санкт-Петербург, 1858. – Т. 151.

8. Завалишин, И. И. Эпопея тысячелѣтія. Паломничество Ипполита Завалишина / И. И. Завалишин. – Москва, 1866.

9. Иудифь (без автора) // Русскія драматическія произведенія 1672–1725 годовъ. – Санкт-Петербург, 1874. – Т. I.

10. Крестовский, В. В. Кровавый пуфъ. Панургово стадо / В. В. Крестовский. – Лейпцигъ, 1870. – Ч. II.

11. Крестовский, В. В. Петербургскія трущобы. Книга о сытыхъ и голодныхъ / В. В. Крестовский. – Санкт-Петербург, 1867. – Т. I.

12. Макаров, Н. П. Мои семидесятилѣтнія воспоминанія и с тѣм вмѣстѣ моя полная предсмертная исповѣдь / Н. П. Макаров. – С.-Петербургъ: Типографія Тренке и Фюсно, 1881–1882.

13. Лавровский, Н. А. О Прусскихъ Регулятивахъ 1, 2 и 3 октября 1854 года / Н. А. Лавровский // Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія. – Санкт-Петербург, 1858. – Ч. XCVII.

14. Отъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго комитета (без автора) // Дѣло. Журналъ литературно-политическій. – Санкт-Петербург. – 1876. – № 8.

15. САР-2 – Словарь Академіи Россійской по азбучному порядку расположенный. – Санкт-Петербург, 1822. – Ч. VI. Отъ С до конца.

16. Сл. 1847 – Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ. – Санкт-Петербург, 1847.

17. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – Москва ; Ленинград, 1950–1965.

18. Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер. – Москва, 1987. – Т. III.

19. Чернышевский, Н. Г. Что делать? / Н. Г. Чернышевский // Современникъ. Журналъ литературный и политическій. – Санкт-Петербург, 1863. – Т. XCV.

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск, 1989.

2. Державина, О. А. Появление театра и драматургии в России XVII в. / О. А. Державина, А. С. Демин, А. Н. Робинсон // Первые пьесы русского театра. – Москва, 1972. – С. 7–99.

3. Ермакова, О. П. О некоторых общих вопросах словообразования наречий / О. П. Ермакова // Развитие словообразования современного русского языка. – Москва, 1966. – С. 45–54.

4. Пеньковский, А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. – Москва, 2004.

5. Петрова, З. М. Новообразования в кругу имен прилагательных / З. М. Петрова // Лексические новообразования в русском языке XVIII в. / Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. – Ленинград, 1975. – С. 146–246.

6. Урысон, Е. В. Неотрицаемые предикаты: наречие *впору* / Е. В. Урысон // По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2013» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В 2 т. Т. 1. – Москва, 2013. – С. 693–702.

7. Ходакова, Е. П. Изменение лексики русского литературного языка в пушкинское время / Е. П. Ходакова // Лексика русского литературного языка XIX – начала XX в. / ответственный редактор Ф. П. Филин. – Москва, 1981. – С. 7–182.

E.Yu. Sharikhin

RARE EMOTIVE ADVERBS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 19TH CENTURY (ON THE MATERIAL OF QUALITATIVE ADVERBS ENDING IN *-ТЕЛЬНО (-TELNO))*

The study of the semantic features of rare emotive adverbs ending in ***-тельно (-telno)*** is based on Russian fiction of the 19th century. The author proves that in various contexts such adverbs can function as the external expression of heroes' emotions, their emotional impact, state and characterization. According to the article the meanings of the adverbs in ***-тельно (-telno)*** are often devoid of the verbal character and have abstract qualitative meanings. Whereas, other adverbs with the same *-тельно (-telno)* have a distinct verbal character.

Russian, historical lexicology and word-formation, semantics, adverb.

УДК 81'282

Н.В. Шевченко
Институт лингвистических исследований РАН

ЩУКА, ЩУРЁНОК И ИХ НАЗВАНИЯ В ДИАЛЕКТАХ РАЗНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

В статье раскрывается значение и семантика слов *щука, щурёнок,* описываются их названия в диалектах разных регионов России (1064 района). В описании представлены семантические характеристики как основных картографируемых названий данной рыбы, так и не картографируемых и даже единичных, например: *зубастка*, *крокодилица*, *речная акула*, *речной волк (щука)*, *зеленец*, *веретёжка*, *гво́здик*, *касты́к*, *колося́нка*, *лезурёнок*, *лоншачо́к*, *крючо́к*, *напи́льник*, *ножеви́к*, *осеню́ток*, *сегодавка*, *юрлак (щуренок)* и др. Обращено внимание на повадки щуки и ее детенышей, наделенность их чертами человека, характеристику отдельных черт, мудрость у щуки, хитрость и юркость у щуренка.

Семантика, диалект, название, щука, щуренок, детеныш, рыба, сравнение.

Слова ***щука, щуренок*** – одни из наиболее частых названий рыб в регионах России. Слово ***щука*** – общеславянское, восходящее к той же основе, что и глагол *щупать*. Впервые это слово отмечено в словаре И.И. Срезневского: ‘*щучина* – мясо ***щуки.*** Две бочки рыбы по десяти ведер: одна *щучины*, а другая… мелкие рыбы…1461–1464 г. [7, с. 1615]. В словаре В.И. Даля ‘***щука*** – это ж ***щупак*** м. южн. зап. речная, хищная рыба Esox lucius. *Не думай,* ***щука,*** *как влезть, думай, как вылезть! Та же* ***щучка****, только выедены щечки. Карась сорвется –* ***щука*** *навернется. Поучи* ***щуку*** *плавать. Морская* ***щука*** Belone rostrata. *Лукавый, пронырливый человек. Это* ***щука****, остренький носок!* ***Щука****, луговик, метлица, растен*. Deschampsia. ***Щучье*** *мясо,* ***щучина*** *и суховата, и жестковата*. ***Щукле́нок*** твер. щучка. *По моему прошенью, по щучьему веленью* (сказ.). *В щучьей голове, что в холопской клети; в язевой, что в барской’* [1, с. 658]. В словаре М. Фасмера происхождение слова ***щу́ка*** объясняется через сравнение со следующими словами: укр. ***щу́ка,*** др.-рус. ***щучина*** ‘мясо щуки’ (XV в. 7, с. 1615); болг. ***щу́ка***, сербохорв. ***шту̏ка,*** словен. ***Ščúkau*** и др. [9, т. 4]. Словарь Н.М. Шанского дает слову ***щука*** похожее со словарем М. Фасмера объяснение: ***щу́ка*** **–** ‘Общеслав. Образовано, очевидно, с помощью суф. *-ка* от той же основы, что и ***щупать*** (сочетание *пк* > К). Рыба названа по своей «щуплости» (ср. с другими суф. диал. ***Щупак***, польск. Szczupak). См. ***Щупать***. Вместе с тем, нельзя полностью исключить предполагаемое некоторыми учеными родство с ***щель***, ***скорняк***, ***щерить***, ***скука*** и др. В таком случае ***щука*** <****skeuka*** – суф. Производное от ****skeu-*** «рубить, резать, колоть, бить, убивать», а рыба получила имя по своей хищности’ [10].

В картотеке 1064 регионов России наименований ***щуки*** как рыбы зафиксировано свыше 85. Самое часто встречающееся слово ***щу́ка***: из 2565 карточек около 770 с этим названием. Остальные названия либо единичны, либо исчисляются 10–30 словами. Чаще других в картотеке встретились: ***щу́рка*** (32), ***щупа́к/щупа́ка/щипа́к*** (24), ***щука́рь/щупа́рь*** (9), ***жре́ба*** (8). Другие наименования встретились по 3–6 раз: ***хищник/хищница*** (5), ***ме́льма/ме́льба*** (6), ***щу́ра*** (4), ***щуро́к*** (3), остальные – по одному. Описательные наименования единичны: ***крестóвая ры́ба***, ***речна́я аку́ла***. И только название ***речно́й волк*** отмечено трижды.

Единичные наменования щуки, отмеченные в говорах регионов России, следующие (номера после названий означают регион, в семантических кавычках приведены примеры из речи местных жителей): ***щука́н*** (815), ***щури́ха*** (872), ***щуря́тина*** (743): *В речке поймал* ***щуря́тину,*** *большая, зубастая*; ***щуча́ра*** (13, 62): ***Щуча́ра*** *– большая щука*, *Заливное из* ***щуча́ры*** *очень вкусно*, *‘Недавно такую* ***щуча́ру*** *вытащил килограмма на 4’*; ***щучи́на*** (313, 908), ***хищи́на*** (241), ***бабо́вница*** (120): *Весной щука большая да с икрой, так это* ***бабо́вница, балабо́лица*** (121): ***Балабо́лица*** *– щука, обитающая в тихих заводях, поросших жёлтой кувшинкой*, ***зубак*** (437), ***зуба́нья*** (247), ***зуба́стая*** (303, 708), ***зуба́стка*** (19, 260), ***зуба́тка*** (96, 596, 705), ***зубохво́стка*** (942), ***икря́нка*** (518), ***лонши́на*** (80): ***Лонши́на*** *– старая щука*, ***лягуша́тница*** (699), ***ножо́вик*** (343), ***ножо́вник*** (472), ***ножо́вка*** (58, 98), ***самое́д*** (83): ***Самое́ды*** *копчёные вкусные, и жареные хороши*, ***стрежеви́ца*** (64)*,* ***щедри́ха*** (309), ***щеу́ла*** (133).

Некоторые наименования ***щуки***, преимущественно ее подвиды, отмеченные в картотеке, отведены от картографирования, но в словарях говоров зафиксированы: ***дегле́ц*** (121), ***дегле́нец*** (226): *То же, что* ***дегленик****. Щука с малокай называетца* ***дегленец;*** ***дегленик***, м. – *Самец щуки. Кагда расплаждаются щуки, тагда* ***дегленики*** *пападают*’ [8, с. 118]; ***песка́рка*** (61) ‘***Песка́рка*** *– это щука, которая на песчаных местах водится.* ***Пескарки****-то и большие, и маленькие бывают*’ (Там же, с. 48); ***берегова́я*** (226), ***горба́тая*** (226), ***деревя́нная*** (30), ***ходова́я*** (129), ***плесова́я*** (226): ***Береговая*** *щука пораньше нерестует, она у берега, где вода потеплее, водится.* ***Плясовая*** *щука попозже нарастует. Щука нарастует почти три недели.*

Чёрная горбатая *щука и обыкновенная* ***плясова́я*** *щука.* ***Плясова́я*** *щука крупнее и позже икру мечет, чем* ***береговая****.* ***Плясова́я*** *щука белее, а* ***береговая*** *потемнее.* ***Плясова́я*** *– чёрная. И большая хребтина. У щуки есть крестик в голове, когда её ешь.* ***Плисовая*** *щука – самая крупная щука* [3, с. 388]; ***зелёнка*** (90), ***крокоди́л*** (159), ***крокоди́лица*** (159), ***ма́мка*** (41): ***Щука*** *может быть названа по месту обитания:* ***глубинка*** *– глубинная щука,* ***зелёнка*** *– щука, живущая в поросшем травой водоёме,* ***травянка*** *– щука, которая водится на мелководье, в речных зарослях*; ***Крокоди́лица****. Крупная щука. Крупную щуку* ***крокодилицей*** *называют. Килограммов пять-шесть. Сравнение с крупным пресмыкающимся мотивировано тем, что щуку отличает длинная и плоская голова*; ***Мамка*** *(шутл.). Большая икряная* ***щука****. Попала* ***мамка-щука****, отпустили на потомство* [5, с. 92, 112, 122, 132].

Кроме выше перечисленных, в словарях русских говоров встретились и другие названия щуки и ее подвидов: ***икря́нка***, ***моло́чник***: ***Икрянка*** *– это щука-баба, а* ***молочник*** *– это щука-мужик* [3, с. 293]; ***балабо́лошная*** *щука. Нерестится в период цветения,* ***крещёная*** *щука,* ***шту́ка***, ***забо́йная*** *щука,* ***жа́ба****,* ***трофе́йная*** *щука,* ***востроно́сица*** *щука,* ***хозя́йка, ка́тя***: ***Жаба.*** *Крупная щука, живущая преимущественно в заросших водоёмах.* ***Жаба щука****, большеротая*; ***Катя*** *(шутл.). Крупная щука. Крупную щуку, слышал, да, что* ***Катей*** *называли, но значения этому не придавал. Название щуки* ***катя*** *(известно в этом значении также костромское* ***катька****) отражает древние религиозные смыслы имени Катерина и противоречивый культ щуки, известный многим народам. Скорее всего, на рыбу, которая считается едва ли не главной в водоёме (недаром одно из её названий* ***хозяйка****), перенесено имя Св. Екатерины. Как известно, Катерина – имя канонической невесты Христовой. В русских заговорах при упоминании Божией Матери очень часто следует Святая Катерина. В народном сознании особо выделен тот факт, что на лбу у щуки якобы видны крест и копьё, которым был пронзён распятый Христос. Недаром изображение щуки или её челюстей носили в качестве оберега, особую силу придавали щучьему кресту и игле – «сонной косточке»*; ***Хозя́йка*** *(шутл.). Крупная щука. В каждом озерке есть* ***хозя́йка*** *– щука.* ***Хозя́йку*** *поймать очень сложно* [5, с. 102, 115, 143, 192].

Очень много названий имеет и детеныш щуки – ***щуренок*** (основное его название, отмечено во всех регионах России). Зафиксированы его видоизмененные названия, сходные с ***щуренок***: ***щучонок***, ***щукаченок***, ***штученок***, ***щуронок***, ***щуренёнок***, ***щурлёнок***, ***щурок***, ***щурёк***, ***щучка***, ***щукарёнок***, ***щирёнок***, ***щуглёнок щуклёнок***, ***щукленёнок***, ***щупак***, ***щупачок***, ***щупарёнок***, ***щупарь***, ***щурёныш***, ***щуреня***, ***щурка***: ***Щупаков*** *сегодня не поймал* (п. 427). *Вон смотри, смотри,* ***шипачок*** *малька пугает* (п. 926). *Вчера я уловил десять* ***щупарят*** (п. 731). В словаре М. Фасмера дается: ‘уменьш. ***щуклёнок,*** мн. ***щукленя́та***, ***щуренок*** [9, т. 4]. В регионах России во мн. ч. зафиксированы ***щурята, щучата*** (183, 293, 441, 877, 905, 951, 964, 980), ***щучаты*** (975), ***щученята*** (919, 930); ***щуклята*** (219, 226, 377), ***щукленята*** (168, 269, 474); ***щурёнки*** (116, 154, 202, 260, 364). Отмечены и единичные наименования ***щуренка*** во мн. ч.: ***щурчаты*** (70), ***щуглята*** (223), ***щуканята*** (168), ***щукарята*** (436), ***щукренята*** (168), ***щунята*** (980), ***щурочата*** (90), ***щурятишки*** (549), ***щурятки*** (723), ***щучки*** (587, 973, 957).

Однако наряду с названиями, образованными от одного корня (***щук-***, ***щуч-*** и подобными), встретились названия детенышей ***щуки*** редкие, не связанные с корнем от ***щука***. К ним мы отнесли следующие группы названий детеныша щуки.

1. Распространенные метафорические (чаще – по размеру, иногда по цвету или форме), преимущественно жаргонные названия в речи рыбаков ***карандаш***: ***Карандашики*** *у берега стоят, Димка говорил, что руками ловил, да врёт, поди* (44). ***Карандашей*** *в заливе наловил* (69). *Мы не берём маленьких* ***карандашей*** (119). ***Карандаши****, когда маленькие* (158). *Принёс он мне одних* ***карандашей*** (190). Вчера только одного ***карандаша*** поймали (п. 259). *Плескался, думали большой, а достали – так* ***карандаш*** (392). *Все щучки сегодня –* ***карандаши*** (867); ***косты́ль*** (59, 72, 598, 699, 836): *В речке щука тоже, щурёнок, щурята, небольшой щурёнок – называют* ***костыль*** (п. 59). *Щурёнка мы* ***костылём*** *называем* (598); ***травничо́к*** (2, 117): ***Травничо́к*** *– мелкая щука. Поймали семь щучек –* ***травнички́***, ***трава́нка*** (52): ***Трава́нка*** *– такая же щука, поменьше только.* ***Трава́нка*** *– рыбка маленькая, после больше станет, то её щукой зовут, а вначале* ***трава́нкой***; ***стрелка, стрелок, стрелец*** (353): ***Стре́лка*** *– длинный, тонкий, как стрела. Вмести са щукъй и* ***стрелку*** *паймал* (668)*,* ***стрело́к*** *– длина до 25 см* (292); ***шнурок***: *Одних шнурков наловил* (185). *У пруду* ***шнуркоф*** *пало* (519); ***шило*** (348), ***шпроты*** (154).

2. Вторую группу наименований щуренка составили редкие, даже единичные названия, которых оказалось много: ***веретёжка*** (216), ***гвоздик*** (964): ***Гвоздик,*** *а, м. 2. Мн. мальки* [4, с. 159]; ***годовалок*** (122)**,** ***долойчик*** (144), ***ерлычо́к*** (121): ‘***Ерлычо́к*** *– небольшая щука, преимущественно самец’,* ***ерла́к*** (218): ***Ерлакъ*** (чаще ***юрлакъ*** (62), ***ерлачокъ*** 1) *молодая (но больше одного фунта вѣсомъ) щука;* 2) *общее названіе молодыхъ молочниковъ всѣхъ породъ рыбъ* [2, с. 32]; ***жиганчик*** (240): ***Жига́ны*** – мелкая, низшего сорта рыба. [4, с. 165], ***земну́шка*** (30), ***зубохво́стик*** (942), ***калае́дка*** (40, 519), ***каса́рник*** (878)*,* ***касты́к*** (25): *Щурёнка ещё* ***касты́к*** *называ́ют //* ***касты́к*** *э́та сафсе́м ма́ленькая щу́чка*; ***клино́к*** (702) *– рыба пескарь’* (Там же, с. 298), ***коло́дочка***, ***колося́нка*** (44): ***Колося́нка*** *– малёк щу́ки.* ***Колося́нка*** *– ме́лкая щу́ка, сантиме́тров 5–6, малёк её*; ***коса́рница*** (27), ***косы́рка*** (549), ***крючок*** (402): *Маленьких щук в детстве* ***крючки́*** *нъзывали*; ***лезуренок*** (993), ***ле́тушка*** (35), ***лоншня́к*** (82), ***лоншачо́к*** (62): ***Лоншачки́****-то то́же едя́т/ жа́рят (****лоншачок*** *– щурёнок прошлого года рождения)*, ***наколю́шка***, ***напи́льник***, ***незачёт*** *(шутл.)*: *Рыба, меньшая по размеру, чем разрешённая к вылову. Щука до 30 сантиметров считается* ***незачёт****, надо отпускать, если не сильно*; ***неро́вка*** (214), ***но́жик***, ***осеню́ток***, ***остре́ц***, ***остречо́нок***, ***сегода́вка***: ***Сегода́вка*** *– маленькая щучка.* ***Сегода́вка*** *– щурёнок маленький, этого года рождения*; ***Сегода́вка****, ж. маленькая рыбка, вышедшая из икринки в нынешнем году, малек* (Там же, с. 108), ***селёдок/селеток***. ***Селёдком****-то ма-*

ленькую щуку называют (139). ***Селёдок –*** *м. годовалый щуренок. Разная рыба водится. Ну и окунь, язь,* ***селёдок****, сквозняк* [4, с. 129]; 10. ***Сига́лка*** (***сигаля́та***, 189) – *некрупная щука* (Там же, с. 276); ***синю́ха*** (125), ***синя́вина***, ***синя́вка***, или ***шня́вка*** – *вид щуки*' (133): *Окушков у нас много, плотичек,* ***синя́вок****. На мели маленьки* ***синя́вки*** *водятся, рыбки таки маленьки* (Там же, с. 341); ***сквозня́к***: ***Сквозни́к****, м. 4. Мелкая рыба, свободно проходящая сквозь ячеи сети. Судак мелкий – сквозник – продается от 7–10 коп. за штуку. Крупная щука до* ***сквозника*** *– 6 руб. пуд; щука* ***сквозни́к****, отборный окунь и сарожка – 2 руб. 70 коп. пуд;* ***сквознячо́к****, м.* То же, что ***сквозни́к*** (в 4-м знач.). *Одне* ***сквознячки́*** *пробежали (про мелкого ельца и про другую мелкую рыбу)* (Там же, с. 404, 406); ***чепе́й/чипе́й***, ***челно́к*** (159, 243, 246, 300, 316, 345, 442, 474, 527, 562, 686, 745), ***челночо́к*** (340, 897): 442. ***Челно́к*** *– одногодка.* 527. *И* ***чилнака́****-тъ щурки́/щуря́та* (562). ***Челно́к*** *– будущая щука* (686). *Ма́ленькъва щурёнка* ***челнако́м*** *называ́ем* (745). ***Чилнаки́*** *на блисну́ ни пайду́т;* ***щерпачо́к***, (44), ***ярзу́н*** (226).

Как видно, многочисленные наименования ***щуки*** и ***щуренка*** характеризуют: а) у ***щуки***: возраст (**деревянная**), внешний вид (***горбатая***), размер (***кобыла, крокодил***), места нахождения и нереста (***береговая***, ***глубинная, травянка***), вкусовые пристрастия (***самоед*** – поедает маленьких щурят, ***лягушатница*** – ест лягушек) и мн. др; б) у ***щурёнка***: размер (***карандаш***, ***карандашик***, ***шнурок***, ***шило***, ***колосянка***, ***гвоздик***, ***незачёт***, ***шпроты***), возраст (***сегодавка***, ***челнок***, ***лоншачок***, ***селёдок***, ***годовалок***), внешний вид (***ножик***, ***земнушка***, ***травничок***, ***крючок***), вес (***ерлычок***, ***юрлак***), юркость, быстрота передвижения (***веретёжка***, ***острец***, ***остречонок***, ***сквозник***, ***сквозничок***, ***стрелка***, ***стрелок***, ***сигалка***, ***сигалята***)) и др.

Приведенные наименования щуки и ее детенышей говорят об особенном к этой рыбе отношении у жителей разных регионов России. ***Щука*** – не только средство добычи и пропитания, она – ***хозяйка*** озера (реки), ***крещёная***, ***мамка***, может быть коварной и мудрой, принести как счастье и богатство, так и несчастье. Крупную щуку называют даже женским именем – ***Катя.*** К детенышу щуки отношение как к ребенку, отсюда и многочисленные ласкательные его наименования: ***щукаченок***, ***щуренёнок***, ***щурлёнок***, ***щукарёнок***, ***щукленёнок***, ***щупарёнок***, ***гвоздик***, ***ерлычок***, ***карандашик***, ***лоншачок***, ***остречонок***, ***сквозничок***, ***травничок*** и мн. др.

Источники

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва : Дрофа Русский язык Медиа, 2008. – Т. 4. – 683 с.

2. Кузнецов, Н. Д. РСПВ – Рыбопромышленный словарь Псковского водоема / Н. Д. Кузнецов. – Петроград, 1915. – 160 с.

3. СМРДСОЗ – Материалы по русской диалектологии. Словарь / под ред. А. С. Герда. – Санкт-Петербург : Филолог. фак-т СПбГУ. Выпуск 3. – 2007. – 333 с.; Выпуск 4. – 2010. – 520 с.

4. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Ленинград : Наука. – Вып. 6. – 1970. – 360 с.; Вып. 9. – 1972.– 362 с.; Санкт-Петербург : Наука. – Вып. 13. – 298 с.; Вып. 37. – 2003. – 416 с.

5. Рыболовный словарь Прикамья. Серия «Фольклор народов России». – Санкт-Петербург : Маматов, 2012. – 256 с.

6. СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вологда, Русь, 1997. – 168 с.

7. Срезневский, И. И. Материалы к словарю древнерусского языка / И. И. Срезневский. – 1912. – 1684 с.

8. ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2002. – 180 с.

9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Москва, 1986. – Т. 4.

10. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – Москва : Дрофа, 2004. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/shansky. – Текст : электронный.

N.V. Shevchenko

PIKE, PICKEREL AND THEIR NAMES IN THE DIALECTS OF RUSSIAN REGIONS

The article reveals the meaning and semantics of the words pike and pickerel and describes their names in the dialects of 1064 districts in various Russian regions. The article also deals with the semantic characteristics of both mapped and unmapped names of this fish and even single ones, for example: zubastka (toothfish), krokodilitsa (crocodile), rechnays akula (river shark), rechnoy volk (river wolf), zelenec, veretyozhka, gvozdik (spike), kastyk, kolosyanka, lezuryonok, lonshachok, kryuchok (hook), napilnik (rasp), nozhevik, osenyutok, segodavka, yurlak, etc. The author pays special attention to pikes' and pickerels' behaviours, similarities between their traits and the ones of a human being, description of their individual qualities, for example, pikes' wisdom and pickerels' cunning and briskness.

Semantics, dialect, name, pike, pickerel, juvenile, fish, comparison.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82

С.Х. Головкина, А.В. Федорова
Вологодский государственный университет

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕМИНАР «ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА “ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО” В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ»

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-012-00348 «Энциклопедия “Привычного дела” В.И. Белова»

В статье представлен обзор сообщений, сделанных на научном литературном семинаре, посвященном одной из ранних повестей В. Белова. Семинар дал возможность ученым обсудить проблемы восприятия, интерпретации, перевода и научного изучения одного из лучших произведений писателя.

Василий Белов, деревенская проза, проблематика повести, образы персонажей, интерпретация, проблемы перевода.

23 октября 2021 года в рамках VIII Всероссийских Беловских чтений состоялся научный литературный семинар, организованный Вологодской областной универсальной научной библиотекой совместно с Череповецким государственным университетом и главным редактором журнала «Вопросы литературы» И.О. Шайтановым [5]. Тема семинара была предложена доктором филологических наук, профессором И.О. Шайтановым и поддержана заведующим кафедрой литературы ВоГУ кандидатом филологических наук С.Ю. Барановым, директором Гуманитарного института ЧГУ доктором филологических наук А.В. Черновым, а также директором ВОУНБ, одним из организаторов Беловских чтений, Т.Н. Буханцевой. В режиме видеоконференции участники семинара выслушали доклады ведущих ученых – исследователей творчества В.И. Белова, обсудили проблемы, художественно осмысленные писателем в повести «Привычное дело», обозначили вопросы, требующие дальнейшего глубокого изучения.

Открыла мероприятие директор Вологодской областной библиотеки Т.Н. Буханцева. С развернутыми сообщениями выступили заведующий кафедрой литературы ВоГУ канд. филол. наук С.Ю. Баранов; директор учебно-научного центра современных компаративных исследований РГГУ д-р филол. наук, профессор И.О. Шайтанов; директор Гуманитарного института ЧГУ д-р филол. наук, профессор А.В. Чернов.

Автор целого ряда статей, посвященных повести «Привычное дело», С.Ю. Баранов в своем выступлении подчеркнул, что В.И. Белов как писатель, имеющий мировую известность, особенно дорог вологодским читателям и исследователям его творчества, реалии родного края вписаны в мир многих его произведений. Повесть «Привычное дело» живет в нашем культурном, литературном, ментальном пространстве уже 55 лет. В год 50-летия выходили научные статьи, подводящие предварительный итог существования в нашем сознании этой повести. Однако изменения в обществе, несомненно, требуют новых подходов в интерпретации любого художественного произведения. Меняется время, а с ним происходят изменения в статусе литературы, чтении произведений, да и деревня, которую описал Белов, – сейчас уже «уходящая натура», она существенно изменилась. Изменения в отношении ценностных ориентиров затрагивают не только общество, но и литературу. Современная литература о деревне представляет уже не деревенскую, а постдеревенскую прозу. Веяния постмодернизма накладывают отпечаток на устройство художественного произведения, оно перестает быть «структурой телеологического характера». Все это порождает конфликт интерпретаций повести «Привычное дело».

Современные исследователи отмечают, что трактовка произведения шла от социологии к онтологии, к определению философской значимости этого произведения. Как показывает анализ критики второй половины XX века, некоторые эпистолярные источники, новизна многих современных оценок повести, тем не менее, несколько преувеличена, многое было высказано еще в первых рецензиях на «Привычное дело». Показательно в этом отношении мнение Л.К. Чуковской, высказанное в письме к отцу: «Белов пишет о людях преимущественно дурных, но как о людях, со своей духовной жизнью…». С.Ю. Баранов обращает внимание на образ Ивана Африкановича, который сразу после публикации повести подвергся полярной критике исследователей: с одной стороны, в нем многим виделся идеал национального менталитета, с другой – его иногда определяют как «недоличность», рассредоточенное существо, не сформированное в ментальном отношении. Существуют попытки объединения этих позиций, отражающие реалистические

принципы описания человека с его достоинствами и недостатками. Однако применить такую интерпретацию к Ивану Африкановичу, несмотря на существующие в классической литературе похожие типы героев, до конца не получается.

Одной из загадок Ивана Африкановича, требующих разрешения, С.Ю. Баранов называет уникальность образа даже в контексте деревенской прозы, параллели ему нет в других произведениях русских писателей в отличие от женских образов произведения. По мнению докладчика, Дрынова можно было бы рассматривать как акцентуированный образ в русской литературе, в котором сосредоточены важные проблемы и благодаря этому он выдвигается на первый план нашего сознания.

Обобщая проблемы, затронутые на пленарном заседании Беловских чтений, С.Ю. Баранов обращает внимание на то, что при анализе повести в современном литературоведении недостаточно внимания уделяется социальному и литературному контекстам. «Привычное дело» – одно из знаменательных явлений «оттепели», оно порождено этой «оттепелью», повесть просто не могла появиться в другое время. Говоря о современном прочтении повести в мировоззренческом плане, трудно себе представить постановку «Привычного дела» в театре. Разговор о современном звучании «Привычного дела» невозможен без основательного изучения историко-литературной основы: поиска генетических связей в русской литературе (Калиныч, Платон Каратаев), исходных образов, готовящих появление Ивана Африкановича, отношения его к типу «маленького человека» [3]. Значимым для понимания текста было бы также сопоставление образа Ивана Африкановича и Василия Теркина. Требуется установление не только интертекстуальных, но и интекстуальных связей для интерпретации литературного произведения, определение места произведения в контексте «деревенской прозы», экзистенциального начала в повести. Таким образом, открываются широкие перспективы для исследования повести В.И. Белова. Несомненно, «повесть “Привычное дело” достойна того, чтобы по ней издали отдельную энциклопедию», – считает С.Ю. Баранов [4, с. 8].

И.О. Шайтанов выразил согласие с мыслью о том, что повесть «Привычное дело» занимает особое место и в творчестве Белова, и во всей деревенской прозе, слово «классика» вполне уместно для характеристики этой повести, ведь написанное несколько десятилетий назад произведение остается актуальным сейчас. В выступлении был обозначен ряд вопросов, поставленных еще Беловым и требующих особого внимания сейчас, поскольку они более значимы, чем ответы, которые более привязаны к времени, к личности; вопросы объективны – ответы интерпретационны.

Проблематика повести «Привычное дело» остается актуальной и сейчас. В период создания и публикации повесть в большей мере воспринималась с позиций социальных, острота произведения была обусловлена деревенской темой. Однако редактор «Привычного дела», рекомендуя повесть к печати, был готов пожертвовать партбилетом, настолько тяжело было осуществить публикацию этого произведения, разительно отличавшегося от тех, что издавались в 60–70 годы XX века. Умирание деревни показано как человеческая трагедия, проблема, не решенная в советское время. Отсюда огонь социологической критики произведения. Русская литература всегда была связана с противопоставлением: человек – история, государство, власть. Настоящий писатель всегда остается на стороне человека, выступает в его защиту, как, например, Пушкин в «Медном всаднике» показывает величие государства, в то же время остается на стороне Евгения – маленького человека, переживающего настоящую трагедию. И.О. Шайтанов обращает внимание на проблемы глобализации – мира без наций. Культура сопротивляется этому. Как жить в мире без наций? Возможно ли это? Ведь мы разные, говорим и думает по-разному, кроме того, отличаемся и в социокультурном плане. Применительно к повести этот вопрос мог бы звучать так: как человеку из старой деревни переселиться в новую городскую среду? Это трагедия для человека, носителя определенной культуры. Исследователь приводит параллели в русской классической литературе (Обломов в романе Гончарова, Фома Фомич Опискин, отражающий русский национальный тип у Достоевского в повести «Село Степанчиково и его обитатели»), обращает внимание на то, насколько удалось Белову создать точный социокультурный и национальный тип в образе Ивана Африкановича. Эти вопросы освещены исследователем в одной из статей, опубликованных в журнале «Вопросы литературы» [6].

Отсюда проблема перевода произведений В.И. Белова. И.О. Шайтанов считает, что важнее не буквальность перевода текста, а следование при переводе произведения на другой язык принципу верности языку своего народа. Переводчику важно найти такие соответствия, которые позволят вывести ассоциативный ряд, представленный в произведении, наружу. Язык несет в глубине своей культурную память, писатели в какой-то мере способны проникнуть в нее, и В. Белов по языковой работе – фигура номер один среди всех писателей деревенской прозы, особенно в повести «Привычное дело» (свидетельством тому, например, диалог Ивана Африкановича с конем Парменом в начале произведения). Писателю удается услышать народный язык, создать его стилизацию в речи персонажей, а с другой стороны, дистанцироваться от него в авторской речи.

Завершая доклад, ученый подчеркнул, что проблемы – социальные, национальные, личные, которые затронуты Беловым, – продолжают рождать вопросы, а современный читатель пытается найти свои ответы. Смысл повести со временем не стирается, а, наоборот, все более расширяется. Характер, показанный Беловым в «Привычном деле», относится не только к социальной, но и к человеческой, философской проблематике сегодняшнего момента.

А.В. Чернов в своем выступлении выразил мысли «по поводу ложной логики рациональности в повести Белова». Говоря о сложности восприятия текста повести, исследователь обозначает круг вопросов, которые возникают у современного читателя «Привычного дела». И прежде всего это вопросы, связанные с восприятием образа Дрынова: Кто такой Иван Афри-

канович? Положительный он герой или нет? Особенная личность, совмещающая разные черты?

Не менее значимым остается вопрос о социальном и художественном аспектах беловской прозы. Социальности у Белова свойственна упрощенная логика, упрощенная причинно-следственная связь, обычно и приводящая к катастрофическим последствиям. Эта прямая логика противопоставляется органическому миру, который не просто поэтичен, но и лишен рефлексии, где не ставится вопрос, для чего жить. Логика персонажей, подчеркиваемая языковой конфликтностью повествователя и героев, проходит через весь текст. Социальная логика прямолинейна, природная же логика такой прямой причинно-следственной связи не признает и отрицает саму рефлексию.

Высказанные положения А.В. Чернов демонстрирует на примере эпизодов повести «Привычное дело». Наиболее ярким из них является «Сказка о пошехонцах», рассказанная бабкой Евстольей. Только по поводу происхождения этого текста существует множество версий, однако ни одна из ник, как указывает А.В. Чернов, в полной мене не отвечает тому, как излагает «пошехонский сюжет» В.И. Белов. В фольклорных источниках и в книге В. Березайского «Веселые похождения старинных пошехонцев» (1798 г.) представлены нелепые истории о веселых и странных людях, простаках, вызывающих симпатию. В беловских пошехонцах угадывается совершенно иная тональность, другой настрой – это невеселая и даже трагическая история о неудачниках. Бессознательности и стихийности в ней нет, действия героев подчинены логике, как и поступки персонажей в основном повествовании. Куров, например, рекомендует Дашке не таскать воду ведрами, а сразу принести самовар, раз вода для чая. Распространение пошехонства на всех персонажей повести покажет все поступки, имеющие катастрофические последствия (это и решение Ивана Африкановича уехать в город на заработки, и поведение Катерины, надрывающейся на тяжелых работах). Все, что подчиняется формальной логике социального, приводит к трагическим последствиям.

Этой катастрофичности противостоит стихийность и бессознательность, отраженная Беловым, например, в ощущениях младенца Ивана или ощущениях коровы Рогули. Идея спасительной альтернативы в абсолютной гармонии, лишенной социальной логики, была продемонстрирована А.В. Черновым в сопоставлении с другими произведениями В. Белова («Бобришный угор», «Все впереди»). Заглавие повести и лейтмотив «привычного дела», по мнению ученого, это дело, которое мы осуществляем не анализируя, не оценивая, не рефлексируя.

Далее участники семинара перешли к обсуждению проблем, затронутых в выступлениях, рассказали о своих наблюдениях, связанных с прочтением и изучением текста повести. Мнением о восприятии образов произведения сегодняшним молодым человеком поделились сотрудники ВОУНБ: И.Е. Колесова, О.Н. Завьялова; о судьбе и современном состоянии русской деревни рассказал писатель Д.А. Ермаков (Вологда).

Отвечая на вопросы слушателей, И.О. Шайтанов рассказал о трудностях, которые возникают при переводе произведений В.И. Белова на английский язык. Требуется особое чувство языка, умение установить компромиссно-договорные отношения между оригиналом и переводом. Языковые изменения, конечно, требуют постоянного обновления и вариантов перевода того или иного произведения.

С.Ю. Баранов, реагируя на вопрос Е.А. Маркова (Череповец) о женских образах в тексте «Привычного дела», обратил внимание на специфику представления гендерного аспекта В. Беловым как сложную проблему, требующую обращения не только к разным произведениям писателя, но и к фактам его биографии, к публицистике. А.В. Чернов отметил, что женское начало в повести В. Белова ближе к стихийному, к природе и менее рефлексивно, поэтому женские образы более притягательны и привлекательны (например, Катерина). Рассуждая в рамках гендерного подхода, ученый утверждает, что в отношении Катерины скорее можно говорить о мужской модели поведения. Тема была подхвачена Е.В. Абдуллаевым (Ташкент), он обратил внимание на разделение, например, видов труда (мужского и женского), но не усилий, прилагаемых теми и другими. Ученый предложил вспомнить о «пустотности» характера Ивана Африкановича, дающей возможность отражать все происходящее. Деление на женщин и мужчин, как считает Евгений Викторович, уводит нас от более значимых проблем этого произведения. Показательным оказываются критерии доброты, когда автор-мужчина не унижает героинь своего произведения. К мнению исследователя присоединилась и Т.Н. Воронина (Вологда): «Женщин Белов поднимает на большую высоту и, возможно, несколько унижает мужчин».

Профессор А.В. Петров (Архангельск) указал на глубокое эмоциональное воздействие повести, поэтому, с его точки зрения, удивителен тот факт, что не существует опыта постановки этого произведения на театральной сцене (в сравнении с постановками по роману Ф. Абрамова «Братья и сестры» режиссерами Л. Додиным и Ю. Любимовым). Большинство выступавших поддержали мысль о том, что можно позавидовать читателю, который впервые обращается к повести «Привычное дело», настолько сильное впечатление она производит. Кроме того, А.В. Петров развил тему маленького человека (о которой С.Ю. Баранов упоминал в своем сообщении), видя в нем неспособность что-то сделать, повлиять на серьезные решения. Е.В. Абдуллаев, кандидат философских наук, писатель, литературный критик, отметил, что маленький человек – это не место в социальной иерархии, это человек, отчужденный от социального действия, несмотря на то, что Иван Африканович – депутат сельсовета, мы видим в нем маленького человека, и в этом его трагедия. Когда же Дрынов был на войне, он не был маленьким человеком. «Маленький человек» – это пограничное состояние, изменчивое при определенных условиях.

А.Е. Новиков, кандидат филологических наук, доцент ЧГУ (Череповец), обращает внимание на текстуальные связи повести «Привычное дело» и романа «Кануны» в пересечении (своеобразной «генетической внутренней связи») образов Ивана Африкановича Дрынова и Африкана Дрынова, а также размышляет над проблемой «Белов: экзистенциализм и постмо-

дернизм». Экзистенциальное проявление характерно для внутренних монологов, потока сознания персонажей повести. Постмодернистские черты А.К. Новиков видит, например, в пьесе В. Белова «Бессмертный Кощей» и даже в повести «Привычное дело». Участники приходят к выводу, что повесть вряд ли можно рассматривать как явление постмодернизма. Эта мысль выражена в репликах А.Е. Абдуллаева и Т.Н. Ворониной. И.О. Шайтанов уверен, что Белов «не был человеком постмодернизма, нарастание абсурдности жизни писатель чувствовал, но он это отвергал» [5].

В обмене мнениями приняли активное участие и авторы коллективной монографии, посвященной повести «Привычное дело», и «Энциклопедии “Привычного дела”» В.И. Белова [1; 2]. Доцент кафедры литературы Т.Н. Воронина поделилась впечатлениями о том, как современные студенты воспринимают и оценивают повесть «Привычное дело». Молодые люди не имеют того опыта, который позволил бы им с удовольствием читать эту повесть, они не могут принять (даже осуждают) модель поведения Катерины, жертвующей собой, надрываясь на работе в колхозе; «чуждым» оказывается и отношение Катерины к мужу, который бывает пьян, мало зарабатывает, нередко не способен принимать решений. Это, вероятно, связано с изменениями в отношении современного человека к жизни, к роли мужчины и женщины. С.Х. Головкина обратила внимание на интересный для исследователя аспект изучения текста в тексте, например фольклорных включений (частушек, песен, сказки) в художественную ткань повести. А.В. Федорова поделилась размышлениями о возможности пробуждения у читателя генетической памяти», ощущения истории своей семьи, узнаваемой в героях произведений В. Белова. С.Н. Патапенко продолжила сквозную для семинара тему воздействия повести на читателя, который, благодаря художественному мастерству автора «Привычного дела», ощущает глубокую эмпатию по отношению к героям повести.

И.А. Поздняков поблагодарил всех участников семинара и выразил надежду, что проведение такого рода дискуссий способствует как привлечению внимания к произведениям В.И. Белова, так и углублению научных филологических исследований.

Литература

1. Повесть «Привычное дело» как вологодский текст. Монография / С. Ю. Баранов, Т. Н. Воронина, С. Х. Головкина и др. – Вологда : ИП Киселев А.В., 2016. – 191 с.

2. Энциклопедия «Привычного дела» В.И. Белова / С. Ю. Баранов, Л. А. Берсенева, Т. Н. Воронина. – Вологда : Полиграф-периодика, 2021. – 680 с.

3. Баранов, С. Ю. Черты персонажного типа «Маленький человек» в образе Ивана Африкановича Дрынова / С. Ю. Баранов // Беловский сборник : материалы VII Всероссийских чтений и II регионального конкурса молодежных социально-экономических проектов / под общей редакцией С. Ю. Баранова. – Вологда, 2020. – С. 88–97.

4. Баранов, С. Ю. Энциклопедия отдельного произведения как вид издания / С. Ю. Баранов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – № 3. – С. 8–12.

5. Литературный семинар «Повесть “Привычное дело” в современном прочтении». – URL: https://www.youtube.com/watch?v=qIz8XaKJRVQ&t=3684s (дата обращения: 23.11.2021). – Текст : электронный.

6. Шайтанов, И. О. «Малая родина» в мировом контексте. О ранних рассказах и повестях Василия Белова / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2021. – № 3. – С. 46–58.

S.H. Golovkina, A.V. Fedorova

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC LITERARY SEMINAR «THE STORY “AN ORDINARY AFFAIR” BY VASILY BELOV IN MODERN PERUSAL»

The article presents an overview of the talks given at the humanitarian literary seminar which was devoted to one of the early stories by Vasily Belov. The seminar provided the researchers with a great opportunity to discuss the problems of perception, interpretation, translation, and research of one of the finest works by Belov.

Vasily Belov, village prose, problematics of the story, the image of the character, interpretation, problems of translation.

УДК 82(049.32)

Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА: АНТОЛОГИЯ. Т. 1: СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДА / под общ. ред. И.О. Шайтанова. М.: РГГУ, 2021. 443 с.

Рецензия на первый том издания, подготовленного научными сотрудниками Центра современных компаративных исследований РГГУ и представляющего историю литературной компаративистики в научных текстах, многие из которых переведены на русский язык впервые, с аналитическим сопровождением: проблемными вводными статьями и комментариями. Особое внимание в книге уделяется истории русской компаративистики и специфике ее метода, формирующегося в рамках исторической поэтики А.Н. Веселовского.

Литературная компаративистика, сравнительный метод, всемирная или мировая литература, национальные литературы, Веселовский.

В первой из двух вводных глав – «Компаративистика в университете» – И.О. Шайтанов напоминает, что в России курс всеобщей литературы был введен университетским уставом в 1863 г., после 1917 г. наступил большой перерыв, и в 1992 г. вместе с историко-филологическим факультетом в РГГУ была учреждена кафедра сравнительной истории литератур. На 2 курсе бакалавриата изучают «Введение в компаративистику», на 4-м – «Сравнительное изучение литератур», в магистратуре – «Современные проблемы компаративистики», в аспирантуре – «Компаративную поэтику». Проблема учебного/ых пособия/й остра, и долгожданная книга подготовлена Центром современных компаративных исследований. Первый том охватывает период с середины XIX в. по начало второй половины XX в. – от рождения до «кризиса компаративистики».

Вторая вводная статья профессора Шайтанова посвящена компаративистике XIX в. Речь идет о рождении сравнительного языкознания, распространении сравнительного метода на сферы мифа и фольклора, появлении сравнительного литературоведения, компаративных университетских курсах в разных странах, отражении компаративистики в научной периодике.

По жанру это антология: история компаративистики показана через избранные научные тексты в сопровождении проблемных статей и комментариев. Первая часть «Всемирная история – мировая литература» включает в себя три главы. Первая – «На пути к пониманию всемирности» – представлена статьей И.О. Шайтанова «Биография идеи», где речь идет о моменте первоначального распространения мысли о всемирности на литературу (31 января 1827 г. Эккерман записал слова Гете: «Национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы…») и условности этой даты (мысль высказывалась Гете ранее, и он неоднократно возвращался к ней); о том, что считать мировой или всемирной литературой и исторической изменчивости этого понятия; о том, когда человеческая история обрела масштаб всемирной («никогда», «всегда», «когда?») и почему Гете так резко противопоставил всемирное и национальное; почему идея всемирности уже в момент рождения «была сопряжена и с большими надеждами, и с большими опасениями» и почему об этом «особенно важно помнить в условиях современного ее утверждаемого тождества в образе глобальной истории» (с. 32). Читателю предоставлена возможность обратиться к текстам И.Г. Гердера, В. фон Гумбольдта, И.-В. Гете, ключевым для понимания обсуждаемых проблем главы.

Книга хороша преемственностью – развитием идей. Во второй главе «Воплощенная всемирность: “Шекспир и нет ему конца!”» в статье «“От Петербурга до Неаполя”: мировая дискуссия о Шекспире (XVIII – первая половина XIX в.)» Е.М. Луценко реконструирует дискуссию о Шекспире как универсальном авторе с «мировой душой», драматургия которого давала возможность быть осмысленной с разных точек зрения. Исследователь не исключает, что «именно осмысление Шекспира во всемирно-историческом контексте привело Гете к мысли о том, что мировое в литературе важнее национального» (с. 55). Она показывает, как, изучая Шекспира и адаптируя его для сцены, европейцы (англичане, немцы, французы) обнаруживали исторические различия эпох и национальных традиций и учились мыслить сравнительно. Шекспир позволял европейцам «изучать общество и историю цивилизации, мыслить космополитично» и – «осознать свою самобытность и – по контрасту – самобытность других наций» (с. 55).

Для демонстрации идей Е.М. Луценко перевела с французского показательные мысли из «Рассуждений об английском театре» П.-А. де Лапласа, с немецкого – отрывок из лекции из «Чтений о драматическом искусстве и литературе» А.В. Шлегеля. Для размышлений предоставлены тексты И.Г. Гердера («Шекспир»), И.-В. Гете (из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера», разделы из «Шекспир, и

несть ему конца!»), В. Гюго (из книги «Вильям Шекспир»).

В третьей главе «Восприятие идеи всемирности в России» – статья И.О. Шайтанова «Чаадаев и Пушкин в споре о всемирности» и текст первого из «Философических писем» П.Я. Чаадаева, в примечаниях – набросок письма Пушкина от 9 октября 1836 г. с несогласием по поводу «нашей исторической ничтожности» (письмо отправлено не было в связи с начавшейся травлей Чаадаева). Помимо заявленной в названии центральной линии исследования чрезвычайно любопытны «les pourquoi»; например, зачем Пушкин сделал сноску к строке «В Европу прорубить окно…» – почему ему было важно упомянуть авторство Альгаротти: «Быть может, не хотел позаимствовать выражение мысли, столь запоминающееся, индивидуальное? А может быть, ему было важно подчеркнуть, *что так полагают на Западе*?» (с. 104). Характер такого рода вопросов задает примеры тем и подходов компаративных исследований.

Вторая часть книги посвящена сравнительному методу в исторической поэтике. Статья И.О. Шайтанова «Становление сравнительного метода глазами А.Н. Веселовского» (с выдержками из его работ) показывает, каким образом историческая поэтика соотносится со сравнительным методом. У знатока Веселовского «играют» все детали; например, отмечено, что один из первых набросков плана «Исторической поэтики» был сделан ученым на форзаце книги Х.М. Поснета (Posnett) «Сравнительная литература». О сравнительном методе Веселовский говорил в первой же лекции курса истории всеобщей литературы в Санкт-Петербургском университете (1870): «Положительная сторона, та, которая всего более интересует меня, состоит в методе, которому я желал бы научить вас и, вместе с вами, сам ему научиться. Я разумею метод сравнительный» (цит. по: с. 115). Казалось бы, известные факты, но в контексте пристального внимания именно к методу восприятие обновляется.

Третья часть «Национальные школы компаративистики» включает три главы. Первые две главы написаны Е.Е. Дмитриевой и посвящены французской и немецкой школам. Информативная статья «От истоков и до периода между двумя мировыми войнами» позволяет увидеть динамику происходившего во Франции. Первая кафедра сравнительной истории литератур открылась в 1896 г., но зарождение метода компаративного исследования уходит в глубины XVIII в. Выражение «сравнительное изучение литератур» (literature compare) впервые было употреблено в 1817 г. Ф. Ноэлем – с целью «дать характеристику английской методике преподавания литературы и этики в сопоставлении с французской и латинской» (с. 181). Охарактеризован вклад в компаративистику основоположников сравнительного метода – ими во Франции были Абель Вильмен, Жан Жак Ампер, Клод-Шарль Форьель, Филарет Шаль. Убедителен показ того, как вместе с Шалем «завершается эпоха “великих построений”: интерес начинают вызывать все более и более не общие законы, но детали заимствования. А амбициозный синтез сменяется терпеливым анализом» (с. 185). В начале XX в. сравнительную историю преподают в ряде университетов, она получает свою библиографию, свои журналы. «Журнал сравнительной истории литератур» выходит с 1921 г. Серия «Библиотека журнала сравнительной истории литератур» в 1939 г. насчитывала около 120 томов.

Из авторов представленных здесь текстов был переведен только Б. Констан. Главы из монографии Ф. Шаля, отрывки из монографии Ж. Тэкста, фрагмент статьи Ф. Бальдансперже, главы из монографии П. Ван Тигема переведены Е.Е. Дмитриевой.

Вторая статья Дмитриевой «От языка к сюжету: немецкий путь» (в рамках главы «В спорах о компаративистике») помогает вдуматься в программное вступление к № 1 «Журнала сравнительной истории литератур» (1886) редактора Макса Коха: «О немецкой истории литературы можно было бы сказать, что уже в своих истоках она мыслила себя как сравнительная история литератур» (с. 229). Статью сопровождают тексты Ф.М. Мюллера и переведенные Е.Е. Дмитриевой для антологии упомянутая работа М. Коха и Предисловие к первому тому издания «Панчатантры» Т. Бенфея.

Третья глава («Какой быть “сравнительной литературе”?») представляет статью М.В. Марковой «Сравнительный метод: “культурная бухгалтерия” или торжество духа?». Внимание привлечено к 1903 г. – узловому моменту в истории сравнительной литературы, когда предпринято несколько попыток «обновления» сравнительной литературы. 8 декабря 1902 г. на страницах газеты Колумбийского университета анонсируется новый научный журнал – и в январе 1903 г. выходит № 1 «Журнала сравнительной литературы». Это ежеквартальное издание должно было охватывать самый широкий круг проблем мировой литературы всех периодов. Профессор Джордж Э. Вудбери, стоявший у истоков журнала, не видел ничего нового или специфического для литературоведения в сравнительном методе, но призывал к максимально широкому его приложению. Его редакторская статья к № 1 и отклики Чарльза М. Гейли («Что такое “сравнительная литература”?», 1903) и Бенедетто Кроче («“Сравнительная литература”», 1903) переведены с английского и итальянского М.В. Марковой. Подведенный исследователем итог дискуссии: «Сравнительный метод как самоцель и накопление фактов как замена живому исследованию были единогласно, хотя с большей или менее жесткостью, задвинуты на вспомогательные роли, а новая задача дисциплины <…> выходила за поле чистого литературоведения, целясь в область метафизики и философии, в область духа» (с. 264). На теоретическом уровне все понимали необходимость для дисциплины более значительной перспективы, но на практике работ, которые стремились бы к этой перспективе, не было (с. 264). «На долгие годы дисциплина осталась примерно в таком же состоянии, в котором пребывала до 1903 г.» (с. 264).

Более поздний период представлен двумя авторами. Переводы с португальского Ф. де Фигерейду («Сравнительное литературоведение и критика источников», 1913, и «Компаративная критика», 1935) сделаны Н.А. Пастушковой (португальская тематика во вступительной статье освещения не получила). «Литературные влияния и гордость народов» А. Фа-

ринелли (1930) переведены с итальянского М.В. Марковой, и на этой основе разговор выведен на темы проблем и парадоксов самой природы дисциплины: «необходимость всеохватности и финального синтеза без сухой фактографичности, ведущей в дурную бесконечность, сравнение без соперничества» (с. 266). Эти проблемы вели к кризису 1950-х гг. Обращаясь к статье Фаринелли, Уэллек выражал надежду, что литературоведение перестанет быть «подсчетом дебетов и кредитов народов» и превратится в «акт воображения», в «хранителя и создателя наивысших ценностей человечества» (с. 266). (Напомню формулировку названия статьи М.В. Марковой: «Сравнительный метод: “культурная бухгалтерия” или торжество духа?»)

В части четвертой «Перевод как компаративная проблема» С.Л. Фокин размышляет о переводе как проблеме сравнительного литературоведения и философской антропологии. Предложенные им тексты – из работ Ю.Н. Тынянова («Тютчев и Гейне»), А.В. Федорова («Проблема стихотворного перевода»), В. Беньямина («Задача переводчика: предисловие к переводу “Парижских картин” Бодлера»), Х. Ортеги-и-Гассета («Нищета и блеск перевода»), Г. Вёльфлина («Основные понятия истории искусства»).

Чрезвычайно интересно сопоставление концепций В. Беньямина и А.В. Федорова. Проницательны все наблюдения, вплоть до узрения и обоснования перекличек названий работ: «Проблема стихотворного языка» Тынянова и «Проблема стихотворного перевода» Федорова (Федоров был прямым учеником Тынянова, из числа самого ближнего круга студентов, и Тынянов делился с молодыми учеными своими идеями), «Переводы стихотворные» Гумилева и «Проблема стихотворного перевода» Федорова. Углубляясь на уровень композиции, Фокин отмечает зеркальность отражения строения работы Гумилева в статье Федорова. При этой композиционной зеркальности тем ярче открытие: там, где Гумилев утверждал необходимость сохранения тех или иных элементов подлинника, Федоров выдвигал систему «нарушений» или «отклонений» перевода от оригинала: «“Отклонения” от подлинника… есть самое существенное в переводе, то, что прежде всего требует изучения» (цит. по: с. 306).

Статья дает отличные уроки компаративного анализа: за перекличками положений Федорова и Беньямина видишь в случае Федорова корни, уходящие к постулатам формальной школы и к «заповедям» поэта-конкистадора; ощущаешь – вслед Тынянову – рассмотрение Федоровым перевода как «борьбы генезиса (действие оригинала) и традиции (действие литературного окружения принимающего языка)» (с. 306). В то время как «Задачи переводчика» Беньямина принадлежали к философской традиции, «статьи Федорова, как и работы мэтров русского формализма, на которых он равнялся, принадлежали в основном поэтике или теории литературы и в этом качестве могли быть использованы в сравнительном литературоведении» (с. 308).

С той же тщательностью С.Л. Фокин углубляет понимание эссе «Нищета и блеск перевода» Х. Ортеги-и-Гассета (1937). Ироничный парафраз названия бальзаковского романа ощущают все, но исследователь не дает ускользнуть от внимания, что стоит за перестановкой понятий (блеск и нищета – нищета и блеск), есть ли причины для узрения каких-либо параллелей относительно переводчика и куртизанки, исключает ли нищета перевода его возможный блеск, и – обсуждение возможных направлений перевода: приближать ли чужой язык к родному, подвергать ли родную речь трудному испытанию чужбиной и двигаться в сторону Другого (с. 310).

В части пятой «Россия в мировом контексте» представлена статья И.О. Шайтанова «Традиция Александра Веселовского: продолжение и отступление». Мы переносимся во времена, когда присутствие А.Н. Веселовского не всегда возможно было обозначить, даже если русская компаративистика помнила его. В 1940 г. В.М. Жирмунский готовил первое комментированное издание «Исторической поэтики», и фраза «Мы часто и много жили заимствованиями» звучала крамолой. Ему же приходилось оправдываться: «…нельзя противопоставлять “марксистский метод” – “сравнительному методу” и не следует вообще, во избежание недоразумений, говорить о “сравнительном методе” или о “сравнительном литературоведении” как об особой науке со своим методом» (цит. по: с. 363).

В этой части – текст Ф.И. Буслаева «Замечательное сходство псковского преданья о горе Судоме с одним эпизодом Сервантесова “Дон-Кихота”», «Альцест и Чацкий» А.Н. Веселовского (первая публикация – в 1881 г. в № 3 журнала «Вестник Европы», затем – в 1894), «Байрон в русском переводе» А.Н. Веселовского (статья вышла в «Северном вестнике» в 1877 г.). В 1998 г. И.О. Шайтанов представил «Байрона…» в сборнике статей по литературе и культуре Великобритании и России «Anglistika», номера которого остались в распоряжении ограниченного числа англистов, и наконец статья возвращена в более широкое поле зрения (тираж книги – 500 экземпляров). Важность этого события Шайтанов подчеркивает: «Данная статья – не только оценка первого издания сочинений Байрона в переводе русских поэтов, подготовленного Н.В. Гербелем и подводящего итог полувековым усилиям, но и одно из самых ранних высказываний о задачах и принципах перевода как компаративной проблемы» (с. 367).

Из текстов продолжателей традиций взяты «Байрон и Пушкин» В.М. Жирмунского (1924; первая его классическая работа, еще свободная от идеологической оглядки), «Жуковский и проблема переводной поэзии» Ю.Д. Левина, и два текста Б.Г. Реизова: «Сравнительное литературоведение во Франции в период между двумя мировыми войнами» (работа писалась в 1940–1950-х гг.) и «Сравнительное изучение литературы» (первая публикация – 1966).

У книги есть все возможности, чтобы стать опорой для университетских курсов компаративистики и расширения картины мира каждого из читателей.

L.V. Egorova

**BOOK REVIEW: LITERARY COMPARATIVE STUDIES: ANTHOLOGY.
VOL. 1: FORMATION OF THE METHOD / Edited by I.O. Shaitanov. M., 2021. 443 p.**

Review of the first volume of the publication prepared by the academicians of the Center for Comparative Studies of the Russian State University for the Humanities. It presents the history of literary comparative studies in academic texts, many of which have been translated into Russian for the first time. The texts are accompanied by introductory articles and comments. Special attention is paid to the history of Russian comparative studies and the specifics of its method being formed within the framework of the historical poetics of A. N. Veselovsky.

Literary comparative studies, comparative method, world literature, national literatures, Veselovsky.

УДК 82(049.32)

А.Н. Цветкова
Вологодский государственный университет

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ШАЛАМОВ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ: сборник трудов Международной молодежной научной конференции «Я различаю – где добро, где зло», посвященной творчеству В.Т. Шаламова (Вологда, 18 июня 2021 г.) / сост. и ред. В.В. Есипов. Вологда: Сад-огород, 2021. 190 с.

Статьи сборника «Шаламов глазами молодых» основаны на анализе материалов творчества Шаламова разных периодов и связанных с ними исследований. Работы посвящены биографическим вопросам, интерпретации и переводу стихов, рассказов, статей Шаламова. Основываясь на внимательном анализе документов, статьи представляют собой значимый вклад в расширение восприятия шаламовского наследия в историческом и культурном контекстах.

Шаламов, наследие, многоаспектность, перевод, реалии, историко-культурный контекст.

Научные конференции, посвященные В.Т. Шаламову, в Вологде проводятся с 1990 г. Международный статус они приобрели с 1991 г. Первая Международная молодежная научная конференция состоялась двадцать лет спустя, 18 июня 2021 г. Научным руководителем конференции стал шаламовед Валерий Васильевич Есипов, автор многочисленных статей, книг, в том числе «Варлам Шаламов и его современники» (2007), «Шаламов» в серии «Жизнь замечательных людей» (2012, 2019), «О Шаламове и не только: статьи и исследования» (2020), составитель шаламовского двухтомника «Стихотворения и поэмы» (2020). Участники конференции – студенты, аспиранты, преподаватели вузов Вологды, Череповца, Санкт-Петербурга, Москвы, Милана (Италия). Тематический диапазон исследований охватил малоизученные вопросы ранней биографии Шаламова и его поэтического творчества, особенностей прозы, опыта театральных постановок и экранизации, анализа зарубежных публикаций и переводов «Колымских рассказов», проблем их восприятия. В рецензируемом сборнике представлены доклады и сообщения участников конференции. Сборник явился продуктом индивидуальных исследований, рассматривающих избранные вопросы под авторским углом, с собственной точкой зрения. В то же время ощущается большая работа составителя и редактора – Валерия Васильевича Есипова, выстроившего статьи в единый ряд и сопроводившего написанное молодыми исследователями примечаниями и комментариями, позволяющими ощутить глубину и цельность рассматриваемых проблем. Оценить масштабы такой работы непросто: вдумчивый анализ готового текста всегда будет раскрывать новые и новые грани, смыслы и идеи. Очевидно своеобразие Шаламова-художника, глубина его духовного мира, искренность и многогранность.

Доклад Арины Анкудиновой посвящен роли матери, Надежды Александровны, в становлении поэтической натуры Варлама Шаламова: «Ей обязан я стихами…». Детские годы писателя, особенности быта и воспитания, окружение, раннее чтение – все это позволяет понять механизм формирования поэтики будущего великого писателя, процесс становления его таланта. Получая представление о матери писателя, читатель приобщается к ощущению поэтического склада его характера, что выводит за рамки стереотипа писателя лагерной прозы.

Исследование Ольги Петровой особенностей организации образовательного процесса в Вологодской губернии («Школа в жизни В. Шаламова») на основе как опубликованных, так и архивных документов Государственного архива Вологодской области, позволяет наиболее точно представить условия жизни писателя, становления его личности. Эпизоды школьной жизни помогают почувствовать пытливость ума, сознательность В. Шаламова в юношестве, трудности и возможности, которые не могли не отразиться на его более позднем творчестве.

Историко-литературный контекст «лагерного» пласта советской литературы, представленный в исследовании Дарьи Грицаенко («В. Шаламов – “лагерная” или “новая” проза?»), позволяет с определенной долей уверенности утверждать, что индивидуальность авторского высказывания Шаламова выходит далеко за его стереотипизированное восприятие. Свидетельство исторической памяти является основой для собственной эстетики, литературного стиля писателя и как прозаика, и как поэта.

Классичность как характеристика прозы Шаламова представлена в сравнительном анализе Анны Де Понти прозы Данте и «Колымских тетрадей» Шаламова. Культурное пространство текста и его интерпретации углубляют и обогащают культурно-познавательное значение произведений, позволяя сделать вывод об интертекстуальности поэтического корпуса Шаламова, представляющего огромный интерес с точки зрения поэтики текста, концептуальности представлений о мире на стыке культур.

Человечность, как категория анализа текстов Шаламова и в России и на Западе, является осевым элементом исследования Полины Вахрушевой, Светланы Самойловой (ей составлена сопоставительная таблица публикаций «Колымских рассказов» в тамиздате). Особенности точек зрения на творчество писателя в контексте различных литературоведческих традиций, пристальное внимание к передачам реалий в переводе – все это позволяет судить о глубине проникновения авторов в идейное содержание текстового пространства.

Отдельное внимание следует уделить сопоставительному анализу переводов Шаламова. Перевод стихотворения «Память скрыла столько зла…» Р. Чандлером, исследуемый Анастасией Подъяковой, «Прокуратора Иудеи» в переводе Джона Глэда (два взгляда на один текст Натальи Туркиной и Карины Лупандиной) позволяют оценить глубину концептуального взгляда авторов на исследуемый материал, оценить особенности работы переводчиков, приобщиться к нюансам сопоставления двух языков и культур, реализующихся на материале отдельных произведений. Разночтения и специфика анализа литературы такого уровня позволяют авторам реализовать собственный поисковой интерес за счет обогащения понимания целого пласта культурно-исторического содержания.

Символичность рассказа «Графит», тонко представленная в исследовании Нины Нехорошевой, позволяет увидеть, насколько сложна подчас задача переводчиков (в данном случае – Джона Глэда и Дональда Рейфилда). Сам автор – Шаламов (при всех его сомнениях в возможности передачи его произведения на другой язык) – позволяет внимательному исследователю раскрыть разные подходы и методы перевода и интерпретации данного текста, которые, несомненно, представляют интерес и для дальнейшего исследования в самом широком литературном и стилистическом смысле.

Лирика стихотворения «Баратынский», не укладывающаяся в представления о колымском периоде творчества поэта-прозаика Шаламова, его перевод Робертом Чандлером стали предметом исследования Екатерины Воскресенской. Подробный лингвистический, литературный и культуроведческий анализ текста, представленный в работе, позволяет заглянуть в неочевидные особенности текстов, приподнять завесу поверхностного восприятия перевода поэтического и концептуального мира произведения.

Англоязычные переводы Джона Глэда, становясь основой изучения для ряда исследователей, порождают выводы о тонкости и необходимости дополнения в текстологическом подходе. Несмотря на очевидную невозможность абсолютной точности перевода на другой язык, тонкость и эмоциональную окраску исходного текста в англоязычном варианте слышат и слушают в очерке «Женщина блатного мира», рассказах «Графит» и «Прокуратор Иудеи».

В искусство перевода внимательно всматривается и Любовь Колесова, обратившись к рассказу «Памяти Мухи» Ольги Сергеевны Неклюдовой в переводе Д. Рейфилда. Концептуальная точность, эстетически значимое сохранение исходной образности текста отмечены в качестве удачных и продуктивных.

Александра Гвоздова привлекает внимание к Погрому в Вологде 1 мая 1906 г., рассматривая его в контексте «Четвертой Вологды» Шаламова и свидетельств Т.Н. Шаламова. Отражение исторических событий в прозе Шаламова позволяет раскрыть глубочайшие социальные противоречия, трактовать изображение тех событий намного многослойнее, чем противостояние националистических группировок. Неизбежность, фатальность событий сопровождается описанием их значения для обновления общества, его развития и будущности.

Многогранность творческого наследия писателя засвидетельствована Владиславом Афанасьевым, раскрывающим особенности личных увлечений писателя, глубинное понимание значения спорта для становления личности («В. Шаламов как спортивный журналист (1930-е годы)». И снова лингвистические особенности «спортивных» текстов открывают многослойность, мультиобразность пера писателя, ломая стереотипы о Шаламове как о писателе «лагерной» литературы.

Стилистическая строгость текстов Шаламова нашла разное понимание у авторов фильма «Сентенция» и таких исследователей киностилистики и литературного творчества писателя, как Антона Долин, Ксения Реутова, Тимур Алиев, Андрей Карташов, Сергей Соловьев и Валерий Есипов. Различные точки зрения на «уникальность шаламовского языка», результирующие в статье Константина Тимашева («Образы В. Шаламова в фильме “Сентенция” (2020) и некоторых откликах на него»), позволяют рассмотреть в кинотексте свои, уникальные образные основы для понимания особенностей факто-биографического и личностно-субъектного анализа писателя и его творческого наследия. Тонкое мироощущение автора не всегда отражено в визуальном тексте создателей фильма. Выводы исследователя позволяют понять глубину разноголосия в подходах к исследованию наследия Шаламова-художника, многослойность, многофактурность его творчества в пласте культуры, волнующего современников и наследников.

Возможности проведения подобного опыта исследования заложили большое количество вопросов к участникам, их кругу интересов, их талантам, энергии и творческому любопытству. Несомненным преимуществом такого рода работ является множество подходов и точек зрения на материал, которые позволяют увидеть за литературным произведением и его особенностями целый пласт культуры, образов, значений. Несомненный интерес данный сборник должен вызвать не только у специалистов филологов, но и у преподавателей, занимающихся развитием научных исследований в студенческой среде, поскольку представляет собой неоценимый опыт реализации исследовательского проекта, результатом которого является раскрытие особенностей наследия отдельного писателя, выход за рамки представлений о нем в ранее главенствовавшем стереотипе.

A.N. Tsvetkova

BOOKREVIEW: V. SHALAMOV IN THE EYES OF THE YOUTH:
Proceedings of the International Scientific Conference
«I CAN SEE WHERE THE GOOD AND THE EVEL IS», based on V. Shalamov's oeuvre study
(Vologda, 2021, 18 June) / ed. by V.V. Esipov. Vologda, Sad-Ogorod, 2021. 190 p.

The articles from «Shalamov in the eyes of the youth» present versatile approaches of the researchers to different stages of V.Shalamov's creative work. The works are devoted to biographical problems, interpretation and translation of the poems, short stories and articles by V.Shalamov. Based on the accurate document analysis, the articles present valid information that is to widen the limits of the attitude to Shalamov's oeuvre in the historical and cultural context.

Shalamov, oeuvre, multifarious aspects, translation, realia, historical and cultural context.

УДК 821.161.1(470.12)

Е.Ф. Югай
Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва)

ВОЛОГОДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОРТРЕТАХ И ДИАЛОГАХ

Статья написана при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-09-00318а «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в традиционной и городской культурах»

Рецензия на монографию Л.В. Егоровой, важную для изучения региональной специфики литературного процесса, для собственно историко-литературного анализа текстов, для понимания, как формируются писательские биографии в современном мире, какие представления о роли поэта актуальны в наши дни.

Вологда, региональная специфика литературного процесса, портреты и диалоги, Ната Сучкова, Наталья Мелехина, Андрей Таюшев, Наталия Боева, Мария Суворова.

Монография Л.В. Егоровой «Все свои: избранная вологодская литература сегодня» [1] представляет собой внимательное и глубокое исследование вологодской литературной жизни. Эта книга важна для изучения региональной специфики литературного процесса, для понимания, как формируются писательские биографии в современном мире и какие представления о роли поэта актуальны в наши дни, и, конечно, для собственно историко-литературного анализа текстов. В монографии представлены уникальные материалы, ее отличает изящная композиция и внимательная научная проработка поставленных вопросов.

В 2009 году в журнале НЛО была опубликована дискуссия по поводу антропологического изучения литературы, спустя три года там же появились статьи, манифестирующие «антропологический поворот» в гуманитарном знании (НЛО, 2009/6, 2012/1). Антропологический поворот предполагает изучение не просто поэтического текста, а человека в его знаковой деятельности, повседневных практик и ситуаций перформативного исполнения текста. Монография Л.В. Егоровой частично строится на интервью, в которых акторы и наблюдатели литературной жизни Вологды раскрывают свои человеческие (личные, профессиональные, творческие) ипостаси, делятся опытом и оценками. Интервью – один из центральных методов антропологии (подходы к анализу биографического интервью см., напр., [3]). Рассказывая себя другому, человек конструирует идентичность (в данном случае писательскую) и формулирует свои установки, и эти формулировки часто приближены к рассказам и оценкам в реальных ситуациях общения [2] и потому, с точки зрения антропологии, представляют собой гораздо более интересный материал, чем, например, статьи или эссе тех же авторов. Пять авторов – героев монографии «Все свои: избранная вологодская литература сегодня» – объединены участием в вологодской антологии «Том писателей» и представляют собой грамотно отобранную фокус-группу, в которой можно проследить и пересечения, и расхождения мировоззренческих установок и эстетических предпочтений.

В таком исследовании особенно важна позиция ученого, который не может быть полностью исключен из поля исследования, как в позитивистской парадигме, и в то же время не должен быть полностью вовлечен в него, чтобы собственные предустановки не искажали полученные результаты. Доктор филологических наук, профессор Вологодского государственного университета Л.В. Егорова, чьи интересы прежде были сфокусированы на истории английской литературы, идеальный автор. Не будучи действующим критиком или практикующим писателем, она может сохранить исследовательский взгляд. При этом Л.В. Егорова переносит внимание и принцип культурной дистанции, свойственные изучению литературной классики, на современный процесс, и это приводит к прекрасному результату. Как интервьюер – она выстраивает собственный образ непредвзятым, что позволяет героям раскрываться. Как комментатор интервью – проясняет для читателя темные места, кажущиеся ее героям очевидными. Как автор статей – демонстрирует глубину филологического анализа.

Наконец, хочется отметить продуманное построение монографии. Глава 1 «Лица вологодской литературы: пять портретов» представляет пять авторов: Нату Сучкову, Наталью Мелехину, Андрея Таюшева, Наталию Боеву, Марию Суворову. Интервью знакомят читателя с литературной биографией, статьи – с творчеством автора, и это делает параграфы, посвященные персоналиям, объемными. Во второй главе монографии «Коллективные проекты» рассматриваются издательские и художественные практики (фотография), связывающие авторов в сообщество. И, наконец, в книге представлен взгляд изнутри литературного сообщества, но извне города, позволяющий выявить локальную идентичность вологжан так, как она видится наблюдателю (глава 3. «Взгляд со стороны»). И здесь герой интервью выбран очень точно – Андрей

Пермяков не только известный поэт и критик, но и идеолог литературной группы, которая ставит биографическую принадлежность провинции в центр групповой идентичности. Подбор материалов уже становится ответом на многие вопросы.

Все это делает книгу очень ценной и по представленному материалу, и по демонстрируемому научному методу. Считаю, что публикация этого труда внесет вклад в современное гуманитарное знание.

Литература

1. Егорова, Л. В. Все свои: избранная вологодская литература сегодня : монография / Л. В. Егорова. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. – 327 с.

2. Clements, W. M. Personal Narrative, the Interview Context, and the Question of Tradition / W. M. Clements // Western Folklore. – 1980. – Vol. 39, No. 2. – P. 106–112

3. Peacock, J. L. He Narrated Self: Life Stories in Process / J. L. Peacock and D. C. Holland // Ethos. – 1993. – Vol. 21, No. 4. – P. 367–383.

E.F. Yugai

VOLOGDA LITERATURE IN PORTRAITS AND DIALOGUES

Review of the monograph by L.V. Egorova, which is important for studying the regional specifics of the literary process; for the historical-literary analysis of texts; for understanding how poets' and writers' biographies are formed in the modern world and which ideas of a poet's role are relevant today.

Vologda, regional specifics of the literary process, portraits and dialogues, Nata Suchkova, Natalia Melekhina, Andrey Tayushev, Natalia Boeva, Maria Suvorova.

УДК 008(470.12)

Л.А. Якушева
Вологодский государственный университет
А.М. Новосёлов
Тотемское музейное объединение

РУССКИЙ СЕВЕР: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ – 2021: КОНФЕРЕНЦИЯ, СБОРНИК, ТРАДИЦИЯ

Всероссийская научная конференция с международным участием «Русский Север: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» в 2021 году отметила первую круглую дату – 5 лет. За минувшее время проект сумел найти единомышленников, почитателей и меценатов, став площадкой для научного и практико-ориентированного диалога, посвященного Тотьме и территориям бывшего Тотемского уезда (так называемого Среднего Посухонья), а также культуре региона и Русского Севера в целом.

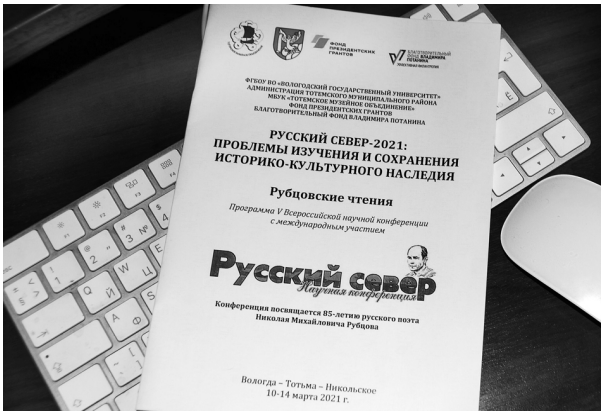
В рамках форума традиционно проводится целый ряд мероприятий для привлечения внимания к опыту работы Тотемского музейного объединения по реализации проектов, поддержанных фондом президентских грантов, благотворительными фондами В. Потанина, Е. и Г. Тимченко и других социальных инициатив. В этой связи круг участников мероприятий конференции 2021 года составил около 140 человек. Географически это были представители Вологды и Вологодской области, Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Мурманска, Республики Коми, Пермского края, Республики Карелии и Латвии.

Сборник материалов по итогам «Русского Севера – 2021» объединил под своей обложкой 58 статей по тематике конференции и 3 рецензии, посвященные краеведческой литературе о Тотьме, вышедшей за последнее время.

Данная публикация представляет собой итоговый обзор событий, связанных с конференцией, отражающих опыт и перспективы сотрудничества Вологодского университета с Тотемским музейным объединением.

Конференция «Русский Север», Н. Рубцов, культура Русского Севера, творческие проекты, наследие и художественная культура Вологодчины.

Всероссийская конференция с международным участием «Русский Север – 2021: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Рубцовские чтения» состоялась в г. Тотьме с 10 по 14 марта 2021 года. Данное календарное время на Вологодчине – это солнечные, но еще морозные дни, Масленица, дорожный зимник, сокращающий путь через Сухону до села Никольского по заснеженным просторам восточной части Вологодского края. Одно из самых красивых времен года, соотносимых с выбранным концептом изучения – Русский Север.



Программа конференции

Особенностью данного форума стала тематическая вставка в программу конференции. Так, в 2019 году конференция имела посвящение видному историку Вологодчины, основателю отделения культурологии Вологодского университета, д-ру ист. наук, проф. А.В. Камкину [1]. В 2020 акцент был сделан на изучении художественной культуры края, и здесь программа была расширена мероприятиями, посвященными академику живописи, одному из создателей коллекции Тотемского краеведческого музея – Феодосию Вахрушову [3]. В этом году часть программы была нацелена на изучение, рассмотрение и транслирование творческого наследия, выявление новых фактов биографии Н.М. Рубцова, чья жизнь тесно связана с Тотемским районом. Внимание исследователей было привлечено к генеалогии рода Рубцовых (Д. Пшеницын), публикациям поэтов «рубцовского круга» в журнале «Юность» (Е. Никанорова), творческому наследию Н. Рубцова (А. Новиков, С. Калита), окружению и коллективной памяти о поэте (выступления и статьи Л. Вересова, С. Кувшинова, А. Тищенко), а также хранителям этой памяти (Г. Мартюкова и Т. Данилова представили доклад об Алексее Антуфьеве, Н. Ефремов о редакторе тотемской газеты Л. Каленистове). На конференции шла речь о переводах стихов Н. Рубцова на французский язык (А. Сурков), иконографических источниках образа поэта в собрании ТМО (М. Правдина), мероприятиях по продвижению творчества Рубцова в библиотеках и общеобразовательных школах (А. Белогородская, Е. Попова, Н. Харламова).

Частью программы стал зимний Рубцовский костер в заречном бору, экскурсионная программа в с. Ни-

кольское, выступление солистов областной филармонии им. В. Гаврилина – оркестра русских народных инструментов «Перезвоны» (рук. А. Султаншин) совместно с вокальным ансамблем «Гармония», представившими литературно-музыкальную композицию «Поверьте мне: я чист душою» по письмам, текстам и отзывам современников Н. Рубцова. В неформальных беседах можно было узнать, что Н. Рубцов был заядлым футбольным болельщиком, а проф. А. Камкин – восьмиюродный брат поэта и по происхождению тоже из Тотемских мест.

Сотрудники Тотемского музейного объединения

Интересными с точки зрения содержательного наполнения и творческого проектирования были обсуждения по проектам, которые еще находятся в стадии начала осуществления: «Деревня непогашенных огней» и «Труба зовет-2: новая жизнь Старого Усолья». Так на конференции фундаментируется еще одна традиция – коллективное рассмотрение проектов, преобразующих пространство города Тотьмы и сельских поселений района с привлечением специалистов из разных сфер деятельности. Ранее обсуждались проекты по реновации набережной Кускова, созданию музейного квартала.

Доцент ВоГУ Людмила Якушева и студенты-культурологи

Некоторые научные темы буквально совпадали с тем, что можно было увидеть воочию в экскурсионной и рекреационной программе конференции. Выезд в д. Варницы и знакомство с реновацией территории сользавода соседствовали с представлением исследований материалов конца XVI века по Тотемскому соляному промыслу Спасо-Прилуцкого монастыря проф. ВоГУ М. Черкасовой, интерес к тотемской архитектуре сопровождался выступлениями М. Головизнина, П. Иванова, С. Ромашкиной. Интерес к местным названиям, быту и традициям подкреплялся выступлениями о рекрутских наборах в Тотемском уезде 1849 года Д. Пшеницына, изысканиями по местной демонологии В. Галушкиной, истории земской медицины (доклад С. Кузнецовой), особенностях восприятия мира в фольклоре тотемского района в работе А. Черновой, истории Тотемского края в XX веке А. Лютынского и др. Традиционно большое внимание было уделено изучению личности в истории и культуре региона (доклады Б. Ганиибала, Н. Кореневой, О. Полоцкой, С. Гладких), интерес к предметам повседневности – шалям, музыкальным инструментам – соседствовал с рефлексией над чаяниями, ожиданиями и мировоззрением поколения. Е. Дилакторская представила фрагменты из ахматовского архива Наталии Дилакторской, по девичьим воспоминаниям восстановлены эпизоды жизни Ф. Вахрушова, Л. Якушева поделилась географией исследования современной провинциальной культуры через практику записи наблюдений в режиме нон-стоп. Традиционно интересными были доклады, посвященные исследованиям фондовых коллекций ТМО В. Притчиной, И. Савковой, О. Завьяловой. Следует отметить, что в рамках мероприятия был презентован результат коллективного труда более чем сотни авторов – краеведческий альманах в двух томах «Тотемский край» под редакцией канд. пед. наук, проф. А. Огаркова. Данное фундаментальное научно-популярное издание увидело свет также при поддержке фонда президентских грантов и является в своем роде уникальным описанием культуры города, в котором проживает 10000 жителей.

Участники конференции

В целом, направления работы конференции нашли свое отражение в структуре сборника и затрагивали следующие аспекты: Н.М. Рубцов: биография, творчество, литературное наследие; Тотьма и Тотем-

ский край в культурном контексте Русского Севера; сохранение культурного наследия, музеефикация и развитие туристической отрасли; историко-этнографические и искусствоведческие исследования феноменов Русского Севера [2]. Таким образом, в ходе дискуссий, секционных заседаний, круглых столов, стендовых докладов и других форм конференциальной деятельности было достигнуто полилоговое многоголосие современной гуманитаристики, в котором наиболее различимыми стали «голоса» уникальных документов и вновь открытых фактов, фигуры и фона, личности и социума.

Материалы конференции предназначены широкому кругу интересующихся культурой Русской Севера – филологам, историкам, краеведам, могут быть рекомендованы в качестве пособия при изучении специфики культурологического анализа художественных текстов и социокультурных практик. Организаторы конференции, авторы данного материала, надеются на продолжение сотрудничества Вологодского государственного университета и Тотемского музейного объединения со всеми заинтересованными организациями и анонсируют следующую конференцию, которая состоится в первом квартале 2022 года.

Литература

1. Красильников, Р. Л. III Всероссийская научная конференция с международным участием «Русский Север – 2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия», посвященная памяти профессора А. В. Камкина / Р. Л. Красильников, И. В. Спасенкова, Л. А. Якушева, А. М. Новоселов // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2019. – № 2. – С. 116–119.

2. Русский Север – 2021: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: Рубцовский сборник: сборник работ V Всероссийской научной конференции с международным участием / Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет, редколлегия : Новоселов А.М. (отв. вед.) и др. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2021. – 546 с.

3. Тотемский край. Сборник краеведческих материалов в 2 т. / составитель и главный редактор А. А. Огарков. – Вологда : Родники ; Тотьма : Интеллект будущего. – 2020. – Т 1. Природа, история, культура. – 640 с.; Т 2. Поселения, организации, люди. – 748 с.

4. Якушева, Л. А. Форум русский Север – 2020: от локальной конференции к региональному консорциуму / Л. А. Якушева, А. М. Новоселов // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2020. – № 3. – С. 101–103.

L.A. Yakusheva, N.M. Novosyolov

RUSSIAN NORTH: PROBLEMS OF STUDYING AND PRESERVING HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE-2021: CONFERENCE, PROCEEDINGS, TRADITION

The All-Russian scientific conference with international participation «The Russian North: problems of studying and preserving historical and cultural heritage» marked its first milestone anniversary – 5 years in 2021. The project has been supported by like-minded people, admirers and patrons, and has become a platform for a scientific and practice-oriented dialogue dedicated to Totma and the territories of the former Totma District (the so-called Middle Posukhonye), as well as the culture of the region and the Russian North as a whole.

A number of events are traditionally held at the forum to draw attention to the experience of the Totma Museum Association in implementing projects supported by the Presidential Grants Fund, V. Potanin's and E. and G. Timchenko's charitable foundations, and other social initiatives. In this regard, the number of participants in the events of the 2021 conference was about 140 people from Vologda, Vologda Oblast, St. Petersburg, Moscow, Arkhangelsk, Murmansk, Komi Republic, Perm Territory, Republic of Karelia and Latvia. The proceedings of the «Russian North-2021» contain 58 articles on the topic of the conference and 3 reviews devoted to recent works on local history.

This article summarizes the conference events, which reflect the experience and prospects of cooperation between Vologda State University and the Totma Museum Association.

Russian North Conference, N. Rubtsov, culture of the Russian North, creative projects, heritage and artistic culture of the Vologda region.

УДК 008(470.12):378

Л.А. Якушева
Вологодский государственный университет

ПУСТЬ ВНАЧАЛЕ БУДЕТ ДЕЛО: ОЗНАКОМИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СТУДЕНТОВ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ РЕСУРС

С 25 июня по 2 июля в городе Тотьме состоялся выездной музейно-образовательный интенсив «Современные формы фондово-хранительской, научно-экспозиционной и музейно-педагогической работы в музее», который проходил в рамках ознакомительной практики. В нем приняли участие студенты 1 курса Института культуры и туризма ВоГУ, обучающиеся по направлению культурология, профилю – управление в социокультурной сфере. Данный материал знакомит с новым форматом взаимодействия вуз – музейное объединение, представляя специфику и результаты работы студентов ВоГУ в качестве музейных сотрудников на этапе знакомства и погружения в профессию.

Музейное объединение Тотьмы, интенсивный курс, вводная практика, культурное образование.

Студенты 1 курса априори попадают в ситуацию, когда любой вид учебной деятельности для них оказывается новым опытом: вступительные испытания, лекции, семинары, сессия и т. п. Учебные практики также попадают в данный список. В этом году в качестве новичков-практикантов оказались и преподаватели, так как на первый план вышли вопросы эффективности учебного процесса в режиме продолжающегося дистанционного обучения: это и освоение новых образовательных платформ, и разработка методических рекомендаций по усвоению материала в условиях удаленной работы, и реализация творческого потенциала студентов с учетом сокращения часов контактной деятельности. Тойнбианская модель «вызовов и ответов» в ситуации пандемии в некоторых аспектах дала результаты, заслуживающие внимания и обсуждения.

Студенты и кураторы музейного интенсива

Прежде всего, речь идет о работе в малых группах с применением продуманных технологий интенсивной деятельности, нацеленной на результат в более короткие сроки исполнения. «Музейный интенсив» (кураторы – директор ТМО Алесей Новоселов, доцент ВоГУ, канд. культурологии Людмила Якушева) – проект, который потребовал не менее 5 предварительных встреч и планомерной подготовки в течение 5 месяцев, и по итогу может быть взят за основу для разработки программ вовлечения в музейную деятельность не только студентов, но и школьников/пенсионеров/других социальных групп.

Рабочий план интенсива предполагал 2 этапа. Первый – максимальное погружение обучающихся в деятельность отдельно взятого музейного объединения. (Тотемское музейное объединение является флагманом туриндустрии Вологодской области, в определенном смысле определяет градообразующую среду города Тотьмы и насчитывает 7 самостоятельных подразделений.) Эта задача решалась с помощью корректировки смыслового посыла обширной экскурсионной программы. Студентам был представлен содержательный пласт имеющихся музейных экспозиций, показан творческий потенциал каждого проекта во взаимодействии и перспективе. Например, была представлена программа «Соль земли», нацеленная на вовлечение различных слоев населения в процессы изучения и сохранения истории малой родины. Отдельными тематическими сегментами «Соль земли» связана с проектом «Труба зовет», который более детально посвящен теме солеварения Тотьмы на археологическом, историческом, экономическом, социальном и бытовом уровнях развития культуры данного региона. Результаты выставочной деятельности куратора Ольги Полоцкой (проект «Фантастические твари») были представлены как итог сотрудничества музея с молодежными объединениями и подростками города. Особое внимание привлекла выставка «Свобода быть собой», посвященная Ф.М. Вахрушову – художнику-академисту, который предпочел столице жизнь в глубинке. Студенты познакомились с отдельными этапами творчества, особенностями стиля и мировоззрения, историей написания отдельных картин художника. Параллельно были представлены все этапы работы куратора выставки от замысла к воплощению, экспонирование от фрагментарного до цельного восприятия фигуры выдающегося тотьмича.

Экскурсии по городу локации, посвященные Феодосию Вахрушову, также были выделены по смыслу и значению. То есть в каждом отдельном случае (а это были 10 экскурсий) студентам демонстрировался как сам экспозиционный материал, так и информационный ресурс той или иной выставки во взаимодействии с другими проектами, инновационными идеями – по вовлечению неформальной молодежи к работе музея, использованию опыта городских НКО, социальных инициатив активных горожан.

Н. Дробышева
на выставке Фантастические твари

Основной образовательный блок музейного интенсива (2 этап) предполагал делание студентов (по их личному выбору) на 3 группы по разным направлениям музейной деятельности. Каждая из групп получила творческое задание, которое выполняла в течение нескольких дней. По итогам работы состоялась творческая защита проектов в форме открытой дискуссии, на которой обсуждалась специфика, качество и результативность усилий рабочей группы.

С куратором выставки М.Б. Правдиной

Отправившиеся изучать музейно-педагогические программы под руководством экскурсовода ТМО Анатолия Пахнина должны были за неделю создать мультимедийную игру «Тот город зеленый и тихий», посвященную Тотьме 1950–1970-х годов. Научно-экспозиционной группе (куратор – зам. директора по научной работе ТМО Наталья Коренева) было предложено разработать варианты для грядущей реэкспозиции зала краеведческого музея, посвященного творчеству художника Ф.М. Вахрушова. Студенты, пришедшие на работу в музейные фонды (кураторы – главный хранитель фондов Ольга Полоцкая и канд. культурологии ученый секретарь ТМО Мария Правдина), самостоятельно смогли поработать в операционной системе КАМИС, которая позволяет оцифровывать музейные экспонаты. Эта группа обучающихся занималась описанием поступивших в музей от дарителей предметов, готовила экспертные заключения с обоснованием приема или отказа в приеме предметов в музейный фонд.

Работа с архивными материалами

Во время практической музейной деятельности у студентов была возможность познакомиться с работой учреждений культуры Тотьмы, которые активно сотрудничают с музеем: практиканты приняли участие во встрече с начальником отдела инноваций и проектов администрации района канд. соц. наук Артемом Чернегой, в мастер-классе Петровской ремесленной школы, познакомились с деятельностью центра ремесел «Морошка» и музейно-выставочного центра «На Большой Садовой» с творческим пространством «Антре-Соль». В общей сложности непосредственно со студентами работала команда, сформированная ТМО, из 20 человек.

На вопрос, чем руководствовался директор ТМО Алексей Новоселов, организуя работу студентов на высоком качественном уровне, с предоставлением практикантам комфортных бытовых условий (студенты проживали в двухместных номерах гостиницы «Рассвет»), куратор практики отметил: «”Ударить по стереотипам!” – примерно таким мог бы быть лозунг нашего недельного музейно-образовательного интенсива. Стереотипам, разумеется, тем, что связаны с самим понятием “студент в музее”. Надо признать, что музейщики нечасто проявляют искреннюю заин-

тересованность в проведении студенческих практик на базе своих учреждений. Иногда такие мероприятия сводятся к формальному выполнению, а потом приходится недоуменно удивляться, почему молодежь даже профильных специальностей, окончив вузы, не идет работать в музеи, а если идет, то имеет об этой работе очень приблизительное представление. Очень хотелось как-то изменить ситуацию и сделать наш интенсив в Тотьме по-настоящему актуальным и полезным для ребят – таким, какой практики я бы хотел для себя в свою бытность обучения на отделении культурологии. И я очень благодарен своим коллегам за то, что они откликнулись на мои идеи, приняли стажирующихся в свои добрые руки и даже допустили к базам данных КАМИС и рукописям еще не сданной в печать книги "Осколки времени-3"».

По результатам работы все участники интенсива получили соответствующие сертификаты, была отмечена увлеченность и заинтересованность ребят. Из устных отзывов:

«А как к вам устроиться на работу через три года?»

Софья Черненко: «Я впервые для себя поняла, что можно делать очень крутые вещи в малом городе. Я никогда не видела себя на родине и думала, что перееду, но теперь все перевернулось в голове, и я хочу вернуться и делать у себя то, что вы делаете здесь».

Полина Семенова: «Алексей, а можно я приеду к вам осенью помогать перестраивать экспозицию? Могу даже за свой счет, только возьмите».

Из дневника практики Кристины Семанчук: «Тотьма для меня – это эмоции, люди и любовь. Я бы хотела сюда еще вернуться».

Третьей, неформальной стороной музейного интенсива были прогулки по Тотьме, встреча заката на городском мосту, ужины на ступеньках новой набережной, интеллектуальные игры в рекреационном пространстве гостиницы по вечерам и задушевные разговоры за чаем. Именно поэтому все 12 участников выездной экспедиции с воодушевлением восприняли финальное посвящение в братство черной лисы с вручением официальных сертификатов о прохождении музейно-образовательного интенсива «Современные формы фондово-хранительской, научно-экспозиционной и музейно-педагогической работы в музее», которое инициировалось доцентом ВоГУ Л.А. Якушевой и кураторами практики, сотрудниками музея А.М. Новоселовым и М.Б. Правдиной.

В заключение можно резюмировать следующее: организация совместных мероприятий ТМО и кафедры теории, истории культуры и этнологии ВоГУ успешно продолжилась. Уже традиционной стала проводимая совместными усилиями всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Русский Север». Хочется надеяться, что музейные и ознакомительные практики студентов, другие образовательные программы на базе ТМО будут осуществляться и впредь, поскольку инновационный ресурс подобного сотрудничества способен привести к успешным результатам.

L.A. Yakusheva

IN THE BEGINNING LET IT BE THE ACTION: THE INTRODUCTORY STUDENT PRACTICE AS AN INNOVATIVE RESOURCE

From June 25th to July 2nd, the town of Totma hosted a field educational intensive course «Modern forms of keeping and displaying museums' collections, scientific and educational work in the museum» held as part of the introductory student practice. It was attended by the first-year students of the Institute of Culture and Tourism, Vologda State University. They specialize in management in socio-cultural sphere. This article introduces a new form of interaction between the university and the museum association, presenting the specifics and results of the work of VSU students as museum employees at the beginning of their career path.

Totma Museum Association, intensive course, introductory practice, cultural education.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баженов Николай Юрьевич
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара, Россия)
nickolai.bazhenoff@yandex.ru

Бубнова Нина Викторовна
кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского (Смоленск, Россия)
85ninochka67@mail.ru

Головизнин Марк Васильевич
кандидат медицинских наук, доцент Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова, член редколлегии сайта www.shalamov.ru (Москва, Россия)
mvasilef@mail.ru

Головкина Светлана Христофоровна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sgolovkina@mail.ru

Егорова Людмила Владимировна
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Зелезинская Наталья Станиславовна
старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)
zelennew@tut.by

Ильина Юлия Николаевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)
juli_il1@mail.ru

Коренева Юлия Викторовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета (Москва, Россия)
uv.koreneva@mgou.ru

Красильникова Елена Александровна
кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)
lekrasil@mail.ru

Марков Александр Викторович
доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)
markovius@gmail.com

Недоступова Любовь Вениаминовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета (Воронеж, Россия)
nedostupowa2009@yandex.ru

Новоселов Алексей Михайлович
директор Тотемского музейного объединения (Тотьма, Россия)
totmamuz@mail.ru

Орлова Елена Олеговна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры начального, дошкольного образования и социального управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
oeo55555@mail.ru

Петров Андрей Васильевич
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
avpetrov@atknet.ru

Пудов Глеб Александрович
кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела народного искусства Государственного Русского музея (Санкт-Петербург, Россия)
narodnik80@list.ru

Саблин Василий Анатольевич
доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Славнитский Николай Равильевич
кандидат исторических наук, архивариус научно-ведомственного архива Государственного музея истории Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия)
slavnitski@bk.ru

Столетова Анна Сергеевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета, доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА (Вологда, Россия)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Федорова Анна Вячеславовна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
canelloni@mail.ru

Филиппов Андрей Константинович
кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
a.filippov@spbu.ru

Филиппов Константин Анатольевич
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
k.filippov@spbu.ru

Флянтикова Елена Викторовна
старший преподаватель кафедры русского и белорусского языков Гродненского государственного медицинского университета (Гродно, Республика Беларусь)
alena-flint@mail.ru

Цветкова Анна Николаевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языков Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
skoanna@yandex.ru

Шарихин Евгений Юрьевич
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
sharichan@yandex.ru

Шевченко Надежда Викторовна
кандидат филологических наук, доцент Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
speranza249@mail.ru

Югай Елена Федоровна
кандидат филологических наук, доцент Liberal Arts College Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва, Россия)
leta.ugay@gmail.com

Якушева Людмила Алентиновна
кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kafticie@vogu35.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bazhenov Nikolai Yurievich
Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian and Mass Communication, Samara State Aerospace University named after Academician S.P. Korolev (Samara, Russia)
nickolai.bazhenoff@yandex.ru

Bubnova Nina Viktorovna
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Russian Federation Armed Forces Army Air Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky (Smolensk, Russia)
85ninochka67@mail.ru

Goloviznin Mark Vasilievich
Editorial Board Member of the web-site www.shalamov.ru, Candidate of Medicine, Associate Professor, Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov (Moscow, Russia)
markovius@gmail.com

Golovkina Svetlana Khristoforovna
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
sgolovkina@mail.ru

Egorova Lyudmila Vladimirovna
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Zelezinskaya Natalya Stanislavovna
Senior Lecturer of the Department of Translation and Interpretation, Faculty of Social and Cultural Communication, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
zelennew@tut.by

Ilyina Yulia Nikolaevna
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Philology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia)
juli_il1@mail.ru

Koreneva Yulia Viktorovna
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of History of Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University (Moscow, Russia)
uv.koreneva@mgou.ru

Krasilnikova Elena Alexandrovna
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of European Languages, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
lekrasil@mail.ru

Markov Alexander Viktorovich
Doctor of Philology, Professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
markovius@gmail.com

Nedostupova Lubov Veniaminovna
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia)
nedostupowa2009@yandex.ru

Novoselov Aleksey Mikhailovich
Director of Totma Museum Association (Totma, Russia)
totmamuz@mail.ru

Orlova Elena Olegovna
Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Preschool and Primary Education and Social Management, the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).
oeo55555@mail.ru

Petrov Andrey Vasilievich
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
avpetrov@atknet.ru

Pudov Gleb Aleksandrovich
Candidate of Art Criticism, Leading Researcher of the Department of Folk Art, the State Russian Museum (Saint Petersburg, Russia)
narodnik80@list.ru

Sablin Vasily Anatolyevich
Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Slavnitsky Nikolay Ravilievich
Candidate of History, Archivist of the Scientific and Departmental Archive, The State Museum of the History of St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
slavnitski@bk.ru

Stoletova Anna Sergeevna
Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (Vologda, Russia)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Fedorova Anna Vyacheslavovna
Candidate of Philology, Associate Professor of the Literature Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
canelloni@mail.ru

Filippov Andrei Konstantinovich
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Mathematical Linguistics, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
a.filippov@spbu.ru

Filippov Konstantin Anatolievich
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of German Philology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
k.filippov@spbu.ru

Fliantikova Elena Viktorovna
Senior Lecturer of the Departmentof the Russian and Belarusian Languages, Grodno State Medical University (Grodno, Belarus)
alena-flint@mail.ru

Tsvetkova Anna Nikolaevna
Candidate of Philology, Associate Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
skoanna@yandex.ru

Sharikhin Evgeny Yurievich
Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian for the Faculties of Humanities and Natural Sciences, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg,Russia)
sharichan@yandex.ru

Shevchenko NadezhdaViktorovna
Candidate of Philology, Associate Professor, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)
speranza249@mail.ru

Yugai Elena Fedorovna
Candidate of Philology, Associate Professor of the Liberal Arts College, Institute for Social Sciences, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)
leta.ugay@gmail.com

Yakusheva Ludmila Alentinovna
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafticie@vogu35.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Исторические и филологические науки
№ 4 (23) / 2021

Главный редактор В. А. Саблин

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13.06.2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано в печать 09.12.2021 г. Выпуск в свет 24.12.2021 г. Формат 60 х 84/8
Уч.-изд. л. 14,6. Усл. печ. л. 15,5. Тираж 57 экз. Заказ № 831. Цена свободная

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
160000, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15

Отпечатано: ООО РА «Эпатаж»
160004, г. Вологда, ул. Ленинградская, 38
Тел.: (8172) 724-800, 70-25-77, e-mail: ra-epatazh@mail.ru